ЕВГЕНИЙ КАПБА
ВЕЛИКИЙ
И
УЖАСНЫЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Сказки бывают разные. Одни — про чудесные города и далекие страны. Другие — про добрых волшебников, принцесс и эльфов. Третьи — про героических рыцарей и свирепых чудовищ. Меня угораздило: я попал туда, где сказка давно стала былью.

Сбылась мечта идиота!

Правда — есть несколько проблем. Принцессы какие-то не очень прекрасные — это раз, волшебники ни разу не добрые — это два. Ну и на роль чудовища назначили меня — это три.

Но жить-то надо? На работу устраиваться, ремонт делать, зубы лечить… А вы думали, чудовища зубы не лечат что ли? Или стоматологов в сказке не водится? Водятся, а как же. И цены у них тоже — сказочные!

От автора:

Однажды дочки попросили меня рассказать сказку. Ну, типа страшилку, но нестрашную. Про кого? Про Бабайку.

«Ну окей» — подумал я. И начал сочинять на ходу, напихивая в историю мотивы известных литературных и кинематографических произведений. Получилось нечто неожиданное: эдакий киберпанково-постапокалиптический антураж, с многочисленными и столь любимыми мной аллюзиями, реминисценциями и оммажами к нашей, привычной культуре. Эльфы, гномы и орки живут бок о бок с людьми, сидят в смартфонах, пьют кофе, мутят бизнесы, бьют друг другу рожи и влюбляются. Магия соседствует с продвинутой технологией, киборги — с гоблинами, хтонические чудища — с обычными рэкетирами и гопниками.

И я подумал: надо писать! Но сами понимаете — сказка для двух девочек трех и семи лет — это одно, а развлекательное чтиво для нас с вами — несколько другое!

- Евгений Капба
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10

- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17
- Глава 18
- Глава 19
- Глава 20
- Глава 21
- Глава 22
- Глава 23
- Глава 24
- Глава 25

Евгений Капба
Великий и Ужасный

Глава 1
Не от мира сего

Эта история пишется исключительно в развлекательных целях, без желания поучать, оскорблять, задевать чувства или выводить на чистую воду. Здесь нет скрытых смыслов, подтекстов и великих идей. Это просто веселая сказка про Бабайку, орков, гномов и эльфов в непривычном антураже. Наверное.

Всё началось с того, что меня убило молнией.

Хотя нет. Всё началось гораздо раньше. Знаете, все эти разговоры в стиле «Ты не от мира сего!», «Приди уже в себя, наконец!», «Вернись в реальный мир» — они меня всегда здорово бесили, класса эдак с пятого. Но я никогда не принимал их всерьез — спасало философское отношение к жизни и некоторый пофигизм. Вы — такие, мы — другие…

Но в этот раз ситуация зашла довольно далеко.

— Ты живешь в параллельной вселенной, — сказала Вика. — Это была последня капля, Бабаев!

Ее каблучки цокали по квартире, грива рыжих волос мелькала там и тут — на кухне, в спальне, в ванной комнате. Я как-то рассеянно наблюдал за тем, как моя девушка — бывшая девушка? — собирает вещи, и не знал, радоваться мне или грустить. Остановившись перед зеркалом, Вика мизинцем поправила контур губ, вытирая невидимое мне пятнышко карминовой помады в уголке рта. Красивая она всё-таки, зараза! Глазки, губки, ножки, талия — ну, вот это всё.

— Ах да, чуть не забыла… — пальчики с аккуратным маникюром в стиле «френч» достали из сумочки две глянцевые картонки с красочной полиграфией и небрежно отправили в полет по комнате. — Можешь считать это одновременно заявлением об увольнении и официальным сообщением о том, что нас с тобой больше ничего не связывает. Ты хороший парень, Бабаев. По-своему. Но дурачок каких мало!

Она так и сказала — «дурачок». А потом подхватила свой чемодан на колесиках, посмотрела на меня с сожалением и, хлопнув входной дверью, вышла на лестничную площадку. Я так и стоял, привалившись плечом к шкафу, и слушал — звука вызванного лифта всё не было. Ждала, что я выйду и буду просить остаться? Может, и правда — стоит?

Две цветные картонки, наконец, приземлились на ворс ковра, завершив свой необыкновенно долгий полет по комнате. Глядя на изображенную на одной из них горную речку и поросшие лесом горы я совершенно ясно понял — не стоит.

Когда металлическое лязганье всё-таки послышалось и Викины каблучки процокали в кабину лифта, я сделал над собой усилие отлепился от стенки шкафа, за пару шагов пересек комнату, наклонился и поднял с пола два сертификата на авторское путешествие. Я, блин, не знаю, в каком мире живет она, но в моем мире сплав по Катуни и семь дней в палаточном лагере на озере Манжерок — это охренеть какой классный подарок на годовщину! Большая вода, Манжерокские пороги, Алтай — черт возьми, я мечтал об этом полжизни! А тут — «дурачок»!

Наверное, она хотела на Бали. Наверное, я действительно витал в эмпиреях и долго уговаривал сам себя, делая вид, что наш удобный и взаимовыгодный в этот период времени симбиоз похож на настоящую любовь и настоящие отношения. Я ведь хотел предложение ей делать — когда на рафте будем проходить Манжерокские ворота… Эпично было бы, а?

Почти не думая, я вынул из заднего кармана брюк смартфон и нашел в контактах Панкратова — своего партнера по… Бизнесу? Черта с два это можно было назвать бизнесом. Мы проводили квизы в двух областных и нескольких районных центрах, под одной франшизой но разными командами: я с Викой и он — со своей супругой. Доход был неплохой, но назвать это серьезным словом «бизнес» язык не поворачивался. Само дело-то было насквозь несерьезным: собраться, поржать, выпить, загадки поразгадывать, музыку послушать…

— Паша? Привет… Бабаев беспокоит, прости что поздно, решение спонтанное. Заберешь мои города? Да, ведущего подскажу, есть толковый парень, ты ему просто с организацией первое время помоги, может — покатай его… Техник у него тоже есть, студент, он за подработку в ножки поклонится. Нет, нет, решил сменить сферу деятельности, а ребят подводить не хочу. Никаких претензий, ничего на карту кидать не надо… Говорю — нисколько не надо! Это мой головняк, не твой. Ну почему сразу с Викой? Ладно, и с Викой тоже. Но это вторично. В общем — договорились? Ну и классно! Контакт ведущего в телеге скину, график игр — тоже. По заведениям ты в курсе. Да, всё нормально, ты ж меня знаешь. Что со мной будет?

Оп! Целая страница жизни закрыта. На душе полегчало. В конце концов, на Манжерок можно поехать и одному. Полжизни мечтал! Дурачок я, что ли — от мечты отказываться?

* * *

Да, да, наверняка джип «Чероки» тысяча девятьсот восемьдесят четвертого года тоже казался Вике явным признаком того, что я — дурачок. Ей бы хотелось, чтобы вместо него у меня был какой-нибудь «Шевроле Оникс» — элегантный и современный. И вместо вечно нечесаных косм на голове — модельная прическа, вместо малосемейки — трешка в центре, а еще лучше — в Москве или Питере. И чтобы вместо походов и арт-фехтования с такими же дурачками, как сам, я ходил бы с ней к тому фитнес-тренеру в обтягивающих штанцах — по будням, и в ночной клуб — по выходным. В ответ на такие заходы у меня периодически возникал вопрос — на кой хрен тогда вообще нужен я? Может, вместо меня тебе нужен тот — в штанцах? У него, конечно, не «Шевроле Оникс», а «Рено Логан», но зато парниша клубы любит и прическа отличная. Но вопрос этот обычно давился на подступах — где-то на уровне подкорки мозга. Потому что мне с Викой было удобно. Ну, и красивая она была, куда без этого.

Джип наматывал километры дороги на колеса, из динамиков хрипел «Green Day», в стакане остывал ядреный кофе — я был почти счастлив, пристукивая по рулю ладонью в такт гитарным рифам американского панк-рока. Заедали только надоедливые мысли про «параллельную вселенную». Честно говоря, меня это здорово зацепило. Да, да, я считал наш мир довольно скучным. Нет, не в том смысле, что тут нечем заняться, или творится мало дерьма, с которым хорошо бы разобраться — каждому на своем месте.

Просто… Эпоха великих географических открытий давно прошла, в Амазонию и Сахару уже провели интернет, последний остров на карту нанесли лет сто назад, и из всех динамиков всех шести континентов теперь играет одна и та же музыка. И, к сожалению, это не «Green Day». Таким дурачкам, как я, бежать больше некуда! На Марс? Так люди предпочитают заниматься всякой чушью типа войны, вместо того, чтобы вкладываться в развитие космической программы. Да и специальность у меня неподходящая — гуманитарии на Марсе и нахрен не нужны, а умение красиво махать мечом в наше время ценится только среди чудиков всех мастей, потому как Марс — не Барсум, вместо тарков и панаров там одни роботики — американские и китайские…

Холмы, перелески и далекие, забытые Богом деревеньки мелькали за стеклом авто, оставаясь ненадолго в боковым зеркале размытым отражением, чтобы потом пропасть навсегда.

Небо над шоссе темнело с каждой минутой, тяжелые тучи нависали низко над землей. Первые крупные капли дождя ударили о лобовое стекло, грянул гром, возвещая приход грозы.

«Чероки» — не та машина, которую будет волновать даже самый сильный ливень. В этом был даже свой особый кайф — чувствовать себя защищенно внутри мчащейся вперед коробки из стекла и металла…

— Твою мать! — невольно вырвалось у меня, когда, поднявшись на холм, я увидел в кювете справа крепко засевший в грязи седан.

«Рено Логан», чтоб его!

На дорогу выбежал мужик в грязной и мокрой одежде, принялся махать руками… Ну, понятно! Понакупают седанов, а мы, дурачки, потом вытаскивай их из канав и кюветов. Конечно, я остановился и, конечно, согласился помочь. Трос был, подцепили, вытянули, извалявшись в грязи, вымокнув до нитки и вспомнив все матерные слова в мире. Благо — ренулет не пострадал, завелся и, кажется, мог доехать куда нужно. Мужик долго благодарил, пытался даже денег сунуть, я — не взял. Дорога! Всякое может случиться. Сегодня — ты, завтра — я…

Дождь почти кончился, вид отсюда, с вершины холма, был красивый, а мокрую, запачканную глиной и травой одежду всё равно нужно было менять, так что я завис на пару минут с еле теплым кофе в руках под открытой дверцей багажника, и разглядывал окружающие красоты. Поймал момент эстетического наслаждения.

Инстинкт самосохранения просто не сработал, когда раздалось электрическое потрескивание. К такому меня точно не готовили! Странная хрень в виде голубого сияющего комка в обрамлении протуберанцев из крохотных разрядов появилась прямо над линией дорожной разметки и не спеша полетела в мою сторону.

— Шаровая молния, — сказал я с ледяным спокойствием.

Бежать было бессмысленно, я уже всё понял и смирился. В конце концов — неплохой день, чтобы сдохнуть. «В чем застану — в том и сужу»? Нормальный расклад, даже кофе допить успел.

Молния рванула мне в самое лицо, и яростный синий свет заполонил всё сущее. Похоже, я умер.

* * *

Что-то холодное и тяжелое давило мне на висок. Всё тело покалывало — как будто после пьянки проспал несколько часов в

одном положении. Вокруг слышались чьи-то шаги и грубые голоса. Говорили точно по-русски, но акцент был незнакомым. Даже не акцент — интонация! Так москвичи тянут свое «мала-а-ако», украинцы — певуче произносят «кри-и-ишка», а северяне частят и «токают». Тут тоже было нечто подобное, но спутанное сознание напрочь отказывалось определять — что именно.

— … менталист поработал. Как бы они иначе взяли Резчика в его собственном жилище? Сколько эти двое тут прожили — месяц? — молодой мужской голос звучал устало, с нотками досады.

— Дней двадцать, — откликнулся кто-то, явно злоупотреблявший курением. Хрипел он знатно.

— И трех дней Резчику хватило бы, чтобы размалевать всю комнату. Точно тебе говорю — менталист!

— Но это ведь значит, что кто-то из самих…

— Вот и помалкивай, Козинец! Это не нашего ума дела. Наше дело — как командирского сына вытащить с того света, и мы его — провалили.

— Да как же провалили-то, господин ротмистр? Мы ж прибыли — а тут уже…

Третий голос прозвучал прямо над моей головой:

— Господин ротмистр! Меньшой этот, похоже, живой! — голос был глубокий, басовитый, такой человек мог, наверное, петь в каком-нибудь народном хоре.

— Меньшой? — усмехнулся хрипатый Козинец. — Да у него руки как твои ноги, Талалихин!

— Тихо все! — рявкнул ротмистр. — Точно — живой? Вы понимаете, что это значит?

Сыто клацнул затвор. О! Этот звук я прекрасно узнал. К сожалению, наслушался…

— В расход? — прогудел Талалихин.

— Какой расход?! Офонарел? Ты понимаешь, что для нашего парня это последний шанс? Ты понимаешь, что это значит для командира?

— Да у самого семеро по лавкам, как не понять? Козинец, зови фельдшера!

От моего виска убрали металлическое и тяжелое. Некто Козинец, бухая подошвами, пошел звать медика. Наверное, по мою душу. На самой границе восприятия я услышал, как он хрипло бурчит себе под нос:

— Этой образине не фельдшера, а ветеринара нужно звать…

Честно говоря, стало немного обидно. Конечно, я не красавец, и видок после встречи с молнией у меня наверняка еще тот, но шуточки у этого Козинца так себе по качеству!

— Глядите, господин ротмистр, ухами шевелит!

— Не ухами, а ушами, бестолочь! Учишь вас, учишь… А всё то же — дяревня лапотная, сена-солома, земщина из вас, олухов, так и прет, даром, что столько лычек заработали…

Очень много было во всем этом непонятного, во всех этих ротмистрах и прочем, но информации для анализа не хватало. А у современного человека основной источник информации — зрение! Потому я попытался открыть глаза. Получилось, честно говоря, не очень: правый поддался, левый — нет. Наконец мутное марево рассеялось, и я увидел бетонный пол, покрытый пылью, мелкими обломками и щепочками. И две крепкие рифленые подошвы тяжелых ботинок.

— Так а чего вы меня позвали? Это же урук! Если шевелится — значит, скоро будет бегать по потолку, орать и стараться нас всех укокошить. Чем вы руки ему… Стяжками? Господин ротмистр, что за безрассудство? Вы понимаете вообще, с кем имеете дело? Кстати, он в сознании и нас прекрасно слышит. Странно, очень странно… Должен бы уже попытаться убить хотя бы вон Талалихина — он стоит удобнее всего! — похоже, тараторил прибывший фельдшер.

Талалихин, которому и принадлежали тяжелые ботинки, переступил с ноги на ногу, явно нервничая:

— Поликарпыч, не стращай, а? И так пуганые! Ты на него посмотри — не похож он на урука! То есть похож, но не похож…

— Да? Действительно… Так, милейший, не жмурьте глаза, я видел, что вы очнулись. К вашему сведению — вы сейчас под прицелом трех… Ага, четырех автоматов Татаринова, которые находятся в руках людей, имеющих колоссальный опыт обращения с этим оружием. Знаете, что такое автомат Татаринова? Вообще — что такое автомат?

— Да, — сказал я.

Голос прозвучал странно, непривычно, пугающе.

— И, по всей видимости, немедленно бросаться в бой не собираетесь?

— Нет.

— Чудесно. Тогда во мне тут больше не нуждаются. Ротмистр?

— Идите, идите. Дальше — не вашего ума дело. Талалихин, Козинец — переведите его в вертикальное положение, — скомандовал ротмистр. — Хренассе, какой здоровенный!

Я тоже едва не выругался: эти трое выглядели весьма впечатляюще. Кажется, такую экипировку называли «тактическая броня», только по сравнению с виденными мной образцами подобных костюмов, эти напоминали скорее рыцарские латы.

Матово-черные бронещитки, какие-то жутко технологичные шлемы, залихватски сдвинутые в район макушки, скрытые под доспехом сервоприводы, латные перчатки, мощные ботинки… Автоматы Татаринова выглядели свирепо: рубленые очертания, планки для крепления приблуд, массивные пламегасители, объемные магазины — очень родненько все это было сделано, очень по-нашему. Увидишь — и сразу поймешь, что делали не в Калифорнии или Брюсселе, а где-нибудь в районе Уральских гор.

Ну, и лица. Лица были обычные, человеческие, но очень характерные — сосредоточенные, с колючими взглядами, все как один — усатые. Матёрые волки, на таких кидаться — себя дороже. Усы и белый двуглавый орел на правом наплечнике самого молодого из них — вот что меня почему-то шокировало сильнее всего. Орел был геометричный, без изысков, с императорской короной меж голов, и мечом и молотом — в лапах. Где-то я что-то похожее видел…

— Так! — сказал латник с орлом на плече, и по голосу я понял, что это и был ротмистр. — Как к тебе обращаться, чудище?

— Бабаев… — я было хотел назвать имя и отчество, но был безбожно прерван.

— Бабай? Действительно, твоей рожей только детей и пугать… Ну, Бабай так Бабай, мне если честно — тоньше лезвия. Ты вот что скажи — татуировки эти ваши делать обучен?

От удивления я даже хрюкнул. А это тут причем? Какие, к черту, татуировки? Нет, вообще-то я подрабатывал в тату-салоне несколько лет назад стажером младшего ученика помощника по бесталанности, переводил по трафаретику разные завитушки на части тела соотечественников, но каким это вообще боком…

— Ты не рычи на меня и не вызверивайся. Мы с тобой в очень дерьмовой ситуации, не стоит усугублять. Понимаешь, Бабаюшко… — ротмистр почесал себе покрытый испариной лоб пальцами в латной перчатке. — У командира нашего сынок единственный подцепил какое-то заковыристое гадство. И ни наш Поликарпыч — на что медик от Бога, ни чародейка из отряда спецмедэвакуации ничего поделать не смогли. А Роксана — она… Ну, в общем — если она не смогла, то никто не сможет. И тут вот Козинец и вспомнил, что на Маяк заехал Резчик с учеником. У него, у Козинца-то, тут брат двоюродный живет, он и обмолвился. Резчики — товар штучный, а чтоб еще и в учениках у мастера кто-то был — это и вообще нонсенс. Но — шанс! Серьезный. С вашими этими татау воины урук-хай выживали в настоящем пекле… Я, хм, сам… Хм! Сам это пекло иногда и устраивал, если честно.

Чародейка? Резчик? Татау? Урук-хай?! Что тут нахрен вообще происходит-то? Мама, забери меня обратно!

— Так что у тебя есть два варианта: ты сейчас отвечаешь утвердительно, мол — да, обучен делать татуировки. Мы доставляем сюда княжича, ты набиваешь ему лечебные… Мне тоньше лезвия, что там вообще делать будешь и как, но — отсюда княжич должен уехать с татуировками. Если поможет — уж поверь мне, командир в долгу не останется, да и все мы — тоже. Паренек нас здорово прикрыл, кажый из нас ему жизнью обязан. А если нет — ну, у тебя будет пара дней, чтобы навострить лыжи к черту на кулички. А потом командир тебя найдет — и убьет. Хотя — мы в Сан-Себастьяне, дальше валить вроде некуда! Вот такие дела, Бабай, такие дела…

— А второй вариант? — спросил я, снова напугавшись собственного голоса.

— Мы нашпигуем тебя разрывными пулями прямо сейчас. Четыре ствола, по магазину на каждый — думаю, двести патронов хватит даже уруку. Каким бы страшным ни было чудище, всегда есть критическая масса металла в организме, с которой тварь жить не сможет. Не, про тварь — я не относительно тебя, я в принципе… — этот ротмистр, похоже, был балагуром и вообще веселым парнем. — Это дело проверенное, так что не сомневайся.

Он мог бы мне даже понравиться, если бы не тыкал в меня охренительно здоровой пушкой! Вот и теперь он нервно улыбнулся и спросил:

— Так каков будет твой положительный ответ?

— Давайте попробуем, — сказал я.

— Давайте, — с некоторым облегчением проговорил ротмистр. — Грищенко, иди к Поликарпычу, пусть несут княжича.

Грищенко, который все это время молча стоял в углу и держал меня под прицелом, ничего не говоря, вышел за дверь. Я беспомощно оглянулся: чтобы делать татуировки, нужны были как минимум какая-нибудь кушетка, машинка, краска в конце концов!

— Это ищешь? — спросил басом Талалихин — черноусый дядька с темными же глазами и волевым подбородком.

Он наклонился, бронированной ладонью вытащил из-под раздолбанного стола продолговатый деревянный ящик и протянул его мне. Черт его знает, это я искал или не это, но со связанными за спиной руками взять не мог ничего… Или — мог? Повинуясь наитию, я напряг предплечья, распрямил спину, повел плечами…

— Цок! — на пол упали те самые пластиковые стяжки, которыми мне зафиксировали запястья.

— Однако! — сказал ротмистр. — Силен.

Я был удивлен не меньше него, но виду не подал. Ухватил обеими руками ящик, провел пальцами по гладкой, полированной поверхности и снова — прислушавшись к внутреннему чутью, надавил на едва ощутимые выпуклости в крышке.

— Щелк! — ящик открылся.

— Оно, — одобрительно кивнул Козинец. — Как на картинке. Стило, прибамбасы — всё здесь.

Стило? Ну, пусть будет стило. Это было похоже на… На беспроводную тату-машинку. Правда, оформлена она оказалась в стиле «дорого-богато»: бронза, самоцветы, гравировка… В деревянном ящичке нашелся весь фарш: картриджи с разными колерами, аккумуляторы, съемные иглы — чем-то похожим я и работал в салоне, так что собрал аппарат в два счета.

— Ащ-щ? — удивился я, когда какая-то острая хрень выщелкнулась из рукоятки, впилась мне в ладонь и ранила до крови.

И, мать его, кровь с жирным шипением всосалась в это самое стило, а самоцветы загорелись золотым огнем! Но пялиться на все эти чудеса и на собственные руки, которые очень здорово отличались от тех, к которым я привык за свою не такую уж и короткую жизнь, времени не было.

В выбитую дверь уже вносили бледного как смерть паренька — длинноволосого, красивого, изящного, одетого во что-то, напоминающее военную форму. Фельдшер Поликарпыч — пожилой уже мужик в точно таком же, как и у других, бронированно-технологичном облачении, но с нанесенной на левое плечо изображением красной капли, снял с груди пациента какой-то гаджет размером со средний смартфон и выключил его экранчик, которой до этого мигал красным. Вздохнув, медик произнес:

— Я не знаю, господа, что мы тут делаем, и чем нам поможет этот… Хомо хоррибилис! Но современная медицина — как цивильная, так и магическая — расписываются в собственном бессилии. Княжич проживет не более четырех часов, и после этого…

Носилки с парнем бронированные воины взгромоздили на огромный овальный стол, который возвышался в самом центре царящего в комнате бардака.

— Прекратите, господин фельдшер! — отрезал ротмистр. — Бабай, приступай. Что нужно делать?

— Отойдите, — сказал я. — И не мешайте.

Шагнув к столу, я закатал парню левый рукав по локоть, потом — зачем-то крутанул стило в ладони и, передвинув

пальцем самоцветный переключатель, и приступил к работе.

Вот теперь я чувствовал себя настоящим дурачком!

Глава 2
Мертвый учитель

Пока работал — ни о чем не думал. Когда закончил и глянул на предплечье и запястье юноши, которого эти матерые вояки звали княжичем — едва не выматерился. Это было даже не смешно! Парень просто умрет татуированным — вот и весь смысл моих действий. Мало того, что я черти где, черти с кем и черти когда, так еще и такой хренью занимаюсь! Сюрреализм…

Я отложил стило и потер виски — и тут же отдернул руки от головы. Зараза! Вот это привело меня в себя: сколько же времени я был в отключке, если на башке отросли космы до плеч? Несколько месяцев? Что вообще тут происходит? Что со мной случилось?

— Поликарпыч, глянь на руку нашего пацана… — хрипло проговорил Козинец.

Конечно, я тоже глянул. Мои творения одно за другим начали мерцать золотистым, мягким светом. Сначала — равносторонний красный крест, потом — змея, которая сцеживает яд в чашу, ну, и жезл Асклепия — тоже. Последним мигнул зелененький четырехлистынй клевер. Чушь? А что мне было делать? Они хотели от меня лечебную татуировку для неизвестно чем больного человека, я и налупил всего, что вспомнил про медицину! Красный крест — это понятно. Потом — значок, который я тысячу раз видал на аптеках. Ну, и самый древний символ медицины — тоже! А клеверок — на удачу. Куда в лечении без удачи-то?

В голове резко закружилось, и я как стоял, так и сел на задницу.

— Что-то мне хреново, мужики, — сказал я.

— Силы свои ему передал! — со знающим видом покивал Талалихин. — Тут кому угодно хреново станет. Правильный ты дядька, Бабай. Хоть и из урук-хая! Что дальше делаем, ротмистр?

Молодой офицер думал недолго:

— Вызывай птичку, забираем княжича в поместье. Теперь нам остается только молиться.

И, грохая подошвами бронированных ботинок, они заторопились наружу. Козинец с Грищенкой ухватили носилки и понесли, ступая осторожно и плавно — настолько, насколько это было вообще возможно.

— Бывай, Бабай, — махнул мне рукой ротмистр. — Что увидимся — это точно, но в каких обстоятельствах — еще

большой вопрос. За бардак не обессудь — это не мы, это до нас было. Мне, конечно, тоньше лезвия, но Резчика похоронить бы надо как полагается…

И ушел. В комнате сразу стало много места, оказалось — это довольно большое помещение, квадратов на сорок, не меньше.

Я так и сидел на заднице на полу в совершенно одуревшем состоянии. Спасало одно: на проиосходящее смотрел как бы со стороны, эмоции были какие-то размытые, нечеткие. Никакого страха или паники, просто — рой мыслей в голове, от которого путалось сознание и множились вопросы. Но теперь, когда эти суровые ребята убрались отсюда, я, по крайней мере, мог осмотреться и — осмотреть себя! Потому что по всему выходило — тот я, которого убило молнией, и этот я — который общался с бронированными усачами и делал татуировку пациенту, который был скорее мертв, чем жив — это совершенно точно были немножко разные я. Или — не немножко.

Перво-наперво — уставился на свои руки. У меня перед глазами находились охренеть какие огроменные лапищи: мозолистые, с крепкими черными ногтями, более напоминающими звериные когти по структуре, но — аккуратно обстриженными. Такими пальцами гвозди гнуть можно, наверное. «Надо будет попробовать!» — мелькнула дуроватая мысль. Предплечья тоже оказались под стать ладоням — перевитые мощными жгутами мускулов, с кожей какого-то неестественного, землистого оттенка и контурами нечеткой татуировки, как будто — не доделанной. Я плюнул на большой палец и потер — ни хрена не оттиралось. Ни татуировка, ни землистая краска. Оттенок, похоже, был всё-таки естественный.

— Ля-а-а-а… — на пробу протянул я, напрягая голосвоые связки, а потом выругался: голос был точно не мой.

И «ля» этой иерихонской трубе явно не подходило! Нужно было что-то решительное, боевое, соответствующее переломному моменту:

— Вихри враждебные веют над нами,
Тёмные силы нас злобно гнетут!
В бой роковой мы вступили с врагами,
Нас ещё судьбы безвестные ждут!

— ревел я, передвигая уцелевшую мебель и сгребая обломки в один угол.

Сквозь разбитое окно я услышал, как где-то в ночной дали горестно завыла собака, и заплакал проснувшийся младенец, захлопали закрывающиеся форточки и ставни. М-да, что-то я

разошелся! Тембр был очень специфичный: если не контролировать голосовые связки, то «Cannibal Corpse» вполне могли бы теперь приглашать меня сессионным вокалистом, на подмену Джорджу Фишеру…

— Помянешь черта… — не удержался от комментария я, наткнувшись под развалинами шкафа на тело огромного полуголого мужика, который ничком лежал на полу в луже крови.

На сей раз голос прозвучал более-менее по-человечески, но ситуация была, конечно, аховая.

Только вспоминал про «Cannibal Corpse» — вот вам пожалуйста, труп, весьма смахивающий на какого-нибудь каннибала из племени маори! Я перевернул его на спину и охнул: рожа была совершенно невероятная. Широкий нос с горбинкой и огромными ноздрями, массивная нижняя челюсть с выпирающими как у какого-нибудь дикого вепря клыками, заплетенные в многочисленные косы длинные черные волосы… Орк! Вот кто это был! По крайней мере под такое определение мертвец подходил как нельзя лучше, разве что кожа у него была землистого оттенка, ни разу не зеленая. Такая же, как у меня. Вот гадство! У меня что — и рожа нынче эдакая страхолюдная?

Почему-то этот вопрос волновал меня сильнее всего, так что я распрямился, повертел башкой и, обнаружив единственное целое стекло во всем окне, пользуясь ночной тьмой, принялся разглядывать свое отражение. Честно говоря — картина была страшноватая и странноватая одновременно. Вот если взять некоего гражданина Бабаева, которого я обычно привык лицезреть в зеркале, и тот труп каннибала, что валялся на полу, а потом смешать, но не взбалтывать — то получилось бы нечто среднеарифметическое, то самое, что виднелось в потрескавшемся мутном стекле пострадавшего от погрома окна.

— Какая отвратительная рожа! — снова прокомментировал я, а потом оскалился: нижние клыки были гораздо крупнее человеческих, но над губой не торчали. Так — неправильный прикус в стиле Шварценеггера, ничего критичного.

Зенки, правда, эти ненормальные, нездоровый цвет лица и общая звероватость облика напоминали чудовище Франкенштейна из классической истории Мэри Шелли. Правы были неизвестные милитаристы в броне! Но — чудовище или нет, раз уж я так спокойно принял перемены, со мной произошедшие, то нужно было осваиваться дальше. Порядок наводить, искать еду и деньги. Разбираться, где я нахожусь и что теперь делать.

То, что виновата шаровая молния — это было понятно. То, что я не в дурке и не сплю — тоже. Оставалось не так-то и много вариантов, типа виртуальной реальности или долбанного

попаданства в параллельную вселенную. Или неимоверно изощренного парка аттракционов в духе фильма «Холоп». Но тут меня выручала низкая самооценка: некто Бабаев и нахрен никому не сдался, не такая фигура, чтобы такие сеансы терапии проводить и заниматься копаниями в моей жалкой душонке. Поэтому — либо первое, либо — второе. Скорее — первое, потому что вряд ли в виртуальной реальности мне так зверски хотелось бы жрать!

За окном загудело, я выглянул наружу.

Из чернильного неба, создавая мощными турбинами пылевые вихри и поднимая в воздух многие килограммы бумажного и пластикового мусора, опускался конвертоплан. Слепящие, невероятно яркие лучи прожекторов разрезали ночной мрак, шарили по покрытому трещинами асфальту, заглядывали в окна окрестных домов. Агрегат был огромен — метров тридцати в длину, с футуристичными обводами корпуса и парой изогнутых крыльев такого же матово-черного цвета, как и броня бойцов, которые, контролируя окружающее пространство и охраняя парня на носилках, приближались к опускающейся аппарели. Их шлемы были закрыты наглухо, так что различить, кто из них Козинец, кто — ротмистр или фельдшер, из окна было практически невозможно.

Наконец, летательный аппарат вобрал в свое необъятное брюхо новых пассажиров, аппарель с шипением закрылась. Конвертоплан, глухо взвыв турбинами, резко взмыл вверх, на секунду закрыв своим массивным корпусом звезды.

— Сосите хер, сучьи дети! — послышался пьяный голос из дома напротив. — Все опричники — ублюдки!

Опричники?

Так много вопросов и так мало ответов! Еще и труп этот в комнате…

* * *

— Кхе-кхе… — раздалось неуверенное кряхтенье за моей спиной. — Я по поводу мяса. Вам нужно мясо?

Голос был дребезжащий и в целом неприятный, так что я резко обернулся и увидел некое странное существо. Серая кожа, острые уши, гротескно-длинный нос, всё те же клыки из нижней челюсти… Тоже — орк? Ростом, правда, мне по пояс, но хрен знает, какой у меня сейчас рост.

— Какое мясо? — удивился я, едва снова не сорвавшись на привычный этим голосовым связкам гроул.

Существо подтянуло спадающие штаны и шмыгнуло носом:

— Свежее, убоину. Свежее съедобное мясо. Нынче такое найти даже сложнее, чем хорошую выпивку.

— Э-э-э-э… И почем?

Кстати, речь его была вполне русской, с поправкой на клыки и нос, конечно, но — я понимал всё до последнего слова!

— Ну, — замялся мой собеседник. — У меня есть, например, пакетик мухоморов, самокрутка с анашой и две таблетки — красная и синяя, но я ва-а-аще не в курсе, может, это антибиотики или витаминки.

— И нахрена оно мне? — я всё никак не мог просечь ситуацию.

— Так за мясо! Я пацанов позову, мы заберем? Тут килограмм сто пятьдесят-двести, не меньше! Одному мне не съесть!

— Где, мать твою сраную, тут? Где ты тут видишь… — я почувствовал, как откуда-то из глубины души поднимается волна лютой ярости: первая четкая и внятная эмоция за все проведенное тут время, но в этот момент мой взгляд наткнулся на тело орка на полу и я сразу всё понял.

Вот тебе и «каннибал корпс», однако!

— Учителя я тебе жрать не дам! — внезапно пришло понимание, что этот мертвый орк и есть тот самый Резчик. — Его вроде как магией убило, и поэтому…

— А-а-а-а! Тьфу-тьфу-тьфу, спасибо тебе, урук, за честность и за заботу о нас грешных… Сожрал бы, а потом какой чирей на носу вскочит — как быть? — он потрогал свой длинный нос, снова шмыгнул и почесал левую ягодицу. — Или на еще каком нужном месте… Так ежели магией — так сжечь бы надо! Хошь — мы с пацанами за покрышками сгоняем? Оно погребальный костер такому важному уруку вроде как и самое подходящее…

Суетливый типус… Гоблин! Это, черт его возьми, был гоблин, я вспомнил это буквально по щелчку, озарение пришло точно так же, как вспоминаются строчки давно забытой песни или пинкод от карточки, которым не пользовался лет двести из-за всеобщего внедрения беспроводных технологий. В общем — гоблин переминался с ноги на ногу, суетился, поправлял штаны и вообще, похоже, был парнем дерганным.

— А с меня что? — уточнил я, подозревая подвох.

— А ты нас от Щербатого прикроешь. Он у нас гостиницу отжать хочет… — гоблин заискивающе глянул мне в глаза, снизу вверх. — Но ты же тут поживешь еще, ага? С тех пор, как Резчик сюда заехал — Щербатый не заглядывал. Двое из урук-хай — это сила! Но и один из урук-хай — это лучше, чем дюжина из гоблин-хай… Снага вас боятся!

— Поживу, — кивнул я. А что мне еще было делать? Другого пристанища, кроме раздолбанной комнатенки в ближайшем будушем не предвиделось. — Тащите покрышки…

— Ты своего учителя на задний двор принеси тогда, урук… Больно он тяжелый! Как звать-то тебя, кстати? А то при Резчике ты, понятное дело, помалкивал, а щас уж сам по себе, так что — можно!

— Бабай, — сказал я.

— А я — Кузя, — откликнулся гоблин. — Будем знакомы.

* * *

Запах автомобильной резины, так раздражавщий меня раньше, теперь воспринимался вполне спокойно, как нечто само собой разумеющееся. Вообще, теперь многое не казалось очень уж критичным, не только вонючая резина.

Резчика, моего учителя — совершенно и окончательно мертвого — гоблины запаковали в покрышки, уложили получившееся нечто на бетонную плиту посреди жутко захламленного двора и облили горючим из пластиковой канистры. Кузя протянул мне кусок штакетника с набалдашником из какого-то комка тряпья и спросил:

— Зажгу?

Я взял факел и дождался, пока гоблин достанет из карманов своих рваных штанов большой коробок со спичками навроде охотничьих, чиркнет… Пламя весело принялось жрать тряпье и древесину, так что я в несколько шагов пересек разделяющее меня и незнакомого мне Резчика пространство дворика и поджег масляно блестящие покрышки. Огонь загудел, взметнулся к небесам.

Гоблины молча стояли и смотрели на меня, как будто чего-то ожидая… Наверное, нужно было сказать что-то такое, соответствующее моменту? Но что? Что в таких случаях говорили у этих самых урук-хай?

— О, вижу я отца своего… — вдруг пришло мне на ум и я заговорил, пафосно воздев руки к небу. — О, вижу я и мать свою, и сестер с братьями! О, вижу я, как наяву, предков моих всех до единого! Они призывают, и зовут мое место занять рядом с ними, в небесных чертогах, где вечно живут храбрецы!

— Хай! — выдохнули гоблины и засобирались по своим делам.

Я решил постоять еще немного, посмотреть, как сгорит учитель. Неловко было идти спать или искать еду и оставить

этого старого орка обугливаться тут в одиночестве… Не удержавшись, усмехнулся: забавные все-таки были эмоциональные реакции у этого нового, определенно — незнакомого мне тела! Да со мной тут труп рядом догорает, меня молнией убило, а потом — едва не изрешетили из четырех автоматов! Я должен пребывать в шоковом состоянии, дергаться и нервничать, и таблетки грандаксина валерьянкой запивать, спасаясь от панической атаки! А хрен там — даже никаких мурашек по коже. Смерть это тело воспринимало как само собой разумеющееся явление. А вот сознание мое — нет! Для меня-настоящего всё происходящее было дикостью, но дикостью чудовищно интересной, любопытной, манящей! Хотелось во всем разобраться, всё узнать, во всём поучаствовать!

* * *

Похоже, я крепко задумался, глядя в огонь, и потому пропустил появление новых персонажей. Невесть откуда взявшись, они прижали в углу гоблина Кузю, уже насовали ему кулаков под ребра и что-то выговаривали, щедро пересыпая речь матерщиной:

— …шумите-нах, перебудили-врот, платить-нах, понятно, нах? Мясо-нах, почему-врот? Какого-х, огонь-нах, на районе-врот?

— Э! — сказал я решительно. — Не трожь Кузю.

А куда остальные гоблины делись? Кинули своего на расправу и слиняли, что ли?

— О, нах! — ко мне повернулась лысая образина с рожей, напоминающей карикатуру на лицо Резчика.

Зубы, нос, уши — всё это было похоже, только оттенок кожи казался в свете костра зеленоватым, да и мелковат он был… Выше гоблина головы на две, но ниже меня — примерно на столько же.

— Ты-нах-ять, что? У тебя-нах, голос-х, проснулся-ять? — манеры этого типа очень серьезно напоминали худшие мои воспоминания о чудесных юных годах на окраине промышленного центра одной далекой-далекой провинции.

Оба его дружка тут же подобрались, оставили в покое Кузю и стали по обеим сторонам от говорливого… Снаги! Снага-хай — вот кто это были такие. Зеленые орки, если по-простому. А я, стало быть… А я… А я кто? Черный урук? Наитие подсказывало — близко, но не совсем.

— Шел бы ты отсюда, снага, — воспользовался я новообретенным знанием.

— А ты-нах, сопляк-х, на кого-врот… — похоже, этот обормот был в курсе про ученический статус моего реципиента, и это придавало ему смелости.

Я просто дал ему в рожу: крепко, с размаху, с оттяжечкой! И, как в замедленной съемке, увидел, как соприкоснулась с моим кулаком его голова, а потом дернулась, подавшись назад и потянув за собой всё тело.

— ГДАХ! — снага отлетел метра на полтора, ударился в груду какого-то металлолома и застыл там, под кучей железяк и всякого мусора, с лязгом и грохотом осыпавшегося ему на плечи и голову.

— Валим, валим-нах! — снаги, похоже, храбростью не отличались.

Внезапное и резкое поражение вожака обескуражило и деморализовало зеленых гопников. Они тут же обратили тыл, но меня-то это не устраивало! В три прыжка я настиг одного из них и придал зеленокожему ускорение — пинком ноги прямо по жопе.

— Ы-ы-ы-а-а-а-а… — это получилось феерично.

Этот снага впечатался всё в ту же кучу металла, что-то мерзко хрустнуло, и он затих.

— Низко пошел, — не удержался от комментария я, глядя на последнего снагу. — Видать, к дождю.

— Вали, вали его! Сбоку, сбоку заходи! Давай, давай, пацаны! — стоило врагу остаться в одиночестве, как гоблины поперли изо всех щелей и принялись месить его подручными предметами — дрекольем, какими-то бутылками, камнями…

Вскоре последний снага обмяк, но они еще долго пинали его ногами и плевались, что-то бормоча.

— Кхе-кхе, — сказал Кузя, подбираясь ко мне в подобострастной позе и почесывая ушибленные ребра. — Так вот, по поводу мяса… Вам нужно мясо? Свежее съедобное мясо, убоина! Три тушки килограмм по шестьдесят-семьдесят…

Тьфу, мерзость какая! Вот же действительно: в чужой монастырь со своим уставом… Кстати — мне показалось, или он и вправду спрятал в задний карман рваных штанов какой-то гаджет типа смартфона? Да что вообще здесь происходит?

Глава 3
Орк в рваных джинсах

Схватка с орками-снага, попытки навести порядок в разгромленном жилище, погребальная церемония — всё это меня здорово вымотало, да и желудок уже не урчал — рычал! Дико хотелось жрать, да и привести себя в Божеский вид не мешало бы: штаны превратились в дерюгу, рубаха — в рубище.

Учитель догорел, гоблины были заняты: копошились, верещали, хрюкали, наслаждались жизнью. Мерзкие твари? Ну да, ну да… Я поднялся по узкой лестнице на второй этаж, к своей комнате. Взялся за ручку дважды выбитой за сегодня двери и задумался — что же тут всё-таки произошло? Если сложить всё, что я узнал и услышал за прошедшие пару часов — по всему выходило, что в комнате с недавних пор проживал Резчик — урук-хаевский мастер волшебных татуировок, и его ученик. Я-здешний, в общем.

То ли Резчик оттоптал кому-то великому больную мозоль, то ли одним фактом своего существования создавал неразрешимую проблему, а может — сделал не тому человеку или не-человеку не ту татуировку, но факт оставался фактом — его прикончили. Еще до погребального костра при беглом осмотре тела Резчика серьезных повреждений на нем я не обнаружил, правда, у учителя явно текла кровь из глаз и ушей — присохшие бурые пятна на лице и одежде были хорошо заметны. Да и опричники-спецназовцы говорили, что-то о менталисте и при этом многозначительно друг на друга шикали. Менталист — это что-то с ментальностью, сознанием, разумом. Предположим, эдакий свирепый боевой гипнотизер. Тем более, Козинец этот высказывал сомнения в способностях любого другого чародея прикончить Резчика.

Значит — менталист вскипятил мозги матёрому орку, запомним.

Получается, он приперся в какую-то заштатную ночлежку, в весьма неблагополучный район города… Как ротмистр сказал? Сан-Себастьян? Вот — в Сан-Себастьянские трущобы приперся жутко сильный и жутко редкий маг породы менталистов и разделался с жутко редким и жутко сильным Резчиком из породы урук-хаев. Первый вопрос на данный момент для меня звучал примерно так: хотел ли он прикончить и меня тоже и захочет ли это сделать в будущем?

Поскольку у меня из ушей кровь не текла, из глаз — вроде

тоже, то я склонялся к отрицательному ответу, который был для меня гораздо более предпочтительным.

Второй вопрос был таким: могли ли опричники-спецназовцы появиться тут в тот же самый вечер по чистой случайности? И тут ответ был более чем однозначным: могли! Есть такая дурацкая теория великого сракопада. И каждый с ее проявлениями сталкивался. Ну, это когда на кухне убегает молоко, ты сидишь на унитазе, а в это время на мобильный звонит шеф, а по видеосвязи в Зум стучиться любимая девушка, и туалетная бумага как раз кончилась. Вот что такое великий сракопад. Вот эта вся хрень с шаровой молнией и плотная череда событий уже тут, *по эту сторону* в теорию вполне вписывались. Более того — ночь еще не окончилась, и сракопад мог продолжиться — легко и запросто.

К неприятностям нужно было быть готовым, и если физические кондинции тела меня вполне устраивали, то внешний вид — откровенно пугал. Да, с дикой рожей и горящими бельмищами вместо привычных карих глаз ничего поделать было нельзя, но умыться и надеть что-то приличное — это вполне было в моих силах. И перекусить!

— Жра-а-ать! — я принялся бродить по комнате в поисках воды, еды и одежды, продолжая при этом перекладывать бардак с места на место.

* * *

Пачка кондитерских сухарей «Ванильные с изюмом» — что может быть более нелепым в текущих обстоятельствах? Тем не менее, под обломками буфета я обнаружил единственную полиэтиленовую упаковку с этим лакомством и сначала долго пялился, пытаясь осознать — что я только что прочел-то?

«VANIL'NYE S IZYUMOM» Sostav: muka pshenichnaya, moloko suhoe, obezzhirennoe… И дальше в том же духе. Они тут писали на латинке! Ни одной кириллической буквы я так и не увидел, как ни вертел пачку. Что-то вроде арабской вязи было, и состав дублировался на нескольких языках — как и у нас. Один язык был похож на немецкий, второй — кажется, на латынь или итальянский, но… Но гребаная пачка ванильных сухарей была самым лучшим доказательством: я находился в другом мире. Что касается хронологии — тут можно было поспорить. Например — конвертоплан, боевая экипировка опричников и их технологические приблуды выглядели футуристично, а эта халабуда, которую гоблиненок Кузя назвал гостиницей, весь ее экстерьер и интерьер напоминали скорее разруху девяностых…

Однако, дата изготовления стояла вполне очевидная: 02.10.2008. Ого! Какая древность. Однако, сколько пролежали сухари в запасниках у Резчика — черт его знает, и от какого события меряла новую эру нынешняя историческая наука — оставалось только догадываться.

Я сунул в рот ванильный сухарик и принялся работать челюстями, продолжая искать одежду. И — о чудо! Нашел неразбитый комод! Там на верхней полке обнаружились вполне себе демократичные джинсы, правда — рваные на одной коленке и весьма потепанные не моды ради, а изношенности из-за. На свет Божий вылезла также безразмерная черная футболка с крупной белой надписью через всю спину — «KRASOTA STRASHNAYA SILA!»

Стараясь сдерживать приступы хохота, я переоделся, сунул ноги в самые обычные синие резиновые сланцы, которых тут имелось аж четыре пары, в одну руку взял шуршащую упаковку ванильных сухариков, а вторую сунул в карман джинсов — там что-то заманчиво позвякивало!

В ладони моей оказались монеты достоинством одна, пять и двадцать денег. Так и было написано на реверсе — «20 deneg. Kazennyj monetnyj dvor Gosudarstva Rossijskogo». И тот самый геометричный орел с мечом и молотом там, где и полагается быть орлу — на аверсе. Уф! Однако!

Местных цен я не знал, но выхода не было: пачки сухарей весом в двести пятьдесят грамм для насыщения этой махине было явно недостаточно!

— Вперед, за колбасой! — сказал я, и, бренча монетами в кулаке, принялся спускаться по лестнице.

Во дворе гоблины жарили на костре из всё тех же покрышек мясо и перекусывали, не дожидаясь, пока оно пропечется как следует и отхватывая с импровизированных шампуров из арматуры огромные куски пищи своими кривыми зубами.

— Бабай, а ты куда? — уточнил Кузя. — Ваще-то ночь на дворе, шатаются по Маяку всякие-разные…

Маяк? Это нужно было запомнить. А вот про всяких-разных — это прозвучало даже смешно, так что я хохотнул, почесал себе подбородок и, обойдя обшарпанное здание гостиницы, выперся на главную улицу. Интересно — в гоблинской ночлежке кроме меня постояльцы были? Или — только эти самые гоблины?

Утром прояснится, наверное.

* * *

Сухари закончились в тот самый момент, когда появилось уличное освещение. Не в том смысле, что фонари загорелись, нет. Просто этот участок местного Бродвея мог похвастаться тем, что фонари на нем в принципе физически существовали.

Неровный, мерцающий электрический свет приподнял завесу тайны над окружающей действительностью: вокруг царила разруха и мерзость запустения. Дома не выше четырех этажей зияли пустыми глазницами разбитых окон, многие двери были заколочены, стены — исписаны граффити, изгажены и заплеваны. В подворотнях и на обочинах громоздились груды мусора, попискивали крысы, копошились бродячие собаки. Плафоны фонарей атаковал рой насекомых. Ночные бабочки, мошкара и жуки стучались в толстое стекло и падали на землю. Нарезали круги на этой благодатной пажити летучие мыши — вот уж у кого не было проблем с продовольствием!

Контрастно, чуждо рядом со всей этой матерой гнилью, развалинами и древними лампами накаливания смотрелись яркие неоновые вывески закрытых тяжелыми рольшторами витрин магазинов и рекламные голограммы. Пляшущие полуголые барышни, яркие надписи, холеные рожи каких-то медийных личностей — всё это иллюзорное великолепие мелькало тут и там, излучаемое проекторами, которые были установлены на недосягаемой для вандалов высоте: на фонарных столбах или под самыми крышами зданий.

Мир другой — проблемы те же! Пиво, прокладки, шампуни, станки для бритья, средства от изжоги, косметика. Косметику рекламировала самая настоящая эльфийка — стройная, внеземная, белокурая, с большой грудью, аппетитной задницей, фиалковыми глазами и теми самыми остренькими ушками. Мечта фетишиста!

Я прошел сквозь эльфийку, следуя указаниям моего носа. Новообретенные органы чувств отличались восприимчивостью: я совершенно точно вычленял из окружающих миазмов и зловония ароматы растворимого кофе и свежего хлеба! Не то, чтобы я любил растворимый кофе, просто — наверняка там имелось еще что-нибудь съестное. Скорее всего, впереди меня ждало круглосуточное кафе или хотя бы — магазин!

— Но мы подымем гордо и смело
Знамя борьбы за рабочее дело,
Знамя великой борьбы всех народов
За лучший мир, за святую свободу!

— принялся в такт шагам мурлыкать себе под нос я,

вдохновленный скорой возможностью наконец пожрать вдоволь.

— Ии-и-и-и-и-и!!! — собачий визг раздался чуть ли не со всех сторон, помоечные псины из подворотен ринулись врассыпную в панике, наводя суету и завывая на все лады.

— Твою мать! — огорчился я.

Вообще-то это несправедливо! В какой момент поющий на ходу человек стал сродни сумасшедему? Все наши предки пока работали, или там в походы ходили — пели песни! Это ведь свойственно нам — людям!

— Эй, образина! — раздался злой голос откуда-то сверху. — Шел бы ты отсюда! У нас тут люди спят.

— А? — по мнению местных, похоже, мне до человека было далековато.

— Говна! Щас пальну дуплетом, поговоришь у меня! — послышался звук взводимых курков, едва слышно скрипнуло открываемое окно.

— Я магазин ищу, круглосуточный.

— А-а-а-а! Вот натравлю я муниципалитет на этого Хуеморгена, закроют его лавочку — сразу спокойнее на районе станет… Тебе полтора квартала вперед и смотри синюю вывеску на той стороне улицы, — голос, кажется, стал капельку менее злым.

— Спасибо, добрый человек! — откликнулся я. — От всей души. Выручил!

— Не, ну вежливых уруков я еще не видел! Марта, слышь че? Мне черный урук спасибо сказал! — удивление было неподдельным, искренним.

— Так то ненастояшшый урук, дурень! Спать иди, чтоб я тебя не видела! И окно закрой — дует!

— Жара страшная, Марта! Душно! Никак нельзя закрыть, задохнемся насмерть!

Это ж надо: даже в параллельном мире все люди делятся на тех, кому дует и других — кому душно!

Полтора квартала я прошел быстро, минуты за три, замедлив шаг только для того, чтобы косо глянуть на смешанную компанию, оккупировавшую крыльцо какого-то то ли бара, то ли клуба. «Nadym» — мерцали красные буквы над входом. Надим? Надум? Надым! Ночной клуб с названием «Надым» — это сильно!

Рожи на крыльце синхронно повернулись в мою сторону. Тут определенно большая часть была самыми обычными людьми, просто изрядно поддавшими. Орки-снага тоже имелись — парочка лысых зеленокожих выглядела куда как приличнее давешних налетчиков. По крайней мере, на них была чистая одежда: всё те же джинсы, майки-алкашки, кожаные жилетки с

карманами… Широкоплечий коренастый бородач с маленькими блестящими глазками — явный вожак компании, прогудел голосом гулким, как из бочки:

— Эй! У тебя штаны порвались, мужик! — и хохотнул, поглядывая на товарищей.

— Беда! — откликнулся я и пошел дальше.

— Это из ваших? — услышал я за своей спиной голос бородача.

— Не-ять! — откликнулся скрипучий тенор. — Это-нах даже-ять не урук-ять. Полу-нахрен-кровка. Выродок-х.

Неистерпимо захотелось вернуться и разбить невесть что о себе возомнившему снаге морду, но жрать хотелось сильнее — и потому я устремился к одиноко сиявшей впереди синей вывеске «EDA I NAPITKI». Сланцы прошлепали по по ступеням, половина плитки на которых давно потрескалась и отвалилась. Рука потянула за ручку двери.

— Тилинь! — звякнула под притолокой бесячая висюлька из металлических трубочек.

Тут было немноголюдно: над ближайшим столиком склонились двое работяг в оранжевых комбинезонах — они, обжигаясь, пили какую-то бурду из пластиковых стаканчиков и тыкали вилками в нарубленный крупными кусками салат и ярко-розовые сосиски в тарелках. Какой-то худой длинноволосый тип заливал в себя пиво, проводя время в компании целой батареи поллитровых стеклянных бутылок с хмельным напитком. Из закуски у него имелась пачка чипсов. Еда! Еда, чтоб ее!

Стараясь не задеть и не опрокинуть ничего из хлипкой пластиковой мебели и не споткнуться о ноги тощего любителя пива, я проследовал к стойке-прилавку, за которым хозяйничал невысокий бородатый крепыш с маленькими, хитрыми глазками. В его светлой бороде были заплетены косички, волосы — подстрижены под полубокс.

— Доброй ночи, — сказал я, и ляпнул на стол все имеющиеся в моем распоряжении деньги. — Мне бы попить-поесть…

— Хуеморген! — рявкнул самый настоящий гном.

— А? — удивился я.

— Доброе утро! Goeie morgen — так говорят у меня на родине, во Фрисланде. Сейчас пять утра, какая ночь? Светает скоро! — похоже, он был нормальным мужиком, просто манера говорить была такая — рявкающая.

— А! Так что насчет пожрать?

— Так пожалста! — он сгреб все мои монеты в ладонь и предложил: — Сосиски, кофе, хлеб, салат и мармеладка. Сгодится? И покушаешь, и десерт. Сосисок три?

— Давай пять сосисок и без мармеладки? — почесал голову я.

Гном — тот самый Хуеморген, о котором говорил сердитый мужик на улице — смерил меня взглядом снизу вверх и понимающе кивнул:

— Ну да, какие уж тебе мармеладки… Садись, я принесу. Всё равно клиентов почти нет! Хреновая ночь для того, чтобы сделать кассу…

Я огляделся, нашел место в самом углу и уселся, прислонившись спиной к прохладной стене. Колени мои упирались в столешницу, пластиковый стул жалобно поскрипывал под немалым весом. Сколько там Кузя килограмм называл для характеристики учителя? Сто пятьдесят? Ну, во мне столько вряд ли будет, все же выродок-полукровка в качестве реципиента достался мне, судя по всему, юный… Да и в целом — до настоящего черного урука все-таки не дотягиваю. Но сто двадцать — сто тридцать кило тугого мяса, широких костей и голодных потрохов — это запросто. Рост… Около двух метров? Скорее всего — да.

На самом деле неплохой стартовый набор для попаданца! А вот зашвырнула бы меня шаровая молния в гоблина Кузю или в такого Хуеморгена… Нет, ну в Хуеморгена еще куда ни шло: видно сразу, мужик он зажиточный, вон — закусочная у него. Пусть обшарпанная, но всё-таки какой-никакой бизнес… И кулаки — огромные, тяжелые!

— Хуеморгеном меня местные лоботрясы прозвали, — гном вышел из-за прилавка с полным подносом еды, прошествовал через зал и водрузил гору снеди передо мной. — Так-то меня Фридрих зовут. Фриц Дюрхденвальд. А тебя, стало быть…

— Бабай.

— Ну и имечко… Но оно и понятно — рожа-то соответствующая. Я смотрю, у вас тоже — дисциплинка. У нас подмастерье перед мастером кто? Сопля паршивая! Помалкивай да делай, что говорят… Что, доконали-таки Резчика старые враги?

— Доконали… — вздохнул я и втянул ноздрями сосисочный аромат.

Пять сосисок громоздились на огромной горе салата из огурцов, помидоров и белой капусты. Всё это было обильно полито каким-то растительным маслом и посыпано специями. Рядом на подносе лежала чуть ли не половина буханки черного хлеба. Имелся и стаканчик с растворимым кофе, и пластиковые столовые приборы: ложка и вилка.

Желудок издал вопль умирающего кита, так что я ухватил ложку в одну руку, вилку — в другую, и набросился на еду.

— Не принюхивайся, не принюхивайся. Сосиски съедобные, для пищеварения полезные, по нашей, гномской технологии сделаны, из альтернативного протеина. Мясо нормальное в Сан-Себастьяне в дефиците, так для нас, для подземников-то это привычное дело. Альтернативный протеин — он как находка! А чтоб вкуснее — так на то приправа есть, глутамат натрия опять же… — трепался Фриц Хуеморген-Дюр-хрен-пойми-что. — Так что, скопытился Резчик? И что дальше делать будешь? К родне тебе как бы с такой рожей дорожка заказана. Что урук-хай, что с материной стороны родственнички — рады тебе не будут! Сан-Себастьян — самое место для тебя, вот что я скажу…

— Денег нет, — я хрустнул последним ломтем огурчика и принялся вымакивать хлебом салатную жижу. — Перспективы неясны. Будущее туманно. Учитель помер — инструкций не оставил. На что жить, как жить? Есть комнатенка, у гоблина Кузи, в ней — кое-что из вещей. И всё!

— Перспективы? Инструкции? Что это за словечки такие, м? Ты точно урук-хай, а не педик эльфийский? — встопорщил бороду Хуеморген.

— Папаша, я щас дам тебе в рожу и не посмотрю на то, что ты меня тут кормил-поил! — набычился я.

— Ладно, ладно… Просто урук-хай обычно не усложняет. Это вообще не в урук-хайской природе — усложнять… И что ж мне с тобой делать-то? Такое вот совпадение — ко мне как раз фура должна прийти, с продуктами. Ну там, протеин, огурчики-помидорчики, пивко… И тут ты — такой большой и подходящий. Разгрузить поможешь? Одному мне тяжко придется. Поясница побаливает. Надо на рентген сходить, может — грыжа?

У гномов бывает грыжа? Тут тоже жил-поживал Вильгельм Рентген? И вообще — он что, работу мне предлагает?

— Оплата сдельная, — быстро сообразил я, прикинув стоимость ужина. — Пятьдесят денег за час.

— Ого! — сказал он. — Сорок денег — и мармеладку! Прямо сейчас!

Я понюхал отвратительный кофе «три в одном», прислушался к ощущениям в желудке и кивнул:

— Ну, три мармеладки так три мармеладки. Неси сюда! — мы пожали руки, скрепляя сделку, а потом я спохватился: — А фура-то большая?

— Поздно! — Хуеморген хитро прищурился. — Поздно, друг мой Бабай! Это надо было раньше спрашивать!

* * *

Если что — в доп. материалах есть иллюстрации, которые я делал в нейросети Кандинский. плюс-минус они соответствуют, можно составить впечатление о героях и антураже.

Глава 4
Тяжкий груз

Я поставил поверх пластикового ящика с консервами еще один и приподнял, примериваясь к весу: нормально! Ящики были невысокими, в такой помещался как раз один ряд жестяных банок. Можно было брать еще! Потянул со штабеля третий, водрузил — и краем глаза увидел, что Хуеморген тоже строит такую же башенку из ящиков.

Ну да, дядька он был явно мощный, вон какие жилы на руках, и плечи — широченные! Но как же грыжа? Я поставил четвертый ящик и снова глянул на гнома: он весь аж покраснел, но нам, мужикам, только дай возможность размерами башни померяться! С выражением досады и великой злобы на лице Фриц тоже взялся за новую упаковку консерв. Ну-ну! Я мертвого Резчика на плечах таскал, что мне какие-то пять ящиков!

— Ой, Бабай, иди нахер! — Хуеморген снял один этаж со своей башни, уменьшая вес, и, крякнув, потащил ящики в ярко выделяющийся в утренних сумерках хорошо освещенный дверной проем, ворча на ходу: — Дурак я, что ли — с уруком силой меряться? Вот как бы ты с кайлом в забое пару дней постоял или над одним сраным браслетиком восемь часов скукоёжившись у верстака корячился… Вот то бы я посмотрел! Да и вообще — размер бицепса не главное, главное — уметь им правильно пользоваться!

— Да-а-а-а, да-а-а, — проговорил, обгоняя его, я. — Все так говорят. У кого бицепс маленький.

— Клыкастый засранец, — беззлобно фыркнул гном. — Ты таскай, таскай, дубина стоеросовая. Для того тебя и нанял!

Вообще-то нанял он меня разгрузить фуру, а приехала «сцепка», то есть по факту — две фуры! Фриц меня здорово нагрел, это было понятно. И я был готов поклясться — большая часть груза, который мы перетаскивали в необъятный подвал полуразрушенного дома, где и располагалась закусочная Хуеморгена, ничего общего с едой и напитками не имела. Там были какие-то железяки, это точно. Некоторая тара весьма определенно напоминала оружейные ящики — я их навидался в свое время и натаскался — тоже. Но других, альтернативных вариантов заработка на хлеб насущный, пока не предвиделось, так что я таскал и не обижался на его ворчание и обзывательства. Стоило признать — встреча с Хуеморгеном сама по себе была большой удачей.

— Слушай, Фриц, — мы остановились перед бортом фуры, чтобы перевести дух. — Мне бы инструментов у тебя одолжить? Ну, там: молоток, гвозди, может, какой-то топор, пилу с плоскогубцами, я не знаю… В комнате разгром ужасный, надо хоть окна заколотить!

— А есть чем?

— Во дворе гостиницы полно всякой дряни. Гоблины натаскали…

— Натаскали… Кузя весь вторчермет держит и вообще — сортировку отходов. Там такие бабки крутятся — обалдеешь! Ты думаешь, почему Щербатый на него зубы точит? Стал бы он с крупнейшим гоблинским кланом Сан-Себастьяна бодаться ради дохода с дюжины завшивевших номеров сраной ночлежки? Гоблины — они даром что мелкие, зато повсюду! Из каждого мусорного контейнера их длинные уши торчат… Санитары каменных джунглей, чтоб их! Крысы Сан-Себастьянского сервитута! Падальщики нового порто-франко!

Ого, как всё круто! Я мотал на несуществующий ус его болтовню: про кланы, сервитут этот, порто-франко и прочие расклады.

— Так что ты сто раз подумай, — гном вздохнул, ухватил очередную башню из ящиков и предложил: — Может, другое жилье поищи. А с работкой я тебе помогу на первое время. Тут вон, какое поле для деятельности!

Что он имел в виду: окружающие развалины с едва видимыми следами приложения рук, фуры с таинственным грузом или еще какие возможности — оставалось тайной.

— Давно спросить хотел, — когда мы закончили, подступился к Хуеморгену я. — Но не у кого было. Вот это всё, весь этот бардак — это почему?

Гном с немецким именем Фриц, который вазюкал пальцем по ладони, отсчитывая деньги на мою первую зарплату, удивленно поднял бровь:

— Ого! Это настолько суровая дисциплинка у вас? Даже в Сети лазить не давал и газеты не выписывал? Полное отречение? Кру-у-ут Резчик как учитель… Но, может, оно и правильно: все беды от Сети, молодежи туда вообще запретить нужно выходить. Насмотрятся своих видосов, а потом на поездах танцы танцуют и от электричества мрут! — похоже, проблемы у того и этого мира были схожие. — Что, правда, не знаешь? Так балканцы это! Наши их по фронту жмут, а они нам гадство в тылу творят! Как война началась — так они в пяти городах прорыв Хтони организовали. В трёх опричных — государевы люди проблему купировали, вместе с министерскими магами. Там

теперь тишь да гладь, да Божья благодать, как и не было никаких прорывов. Один был земский город — тот на говно изошел, нет там больше города. Ну, и наш, Сан-Себастьян — вроде и спасли, а вроде… В общем — дали статус сервитута, поставили кордон — разгребайтесь, мол, сами. Вот — разгребаемся!

— Ничего не понятно, но очень интересно, — пробормотал я и ссыпал у него деньги с ладони. — Всего хорошего, господин Хуеморген!

— Дюрх-ден-вальд, дубина! Дюрхденвальд! Давай, к полуночи подгребай — работы полно!

— Может, и подгребу, — махнул рукой я.

— Никаких «может»! У меня — грыжа!

* * *

До лежанки, в которую превратилась некогда приличная койка, я добрался примерно к восьми утра. Солнце уже взошло, и народ на улицах появился, так что, засыпая, я прокручивал перед мысленным взором картины увиденного по пути в гоблинскую гостиницу.

Сан-Себастьян был городом приморским, раскинувшимся вдоль берега обширной бухты Святого Себастьяна, кто бы мог подумать! Наш район — Маяк, как его называли местные, располагался на правом из мысов. Он сильнее всего пострадал от прорыва Хтони, что бы это ни значило. По большому счету обжитой на Маяке нынче осталась одна улица — Проспект, который тянулся от центральных, благополучных районов Сан-Себастьяна к самой оконечности мыса. Район представлял собой живописные развалины, увитые буйной субтропической растительностью и целыми пучками проводов — кажется, там было оптоволокно, электрические кабели и черт знает что еще. Во время моей спешной прогулки по Проспекту я обратил внимание на определенную странность: жители этой улицы, а может быть, и всего Маяка или вовсе — Сан-Себастьяна — были в подавляющем большинстве молодыми! Я не видел тут ни одного старика. Дети — были, но только младенцы. Ни одного пацаненка или девчонки старше двух лет замечено не было, никто не гонял в футбол, не носился по крышам, не плевал с балконов… Мужчины и женщины разных рас и фенотипов, возрастом годиков эдак от семнадцати до тридцати пяти, и их только-только народившееся потомство. Возникло чувство, что все эти люди, орки, гномы и черт знает кто еще заселились сюда единовременно, на пустое место — и теперь пытались обжиться, устроить свой быт. Получалось, похоже, не

очень.

Наверняка это было связано с теми самыми событиями, о которых говорил Хуеморген: война с неведомыми балканцами, прорыв Хтони, предоставление особого статуса проститута… То есть — сервитута, конечно. Порто-франко еще, и прочее, и прочее…

Сознание мое уже гасло, и я с каким-то противоестественным протестом подумал, что не дай Бог — очнусь посреди федеральной трассы на холме, в луже, рядом с дымящимся джипом «Чероки» в том, старом мире! Или — всё-таки в психиатрическом отделении какой-нибудь заштатной райбольницы, под присмотром бдительных санитаров…

— Не-не-не-не, — сонно пробормотал я. — Тут интереснее.

И уснул.

* * *

Просыпалось тяжело. Мало того, что солнце из разбитого окна напекло голову, так еще и в дверь кто-то ломился, и звук был такой, будто по ней лупили железным ломом!

— Откройте! Полиция!

От такой побудки я мигом вскочил и закрутил головой в тщетных попытках сориентироваться: где нахожусь, когда и почему. Осознание пришло спустя мгновение: я — там! Там, куда меня зашвырнула шаровая молния! Огромные лапищи, черные ногти и длинные черные волосы были тому самым прямым доказательством, а раздолбанная комната вокруг — дополнительным косвенным подтверждением.

Но на кой хрен я нужен полиции? Пришли расследовать убийство Резчика? Или — трёх съеденных снага? Ни в жизнь не поверю! Тут, похоже, на подобные мелочи блюстителям закона откровенно наплевать. Но реагировать на стук было нужно, потому что долбежка в дверь не прекращалась.

— Полиция! Откройте! Это обязательная регистрация черных уруков, вы подписывали бумаги! Мы выбъем дверь и депортируем вас… — куда они могли «нас» депортировать, за дверью явно задумались.

И это тоже стоило запомнить.

— Иду, иду! Спал я! — пришлось проорать в ответ. — Не ломитесь, сейчас открою!

Замок ломали накануне дважды, так что дверь была заперта на обычную щеколду — открыть ее много времени не заняло.

— Р-р-разрешите?! — в дверь шагнул высокий седой человек

в явно видавшем виды, но чистом и выглаженном синем мундире.

Какой, однако, примечательный персонаж! Во-первых, он был первым пожилым мужчиной, которого я тут увидал. Во-вторых — полицейский совершенно точно являлся киборгом! Ну, вот как обычно представляют себе киборга? Наполовину человек (или не человек) наполовину — робот. Таким он и был: вместо левой ладони из рукава высовывался сверкающий хромом протез — явно самого высокого качества, в левой глазнице подмигивала зеленым огоньком некая приспособа типа монокуляра, тут же от виска и до затылка располагались импланты — несколько штук, разного размера, тоже — хромированные.

Похоже, этот служака гордился своими искусственными деталями, даже начищал их — точно так же, как пуговицы на мундире, пряжку ремня и медаль на груди. «Za vzyatie Karash-Severina» — прочитал я. Караш-Северин — это вообще где? И что это такое?

— Вахмистр Перепелка, — с явным чувством собственной важности представился киборг и пригладил хромированной рукой пышные усы.

У них тут, похоже, мода такая у служивых — усы носить! Ну, стильно смотрится, да. Антуражненько. Как будто в фильм про белогвардейцев попал. Но усы — усами, а другой рукой вахмистр Перепелка продемонстрировал мне значок со всё тем же двуглавым орлом и надписью «Municipal'naya policiya San-Sebast'yana».

— Очень приятно, — сказал я. — Бабай…

— Бабай? — удивился он, извлек из кожаного футляра на поясе плоский, тонюсенький планшет и потыкал в него пальцем — мясистым, не хромированным. — Та-а-ак… Тут у меня что записано? Садзынар Резчик и Сархан, ученик. Два представителя народа урук-хай, вид на жительство оформлен в муниципалитете Сан-Себастьяна… Ага, месяц назад. А ты у нас кто?

— Бабай Сархан, — тут же сориентировался я. — Ученик.

В голове неприятно кольнуло — Сархан обозначало ни что иное, как полукровка. С наречия урук-хай на русский это самое слово можно было перевести и по-другому: выродок, дворняга, неполноценный.

— А! Это вы! Почему тогда личное имя в базе не значится? Хотя — мне похер на ваши орочьи заморочки. Сейчас и запишу, — бормотал в усы вахмистр Перепелка, который прохаживался по комнате и разве что не обнюхивал всё кругом. — Но в прошлый мой визит вы в углу сидели, помалкивали. А теперь… А теперь, я смотрю, тут многое изменилось? У вас были проблемы?

— У нас были проблемы. У Резчика были проблемы, — в тон ему проговорил я.

— Были? — он развернулся на каблуках и глянул мне в глаза.

Мы с ним оказались практически одного роста, так что полицейскому даже получилось произвести на меня впечатление. Не каждый день в глаза киборг заглядывает.

— Были. Резчик — умер, теперь я — сам по себе, — мне стоило больших усилий не добавить про Добби и свободу, но я вовремя сообразил, что жутко серьезный и сердитый вахмистр меня бы не понял.

— Как — умер? — удивился Перепелка.

— Погиб от нападения вчера ночью. Пояснить ничего не могу, я очнулся уже после того, как всё окончилось. Местные думают, что в деле принимали участие маги…

— Маги убили кого-то из урук-хай? Но это оксюморон! — сделал недоверчивый жест полицейский. — Это вы убили его? Как я понял в прошлый визит, Садзынар Резчик был суровым учителем.

— Нет, — спокойно ответил я. — Это не я убил Резчика.

— Верите: мне похер, — пожал плечами вахмистр. — Сдох и сдох, одним орком меньше. Нужны только доказательства того, что он не проживает больше на территории Сан-Себастьянского сервитута, вот и всё.

— Ну, пойдемте во двор, — этот его откровенный бытовой расизм был довольно милым. — Наверное, гоблины еще не убрали пепел, мы сожгли тело…

— Это подойдет, — кивнул полицейский. — Давайте уладим дело еще и с ревизией оружия.

— Оружия?

— Ну да, у меня тут написано: по адресу хранится холодное оружие, элемент национального костюма урук-хай, кард — одна штука. Я и сам помню, где оно лежит. Может, на ваш взгляд это не совсем оружие, но… — он наклонился, нажал ладонью на какой-то пластиковый квадрат, который я при беглом осмотре посчитал розеткой, дождался, пока фальшпанель отойдет в сторону, и сноровистым жестом достал самый натуральный меч. — Ну, вот! Всё на месте. Сейф для хранения исправен. Следов применения не по назначению на клинке не обнаружено. С этим — порядок. Пойдемте, я возьму образцы материала…

Он сунул меч обратно в нишу в стене, закрыл панель, распрямился и вышел за дверь. Я поспешил за ним.

— Какие у вас планы на будущее? — уточнил он. — Вы остаетесь на территории Сан-Себастьянского сервитута?

— Видимо, да, — замялся я. — Всё произошедшее — большая

неожиданность, и я…

— Да мне похер на твои переживания, орк. Работа есть? — он был довольно прямолинейным, этот Перепелка.

— Есть, — кивнул я.

— Где?

— У Фрица Дюрхден… Дюрхрен… — не запнуться на фамилии гнома было не возможно.

— У Хуеморгена в закусочной?

— Ну да.

— Проверю. Жить будешь тут? — он сменил официальный тон с условно-официального на очевидно-высокомерный довольно неожиданно: — Если не тут — до конца месяца должен сообщить мне, куда переехал, чтобы я не носился по всему району. Я тут на Маяке поставлен участковым приставом, на сайте управления полиции легко найдешь, как со мной связаться… Или ты в Сети не того? Ой, да мне похер, если честно. В общем — если не сообщишь, лишим вида на жительство и депортируем… За пределы сервитута! А там к вашему брату-уруку совсем другой подход! Живо в бараний рог согнут!

Я криво усмехнулся. Согнут, как же!

— Не скалься мне тут, весельчак! Пошли косточки твоего учителя перебирать!

Вахмистр Перепелка за пару секунд нашел во дворе среди груды пепла пополам со жженой резиной то, что его интересовало, упаковал какие-то куски костей в полиэтиленовый зип-пакет, погрозил кулаком прячущимся по углам гоблинам, мол, «вот вы все где у меня» — и зашагал к выходу.

— Если это не Резчик — так и знай… — обернулся в последний момент полицейский.

— Лишите вида на жительства и депортируете, я понял. Скажите, вахмистр, а тут так со всеми? Регистрация, проверки вот эти?

— Нет, — отмахнулся он. — Только с теми, у кого кожа крепче кевлара, вместо ног и рук — гребаные домкраты, в башке нет ничего, кроме жажды убийства, а вместо сердечка — гранитный камушек в груди, ять! Какого хера я вообще тебе это объясняю?.. Короче — родиться уруком — тяжкое бремя. Ты в дерьме по праву рождения! Вот был бы ты сексуальной белокурой авалонской эльфийкой — торговал бы своим распрекрасным хлебалом и греб деньги лопатой, и все бы тебя любили. Но — увы и ах!

Полицейская машина вахмистра Перепелки напоминала скорее бэтмобиль — огромная, черная, с орлами на дверцах, красно-синими проблесковыми маячками на крыше и мощным

бампером-кенгурятником. В здешнем Государстве Российском стражи порядка явно не бедствуют! Водил усатый киборг-полицейский лихо: стартовал с пробуксовкой и умчался вдаль по Проспекту, разогнавшись до первой космической скорости секунды за четыре.

Участковый пристав вахмистр Перепелка — это звучит гордо! Не то, что Бабай Сархан — страшилка-выродок.

* * *

Спать после визита Перепелки не хотелось, так что я занялся окнами: бесцеремонно упер у гоблинов несколько листов прозрачного поликарбоната самых разных размеров и при помощи одолженных у Хуеморгена инструментов принялся кромсать и приколачивать их вместо разбитых стекол. Потом — вынес остатки сломанной мебели и одежду, которая явно принадлежала Резчику: всё-таки габаритами покойный учитель был несколько больше меня. Оставил я только что-то вроде хоккейной защиты со средневековым колоритом: в шкафу нашелся целый мешок с наплечниками, наколенниками и прочей подобной байдой. Подумал — будет весело примерить всё это на досуге.

Учитель явно был упакован лучше ученика — резчикового шмотья набралась целая кипа! Это вам не пара джинсов, брезентовые шорты и полдюжины безразмерных футболок с дурацкими надписями. Ну, да и черт с ним, на первое время хватит, а там — развернусь, чует мое сердце! Найду применение своим многочисленным скрытым талантам и невероятному потенциалу в неизвестных отраслях народного хозяйства.

Стоило мне выйти с урук-хаевскими одеяниями во двор и провозгласить, что сейчас состоится раздача гуманитарной помощи малым народам Сан-Себастьяна, как гоблины набросились на обноски Резчика с небывалым энтузиазмом! Барахольщики! Им в эти рубахи можно с головой закутаться и в привидения играть!

И, конечно, я достал тот самый кард из скрытого сейфа и покрутил его в свое удовольствие, вспоминая наработанные в прошлой жизни связки и комбинации. Мое тело, судя по всему, было хорошо знакомо с традиционным для урук-хай клинком. Рукоять, оплетенная чем-то вроде парашютной стропы, бритвенно острое полуторное лезвие черного металла и тот самый, легендарный клюв-выпердыш на острие, делающий меч похожим на кочергу… Для Сархана оружие действительно являлось

продолжением тела, движения с клинком были естественными, гармоничными.

— Ар-р-р-р!!! — я воздел руку с мечом вверх, продырявил сдуру потолок и на меня посыпалась штукатурка.

Ну что тут скажешь? Я-то не совсем Сархан. Я — идиот самый настоящий, как говаривал один неоднозначный лидер одной восточно-европейской страны.

Глава 5
Чудовища и красавица

Я как раз собирался идти на работу. То есть — в закусочную к Фрицу, когда по всему Маяку начали выть и скулить собаки, а потом — раздался душераздирающий гул сирен. Этот звук был мне знаком до тошноты: еще в детстве во время учений гражданской обороны и потом — в юном и взрослом возрасте, когда он раздирал небо над городом, оповещая о смертельной опасности, гудение сирен отзывалось в груди резонансом, сбивало с толку, заставляло мандражировать и суетиться.

Вот и теперь — я замер у самой двери, соображая — что же делать в такой ситуации? Было слышно, как хлопали в соседних домах запираемые двери и окна, лязгали засовы, опускались тяжелые рольшторы, народ перекрикивался злыми и испуганными голосами.

— Кузя! Кузя-а-а!!! — заорал я, спускаясь вниз.

— А-а-а-а-а-а-а?! Чего рычишь, Бабай? Я думал — началось! Ваще-то, если так вопить, то у меня сердце станет! По крайней мере — одно! — гоблин высунулся из небольшого люка с массивной стальной крышкой.

Убежище его располагалось как раз у той самой кучи металлолома, так что сразу понять, что крышка эта — не часть вторсырья, а вход в убежище, было трудно. Тем более — на ней кустарным образом наварили какие-то острые закорючки и загогулины из арматуры. Отличная маскировка!

— Что? Что — началось? Что всё это значит? — кинулся к нему я.

— Хтонь! Щас попрут твари! — шевеля ушами, пояснил гоблин.

— Откуда? Какие твари? — в недоумении я остановился.

Нет, я уже наслушался про эту Хтонь, но что это такое и с чем его едят — до сих пор было непонятно.

— Всякий раз по-разному! А ты чё, ваще не… А! Ты ж тут недавно, да. Ну, че сказать: прячься или сражайся! Тут выбор примерно такой. Расплата за вольную жизнь! Но если че, то ваще-то в люк ты не пролезешь. Если есть где еще занычиться — попробуй, но сомневаюсь я, что тебя пустят… — и нырнул внутрь своего убежища, с лязгом захлопнув крышку.

Зараза. Хотел приключений? Пожалуйста. Хтонические твари теперь еще какие-то! Прятаться? Оу-у-у-у, нет! Вот тут у моего сознания, которое хотело сначала понаблюдать и осмотреться, и у

тела, заряженного на хорошую драку, явно возник конфликт. Судя по ощущениям, этот организм не знал такой дилеммы, как «бей или беги». Что за тупой вопрос? Рви, души, топчи, круши, ломай! Не кровь, а чистый норадреналин! Не нервы — стальные канаты! Только дайте врезать кому-нибудь как следует!

Единственное ощущение неправильности намекало на пустые руки, которые срочно требовали чего-нибудь колющего, дробящего, рубящего, режущего — и потяжелее, помассивнее! Я метнулся наверх, хлопнул ладонью по фальшивой розетке и за рукоять вытянул кард. О, да! Куда я там собирался? На работу? Почему бы и не пройтись, в конце-то концов? В квартире — шаром покати, жрать нечего, нормальная прогулка за хлебушком получится… А твари? Ну, скажем так: если и пойду я долиною тени смертной, то не убоюсь зла, потому как я сам, похоже, по местным меркам, теперь и есть это самое зло!

Наверное, стоило бы еще и ту средневековую хоккейную защиту из мешка примерить, но на улице уже начиналась суета: далекие выстрелы, крики, топот — всё возвещало о том, что одна из главных тайн этого, нового для меня мира вот-вот могла раскрыться.

— Вихри враждебные веют над нами
Темные силы нас злобно гнетут…

— по приобретенной привычке затянул я.

Не то, чтобы я был прям ярым сторонником светлых идей коммунизма, но песни у большевиков были что надо! Самое оно в качестве аккомпанемента для бодрого марша по вражью душу! Тут и гроул был как нельзя кстати: чем страшнее — тем лучше!

* * *

Первая адская псина вылетела на меня буквально у самой калитки. Я только шагнул на Проспект, отшвырнув ногой мусорный пакет с какими-то бутылками и бумажками, как тут же столкнулся нос к носу с настоящей собакой Баскервилей! Объективно говоря, бестия была до усрачки страшной. В холке — примерно метр роста, черная, облезлая, с горящими потусторонним огнем глазами, невероятно огромной пастью, полной зубов подходящих скорее доисторическому ящеру, чем лучшему другу человека… И со сраной змеей вместо хвоста!

Вот эта змея меня и сподвигла действовать немедленно и решительно. С собачками-то у меня отношения обычно были

неплохими, а вот змей я с детства боялся и ненавидел. У меня на них реакция одна: лупить всем, что под руку попадется, пока гадина не то, что шипеть — дергаться не перестанет! В этом теле такой эмоции, как страх, в базовой комплектации и вовсе не предполагалось, а потому…

— Н-н-на! — псина, похоже, тоже не ожидала увидеть меня прямо тут, на расстоянии вытянутой руки, и потому я довольно успешно, изо всех орочьих сил ляснул ей поперек рожи кардом.

— Дзан-н-н-г! — меч плашмя столкнулся с собачьей башкой.

Не специально — так получилось! Не повернул кисть, бывает. Вдарил по уху тяжелой железякой — чем не результат? Истошный визг на грани ультразвука стал первой реакцией на мою спонтанную атаку. Тварь аж присела на задние лапы от неожиданности, но тут же отпрыгнула, зарычала, и пошла по кругу, на полусогнутых ногах. Я крутанул кардом несколько раз, примериваясь.

— Ну, давай! — кровь играла в жилах, сердце выбивало в груди ритм плясовой. — Давай!

И они дали. Тварей было две! Вторая падла кинулась на меня откуда-то сверху: явно кралась по крышам зданий, ожидая, пока ее подельница отвлечет на себя внимание беспечной жертвы. Почти удалось! Я в последний момент полоснул кардом поперек большого облезлого туловища пикирующей сверху псины и ушел в перекат — как на тренировках, уходя с линии атаки.

Это меня и спасло: челюсти первой псины щелкнули буквально в десяти сантиметрах от моей задницы. Я вскочил на ноги и тут же закрутил мельницу клинком, который с шумом рассекал воздух. Зверюга попробовала кинуться в лобовую, нахрапом — и тут же отскочила, роняя кровавые капли на грязную плитку тротуара.

— Ага! Так вы, суки, просто животные! — это меня здорово воодушевило.

Мистического в них — только огонь в глазах да змеи из жопы, а так — всё те же мясо и кости! Можно рубать!

Обе зверюги уже имели повреждения: не смертельные, но болезненные, а на мне пока что — ни царапины. Все шансы на победу были у меня! Ободренный первыми результатами схватки, я потихоньку стал отступать в сторону калитки, стремясь свести на нет их численное преимущество. Твари определенно имели зачатки интеллекта: они просчитали такое мое желание и кинулись одновременно, атакуя в двух ярусах. Раненая в брюхо едва ли не стелилась по земле, примериваясь половчее вцепиться мне в ногу. А та, у которой я отбил ухо, оттолкнувшись всеми четырьмя лапами от тротуарной плитки, с утробным рыком

устремилась к моему горлу.

Змеи, растущие у них из задниц вместо хвостов, шипели и извивались.

План адских псин был всем хорош, но рана сделала одну из тварей неуклюжей — и я успел изо всех сил врезать ей ногой по морде, пяткой — в самый нос, отбрасывая на пару метров назад. Эх, чертовы шлепанцы смазали удар, мог бы и дух из чудища выбить! Но зато вторую на клинок принял крепко, как положено, рубанув наотмашь. Брызнула горячая кровь, псина рухнула наземь, я рубанул снова: сверху вниз, вгоняя острие карда монстру в череп.

С этой было покончено — оставалась одна. Чертова собаченция порыкивала, глядела на меня голодными глазами, жаждала моей кровушки и плевать хотела на резаную рану на собственном брюхе.

— Р-р-ра-а-а!!! — я атаковал сам, помчался на нее, топоча и крича, и раскручивая кард.

Не ожидавшая такого напора, тварь попятилась, попыталась отступать, но я наносил один удар за другим, со свистом рассекая воздух, и наскакивал на нее до тех пор, пока не достал псину и, пустив твари кровь, рубил не останавливаясь, с ног до головы заляпавшись в красной жиже, пока не удостоверился, что и зверюга, и змея на ее заднице окончательно мертвы. А потом вернулся к калитке, подошел к трупу второй псины и одним махом отрубил голову и этой жопной змеюке на всякий случай. Фу, гадость какая!

— Я заснял, заснял! — раздался радостный Кузин голос. — Скорей, Афоня, включи точку доступа, я выложу! Давай скорей, давай! Пока никого нет!

У маленького носатого засранца, который по пояс высунулся из своего люка, в руках виднелся некислый такой смартфон с четырьмя кружочками камеры! Вот тебе и бомжеватые гоблины! Прав был Хуеморген — не всё так просто с этими идейными барахольщиками!

* * *

До закусочной Фрица я добирался с огоньком. В прямом смысле этого слова!

Ребята из клуба «Надым» круто отжигали в своем квартале, уничтожая тварей: у того самого бородача-гнома имелся огнемет, с которым он и патрулировал улицу, выпуская снопы пламени в сторону адских гончих. Остальные то ли рокеры, то ли байкеры в

кожаных жилетках были вооружены гораздо более стандартно: помповые ружья внушительного калибра очень неплохо справлялись с тварями. Грохотали выстрелы, картечь впивалась в тела монстров, гудел огнемет — хтоническим псам приходилось худо! Как там говорил давешний ротмистр? «Нет такого монстра, который бы сумел выжить с критической массой металла в организме…» Или что-то подобное.

На пути к закусочной мне пришлось воспользоваться кардом еще несколько раз, и даже — в обстоятельствах довольно пикантных…

В общем, я планировал зайти в заведение Хуеморгена с черного хода. Там располагался проулок, где мы с Фрицем выгружали фуру. Это казалось разумным хотя бы потому, что уверенности в том, что бородатый крепыш с огнеметом не пальнет в меня, не имелось от слова совсем! Так что, поглядывая по сторонам, принюхиваясь и прислушиваясь, я свернул с Проспекта и вдоль стенки трехэтажного дома двинулся в сторону виднеющихся впереди створок ворот, минуя груды строительного мусора и заваленные пищевыми отходами металлические баки.

Откуда-то сверху раздался женский визг, грохот падающей мебели, звон разбитого стекла… На балконе второго этажа появилась некая огненно-рыжая особа в белом банном халате и с табуреткой в руках, а затем — монструозная псина. Дамочка, лихо размахнувшись, врезала табуреткой поперек рожи бестии, заставив ту на секунду отступить, а потом глянула вниз, оценивая обстановку, выцепила своим неимоверно-зеленым взглядом меня и крикнула:

— Лови, чего стоишь? — в её голосе слышались отчаяние и решимость.

Я едва успел выпустить из рук кард и кинуться под балкон, чтобы через секунду уже держать ее в объятьях.

— Ого! — теперь тон рыжей незнакомки содержал в себе облегчение, испуг и удивление одновременно. — Поймал! А ты силач, да?

— Ага! — я сглотнул: под махровым халатом у нее вообще-то ничего не было!

Точнее — было, и очень даже было, поскольку женщина на меня спрыгнула молодая и очень даже симпатичная, но…

— А-а-ай! — пискнула она и вцепилась в меня всеми руками и ногами. — Там эта сволочь на балконе!

Сволочь со змеей вместо хвоста действительно была на балконе и уже примеривалась спрыгнуть следом за сбежавшей жертвой. И ловить ее без карда в руках у меня не было ни

малейшего желания. Так что я быстренько и при этом аккуратно отцепил от себя женщину, поставил ее у самой стеночки, и, не выпуская из виду тварь, бочком-бочком подобрался к лежащему на земле клинку… И не успел.

Псина среагировала на мое движение молниеносно! Исторгнув из глотки жуткий вой, бестия рванула вниз. Повинуясь инстинкту, но никак не разуму, я ринулся навстречу, и буквально в ту же секунду, как тварь приземлилась на все четыре лапы, хорошим пинком по ребрам сбил ее с ног, ухватил один из стоящих тут же мусорных баков за обе ручки — и швырнул в чудище.

И, кажется — перебил гадине хребет, потому что теперь псина сучила задними ногами, а змея на ее жопе еле дергалась. Я с каким-то чувством внутреннего удовлетворения прыгнул ей на оскаленную морду, жалея только о том, что у меня вместо дурацких сланцев не какие-нибудь бронированные тяжеленные боты.

Черепушка твари все равно хрустнула — веса и силы ног хватило, но ощущения были мерзкие.

— Я заснял! — заорал какой-то гоблин, который скрывался в куче мусора. — Заснял!

Вот ведь маленькие засранцы! Наподдам я им, как вернусь в гостиницу! Похоже, моя злоба легко читалась на лице, потому как гоблин сдриснул во глубину мусорных недр со скоростью света.

— А теперь отнеси меня в квартиру, — сказала вдруг рыжая незнакомка. — Я вообще-то босиком, а тут кругом грязь и кровища.

— Э-э-э-э… — я осмотрел всего себя с сомнением.

На мне тоже было полно грязи и кровищи.

— У меня большая ванная. И стиралка имеется. Приведешь себя в порядок! — безапелляционно заявила молодая женщина и протянула ко мне руки: — Давай, спасай меня уже до конца, если взялся.

— Я? — мои брови взлетели вверх. — А с другой стороны…

Вот везет мне на этих рыжих! Тем паче, эта активная дамочка явно не торопилась пугаться моих урук-хаевских статей и зверской рожи. Черт возьми, у нее в глазах даже мелькал вполне определенный интерес! Неужели — она из той породы баб, которым нравится, когда мужики за них дерутся? А если и так — то с какой стати я должен был быть против?

* * *

Ее звали Кристина, у нее был четвертый размер груди, классная задница, тонкая талия и бешеный темперамент.

Эта дамочка совершенно точно знала, чего хотела: не терпящим возражения тоном она вынудила меня отнести себя в ванную и сказала, что стрельбы больше не слышно, а значит — всё кончилось и торопиться пока что некуда. А потом, явно противореча своим словам, быстро и сноровисто принялась снимать с меня футболку и всё остальное, даже не пытаясь скрывать свои намерения. В общем — мы устроили в ванной прямо под струями душа настоящий разврат, а потом — повторили всё на широченной кровати и на диване, и на подоконнике.

Спустя минут сорок я в одних трусах сидел на кухне, на единственном уцелевшем табурете, ел пельмени — у Кристины в морозилке оказались какие-то невероятные залежи драгоценных в здешних местах мясных полуфабрикатов — и запивал их пивом из стеклянной бутылки.

Рыжеволосая хозяйка квартиры наводила порядок. Крутилась стиральная машина — самая обычная, барабанная, с кучей кнопок. Работал робот пылесос — чуть более массивный, чем я привык видеть там, в прошлой жизни. Сама девушка, напевая что-то фривольное, разбирала завалы: часть вещей безжалостно отправлялась в огромный мусорный пакет, другие — аккуратно складывались на полочки и в ящички, третьи — летели в корзину для грязного белья.

— Есть женщины в русских селеньях… — задумчиво проговорил я, глядя на ее деловитые, отточенные движения и ладную фигурку.

— А? — удивилась она. — Ты о чем?

— Нет-нет, я так, о своем… Слушай, а… — я не знал, о чем мы вообще можем разговаривать — слишком неожиданным стало наше знакомство и всё, что за ним последовало — тоже.

Пожалуй, сильнее всего мне хотелось спросить, смогу ли я зайти к ней еще раз, просто так, без спасения от адских тварей.

— Ой, ну и что, что ты урук? — Кристина, кажется, думала о чем-то другом и восприняла мою попытку начать беседу в соответствии со своими мыслями. — Мне нравятся большие парни! Я на тебя давно глаз положила вообще-то! Видела, как ты с этим… Резчиком, да? Вот, как ты с Резчиком на крыше боксируешь. Да и вообще — ты на человека похож и лицом, и всеми остальными местами. И спас меня! Я — свободная женщина, и Густав мне не хозяин… Замуж бы позвал, если б… И вообще — не с мужиками бы там своими груши околачивал, а про меня подумал сперва! А то сирена, хтонь — а он в «Надыме»

своем! Ой!

Она глянула на настенные часы — обычные, со стрелками — и закусила губу.

— Миленький, слушай… Густав скоро придет, и… В общем…

— Мавр сделал свое дело, мавр может уходить? — немного более досадливо, чем хотелось, хмыкнул я. — Но одежда-то в стиралке!

— Одежду я принесу в закусочную, Фрицу, через пару часов. Ты ведь у него работаешь теперь, да? Вот и заберешь! А пока — на вот, халат возьми! — она естественным и очень привлекательным движением сняла с себя чистый махровый халат — второй за сегодня — и протянула его мне.

Я невольно залюбовался ее прелестями, ощупывая взглядом всю обнаженную фигуру — от ладненьких ножек до озорных зеленых глаз и, едва сдерживаясь, чтобы не наброситься на нее немедленно, поднялся с табуретки.

— Ну, миленький, ну, правда! Ну, зачем оно тебе надо? Ну, беда же будет! — топнула ножкой она. — Увидимся еще, ага?

Накинув халат на плечи, я забрал кард, который сиротливо стоял все это время у входной двери, и вышел вон.

Ну и чуйка у этой Кристины! Успели минута в минуту!

Снизу послышались тяжелые шаги и лязг металла, и потому я совершил единственный разумный маневр в этой ситуации: поднялся по лестнице выше, постоял на усыпанной окурками площадке третьего этажа, ощутил запах бензина и гари, и по-гномьему гулкий голос произнес:

— Кристинка! Открывай! Умаялся я церберов жарить! Пива хочу — сил нет! — это точно был тот тип с огнеметом.

Похоже, я совершенно случайно закадрил подружку местного авторитета!

Глава 6
Дальнейшие перспективы

— Хуеморген, герой-любовник! — приветствовал меня Фриц из-за прилавка.

В забегаловке было пусто, сам гном занимался тем, что чистил стволы солидного обреза-«горизонталки», время от времени поглядывая сквозь них на горящую на потолке лампочку. Вокруг лампочки вились мухи.

— Это почему доброе утро-то, если вечер только начался? И с какого перепуга я — герой-любовник? — поинтересовался я, подходя поближе и извлекая из-под полы женского махрового халаты длинный орочий меч.

— А потому, что привычка у меня такая — доброго утра желать! Утро — оно в принципе добрым редко бывает, хоть когда его желай — лишним не будет. Оно с утра как? То не с той ноги встал, то малость недоспал, то не с той переспал! Вот он, кстати, и ответ на твой второй вопрос: час назад ты церберов в закоулках потрошил, красовался там со своей вот этой урук-хаевской кочергой и ловил с балкона некую Кристинку с красивыми ножками, а теперь заявляешься в одних трусах и женском халате! Ну, и кто ты после этого?

— Э-э-э-э… Вопросов становится всё больше: и как ты это всё узнал? А-а-а-а! Гоблины! Чертовы коротышки снимали всё на видео!

— У тебя есть проблемы с коротышками? — грозно ляпнул на стол пудовые кулаки гном.

— У меня есть проблемы с гоблинами! — дипломатично поднял вверх ладони я. — И с одеждой.

— С башкой у тебя проблемы. Какого хрена ты трахал девку Густава Игельшнойцхена? Совсем берега попутал? Сначала ребят Щербатого оприходовал, теперь — Кристинку! — Хуеморген явно пребывал в возбужденном состоянии.

— Не приходовал я никаких ребят! — возмутился я. — Как это вообще пришло в твою бородатую голову!

— А-а-а-а, значит, с Кристинкой — было? Ну, и как она? Огонь? — потер руки Фриц. — Баба классная, тут половина Проспекта на нее облизывается, но Густав жутко ревнивый… Подпалит он тебе яйца, любовничек, и будет у тебя в штанах недостаток… Он у тебя и сейчас есть, недостаток в штанах. Очевидно просматривается, поскольку штанов тебе явно недостает!

— Ар-р-р-р!!! Я ж щас и в рожу тебе тресну, не погляжу, что старше меня вдвое и вообще — работодатель! — гном умел бесить, это точно. А урук-хай прекрасно умели беситься.

— Втрое, — отмахнулся Хуеморген. — Втрое я тебя старше. Но какая, хрен, разница. если у гномов совершеннолетие — в тридцать, а у вас, скороспелок — в шестнадцать? Тебе сколько? Пятнадцать? Девятнадцать? С вашими рожами хрен разберешь! Страшные, как смертный грех!

Пришлось сделать неопределенный жест рукой: я и сам не знал! Предположения были примерно такие же, как и у Фрица, но паспорта своего я не видел, даже вахмистр Перепелка его не спрашивал. Тут идентифицировали как-то по-другому? Ну да, по костям из погребального костра, например.

— Ладно, смотри! Красовался тут как стриптизерша на шесте, еще и позы красивые принимал! Фу таким быть! — Хуеморген сунул мне в лицо планшет и ткнул пальцем в какой-то значок на экране.

Запустилось видео: похоже, это был какой-то хостинг типа Ютуба, смешанный с новостным агрегатором. Под рубрикой «Proryv Htoni I ataka Cerberov v San-Sebast'yane» имелось несколько видео, но на самой вершине топа было два: «Krovozhadnyj uruk-haj potroshit psov zdorovennym mechom» и «Klassnye sis'ki i mnogo krovi». На видосах черноволосый звероватый громила в черной футболке эффектно и пафосно убивал чудищ — как в кино: брызги крови во все стороны, блеск стали, волосы длинные туда-сюда эпично телепаются… А еще он ногами раздавил одного из адских псов и поймал с балкона рыжую красотку в халате. «ZANIMAJTES' LYUBOV'YU, A NE VOJNOJ!» — вот что я прочел на спине молодчика, когда сей неизвестный герой (кто бы это мог быть?) — во время своего феерического прыжка на череп чудища повернулся спиной к камере.

— Сука! — сказал я. — Пять лет арт-фехтования так просто не проходят.

— Что? — удивился Фриц.

— Кузя — сука, говорю. Там просмотров уже пара десятков тысяч. И они вот прямо сейчас растут. Надо будет с него бабла состричь, с прохвоста мелкого. Охерел совсем! Монетизация-то на этом хостинге есть?

— Херас-с-се! — вытаращился гном. — Ты что-о, во всей этой блогерской педерастии разбираешься? Я всё больше подозреваю, что ты нихера не урук! Уши покажь!

Я от неожиданности оттопырил рукой одно ухо, и Хуеморген облегченно выдохнул:

— Не, отбой. Мамка-то твоя или из наших, или из человеческих баб была. Никаких сраных эльдарских эльфов.

— Да чего с этими эльфами не так? Что ты каждый раз пыхтишь, как про них вспоминаешь? — решился спросить я.

— Э-э-э-э, брат Бабай, это ты эльфов не знаешь! И ладно еще лесные, наши, русские лаэгримы, или там галадримы с Великих Равнин… Они хоть мозг не парят никому. А высшие, эльдарские эльфы это… — он скривился и как будто процитировал: — ' Выйди из зоны комфорта, сделай двенадцать шагов, помоги себе сам…' Бе-е-е-е, блевать тянет! Или вот это: «Почему мы не можем с автомобилей пересесть на шеи экологически чистых рабов? Почему мы не можем всё вокруг засадить цветочками, питаться одной ботвой и не пить пива?» Да потому что, ять, не можем! Лицемерные ублюдки — вот кто они такие! Эльфийка из Авалона советует уральскому гному выйти из зоны комфорта, обосраться можно! Я, может, войти в нее уже почти пятьдесят лет пытаюсь — и всё никак! У-у-у-у!

Явно задетый за живое, Хуеморген разве что пар из ушей не пускал. Он сердито достал из-под прилавка две бутылки пива, одну протянул мне:

— Будешь? — пропыхтел гном.

Об угол стойки, двумя короткими ударами мы открыли кронен-пробки и, не теряя времени, чокнулись горлышками: дзинь!

— Ну, за зону комфорта! — следующие несколько секунд в закусочной слышалось только бульканье хмельного напитка, который лился в наши глотки.

— Уф! — сказал гном, когда бутылка опустела. — Теперь касаемо твоей одежды: в трусах ты работать тут не будешь. Штаны парусиновые я тебе дам, закатаешь до колен — будет нормально. Денег тридцать тоже дам — сходишь к Ипатьевне, в магазин за углом, купишь футболку. Ну, ты знаешь, Резчик там же тебя и одевал. Только возьми что-то человеческое! У меня на тебя большие планы: мне нужна подмена тут, за прилавком. А то вскоре придется удалиться на неопределенный период времени…

Он так и сказал — «вскоре» и «удалиться». Филолог, черт его дери!

А я взял у него штаны и деньги, скинул в подсобке халат и пошел за футболкой.

* * *

Это был самый обычный секонд-хенд, но назывался он тут

исконно по-русски: «VTORYE RUKI». И единственный отдел, где имелись шансы найти условно подходящую для меня по размеру одежду, оказался секцией для толстых женщин! Вот в чем был сраный секрет ублюдских футболок! А я-то думал…

Ипатьевна — сама по себе немаленькая бабища славянской раскрашенной наружности — с видимым извращенным удовольствием предложила мне три черные футболки на выбор. Я, не глядя, взял одну, напялил на себя и, покрутившись перед зеркалом в раздевалке, выматерился. На спине значилось: «HEJ, PRINCESSA! MEN'SHE STRESSA!»

Твою-то мать!

Но всё это меркло перед неожиданным открытием: у меня на правом предплечье обнаружилась татуировка! Нет, она и раньше была, но едва заметная, намеченная тонкими контурами. А теперь — на запястье красовался свежим колером черный браслет с затейливым орнаментом, а над ним — некие замысловатые загогулины навроде иероглифов, в которых я с большим удивлением распознал схематично нарисованную женщину и несколько песьих голов.

Вот это новости! Это что — ачивки? Или — и вправду татау как в «FarCry-3»? Я теперь — долбанный Мауи из «Моаны». Охренеть можно. Меня, похоже, догнало страшное урук-хайское колдунство Резчика!

— Не задерживаемся в раздевалочке! — прогундосила Ипатьевна. — Маечку приобретать будете?

— Буду. Спасибо вам большое, — сказал я, как можно более радостно улыбаясь.

— Ишь ты! Урук спасибо сказал! Это ты такой довольный потому, что учителя укокошил? — поинтересовалась противная продавщица. — Подох — и хрен с ним. На что уж зловредный мужик был! И кобель, каких поискать!

На этом моменте мне показалось, что ее глаза мечтательно закатились, так что я даже вздрогнул, оглядев ее габариты. Интересно, как ей проще в дверь входить — боком или ровненько? Трудности должны возникать в любом случае…

— Спасибо, Ипатьевна, — еще раз сказал я. — Если будет что-то нормальное моего размера — отложите, а? Я на работу устроился, зайду еще — куплю! Надо бы гардероб обновить…

— Ого! Ишь какой молодец! А звать-то тебя как? А то Резчик-то на тебя больше по матери лаялся, а имя-то…

— Бабай. Бабай Сархан, — зачем-то уточнил я.

— Ну, заходи, Бабай, я со следующего привоза что-нибудь присмотрю тебе… Сорочки, бывает, привозят хорошие, османские…

— И обувь!

— Сорок седьмой размер? Ба-а-альшая редкость! — горестно вздохнула Ипатьевна. — Шлепанцы н-н-нада? Шлепанцы у меня есть!

Мне были не нужны еще одни шлепанцы, так что я пошел обратно, в закусочную. И не дошел!

* * *

Если говорить о теории великого сракопада, то вся моя жизнь тут, в этом таинственном Сан-Себастьяне, все эти пару коротких дней и длинных ночей по сути представляли из себя один сплошной сракопад.

Вот и теперь, в самый неподходящий момент, неведомая сила ударила меня под коленки, опрокинула, подняла в воздух и зашвырнула на одну из раздолбанных крыш здешних домов. Я, самым причудливым образом извернувшись в полете, еле-еле умудрился поймать шлепанец, слетевший с левой ноги, и, не успев удивиться такой своей ловкости, брякнулся на грязный рубероид.

— Какого хера… — начал обычный свой треп я, пытаясь при этом оглядеться и высмотреть неприятеля, но был самым бесцеремонным образом прерван.

— Заткнись, урук, — голос был незнакомый, явно женский и молодой. — Фу, правду говорят: с вами магичить — как в дерьме купаться…

— А ты купалась в дерьме? — не преминул уточнить я, пытаясь подняться и дивясь при этом урук-хайским слабоумию и отваге. — Как ашчушчэния?

— Заткнись! — меня снова сбило с ног и крепко приложило затылком о чертов рубероид. — Вопросы здесь задаю я!

Под рубероидом-то были бетонные плиты крыши! Тверденько получилось, болезненно! Будет шишка на башке, если у уруков вообще растут шишки. Что происходит — я уже понял. На меня напала злая волшебница, магичка, чародейка — как будет угодно. Но какого хера ей от меня было нужно — вот это оставалось вопросом.

— Если не хочешь слететь отсюда мордой вниз — отвечай коротко и по-существу, — по тону было понятно — моя собеседница привыкла командовать. — Где Резчик?

— Умер, — откликнулся я.

— Как — умер? — в голосе появилось очень много удивления.

— Ротмистр сказал, что его убил менталист, — мне скрывать было нечего, я в гробу видал эти тайны.

— Какой ротмистр? Какой еще менталист? — растерянности в ее тоне становилось всё больше.

— А я гребу какой?! — вызверился я. — Приперлись, всё расхреначили, разнесли мне всю хату! Учитель подох, и я теперь тут торчу, как три тополя на Плющихе, в этом Сан-Себастьяне, понятия не имею, что делать!

— К-к-какой плющихе? — удивление наростало.

— Слушайте, дамочка, давайте вы перестанете меня швырять туда-сюда, покажетесь, представитесь и спросите всё, о чем захотите? А я на что смогу — на то отвечу. А на что не смогу — уж не обижайтесь! Чего вам бояться? Вы вон какая мощная женщина, целого урука приподняли и шмякнули, а этим мало кто может похвастаться!

— Пожалуй, в этом есть смысл… Ты кажешься адекватным — для урука, но это меня и пугает! А ты что, совсем не испугался?

— Не умею, — я даже плечами пожал, хотя и пребывал в горизонтальном положении, придавленный невидимой горой к рубероиду. — Физиология такая.

— Физиология? — из-за надстройки на крыше появилась очень решительная молодая блондинка. — Ты ведь не совсем урук, да?

Спортивное телосложение, очень изящный черный комбинезон в стиле футуристического милитари, напряженный взгляд из-под нахмуренных бровок, загорелая кожа точеного личика, яркий румянец… А она ничего! Всё портила только правая рука, воздетая в воздух. Ну не нравятся мне девушки, у которых вокруг ладони крутятся торнадо, понимаете? Не привлекают они меня, по целому ряду причин. Когда я вижу красивых молодых девушек с торчащим из ладони охеренно здоровым черным вихрем, мне становится абсолютно понятно — серьезные отношения не для меня. Мимолетные интрижки, впрочем, тоже. Я вообще в монастырь уйду. Орочий. Есть у орков монастыри?

— Привет, — вслух сказал я. — Меня Бабай зовут. Я ученик Резчика.

— Не-а, — покачала головой магичка. — Ты — Резчик.

— А? — удивился я. — В каком смысле?

— В прямом. Не коси под дурачка, я вижу твою татау!

— А-а-а-а! Ладно тогда, — в конце концов, в данный момент это было не принципиально. — Меня зовут Бабай Сархан и я Резчик.

Прозвучало как сакраментальное «здавствуйте, меня зовут

Женя и я алкоголик».

— Роксана, — кивнула девушка и движением левой руки привела в действие некие силы, вернувшие меня в вертикальное положение.

Торнадо над правой рукой всосался куда-то в район ее запястья, и слава Богу. У меня от таких спецэффектов мысли путались. А теперь — я спокойно надел на ногу потерянный и пойманный шлепанец, пошевелил сразу всеми конечностями, проверяя сохранность собственной тушки, поморщился от все еще саднящей раны в боку и спросил:

— Вы та самая чародейка Роксана из отряда спецмедэвакуации? Или какая-то другая Роксана?

— Та самая! — удивилась она. — А откуда…

— А тот хрен знает какой ротмистр или кто-то из его лихих демонов сказал, что раз уж Роксана не смогла поставить парня на ноги, так никто не сможет. Уважают они вас!

— А-а-а-а! Так это Петенька, нехороший человек, княжича к вам притащил! Вот и ответ на первый вопрос! Теперь меня интересует только одно: где вы взяли один из Великих Артефактов?

Она произнесла это с огромным пафосом, прямо — с Больших Букв, это в ее голосе слышалось.

— Нигде, — пожал плечами я. — Ничего такого великого у меня не было. Машинка была, колоры были. Мебель была — раздолбанная и окна разбитые. И рожа — тоже разбитая. Хреново мне стало после всей этой процедуры, если честно…

— Сколько человек принесли в жертву? — впилась она в мое лицо взглядом.

— Нисколько! — открестился я. — Что за идея вообще такая?

— Действительно… — смешалась она, и тут же накинула новую версию. — Использовали гоблинов? Магия Крови? Орочий ритуал?

— Да не приносил я никого в жертву!

— А кто приносил? Никто?! Да как… — она скорчила такую озадаченную рожицу, что живо напомнила мне девочку-отличницу, которой на уроке биологии попросили всему классу рассказать про устройство мужских половых органов. — Так, постойте… Какой-то восемнадцатилетний патлатый подмастерье, ученик туземного шамана, вылечил княжича Воронцова от Черной Немочи, набив дурацкие картинки на руке? Да за кого…

— А он поправился? Круто! — искренне обрадовался я. — Так меня не придут решетить из четырех автоматов Татаринова злые усатые дядьки в бронескафандрах? Хо-хо! А я тут извелся весь,

испереживался, можно сказать… Роксана, солнышко! Вы сделали мой день!

Я на радостях даже воздушный поцелуй ей послал, а потом просто взял — и сиганул с крыши вниз. Там на втором этаже козырек был, он. хотя и хрустнул под моим немалым весом, но выдержал. Спрыгнув на тротуар, я задрал вверх голову, посмотрел на ошарашенное лицо волшебницы и продекламировал:

— Я помню чудное мгновенье,
Передо мной явилась ты!
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты!

— м-да, в моем исполнении Пушкин звучал как прелюдия к массовому убийству людей бензопилой.

— Я? — глаза у Роксаны стали по пять копеек.

То есть денег, конечно — денег! Копеек тут не водилось. В любом случае — впечатление я произвел.

— Да, да! Вы сущий ангел. Меня не будут решетить, какое облегчение! Если что — я тут за углом работаю, в закусочной. Заходите, налью вам кофе. «Три в одном» — такая гадость, вы не представляете!

Чутье подсказывало — снова поднимать меня на воздух и шмякать о рубероид волшебница не станет. Не такая уж она и злая, наверное. И в конце концов — я ответил на ее вопросы!

* * *

— И где ты ходишь? — поинтересовался Хуеморген. — Вон, клиенты набежали, жрать просят, а мне собираться надо. Тебя полчаса не было! Опять с какой-то бабой завис?

— Оно как бы и да, а как бы и нет, — задумчиво проговорил я. — А новости разнообразные, дядя Фриц. С одной стороны — меня чуть не прибили, а с другой — завтра не придут изрешечивать из автоматов.

— А могли? — удивился гном, не отреагировав на «дядю». — Чего ж ты сразу не сказал?

— А тогда бы что?

— А тогда бы я тебя на работу не взял!

— Вот потому и не сказал!

— Действительно! — задумчиво почесал бороду Фриц. — Резонно. Давай, фартук надевай и за прилавок становись. Тут у

нас без изысков, всё просто. Просят кофе — делаешь кофе, просят сосиски — варишь сосиски. Вот что в меню написано — то и делаешь. Готовить-то умеешь?

— Сосиски-то? Умею! Но я еще не согласился тебя подменить. Я к тебе грузчиком нанимался, а не мастером на все руки! — я поплескался немного под краном, смывая с рожи кусочки рубероида, а с рук — грязь и пыль.

— Сто денег за смену! — тут же предложил он.

— Видал я в гробу твои сто денег, — парировал я. — Тридцать процентов от выручки.

— Охерел совсем? Ты что — в бизнес-партнеры ко мне набиваешся? — Хуеморген ухватил себя за бороду и дернул.

— Погоди, пройдет время — умолять будешь! — погрозил ему пальцем я.

— Двадцать пять… — задумчиво проговорил гном.

— И нормальный кофе! — хлопнул по стойке ладонью я. — Зерновой! Плитка, железный лоток и песочек — речной, мелкий. И турочки — самые маленькие.

— Это зачем? — вытаращился на меня дядя Фриц.

— Кофе на песке буду варить!

— О-о-о-о! — обрадовался Фриц. — Это дело. Ладно, напиши список, я возвращаться буду — в юридику к Паскевичам-Эриванским заеду, там рынок богатый. Думаю, найдется всё! И кидай ты ту гоблинскую гостиницу, тут в каморке переночуешь — оно всяко удобнее…

— И сторожа нанимать не надо! — поддакнул я, поставив в мозгу зарубку про Паскевичей-Эриванских и юридику. — Можно мне платить. По двадцать денег за ночь.

— Ты точно урук? — снова насторожился Хуеморген. — Наверное, мамка — наша, кхуздульская баба! Я ему ночлег предлагаю, а он деньги с меня требует за то, что дрыхнуть тут будет! Какой ушлый, только посмотрите!

— Знаешь, что такое хот-дог? — спросил я. — Я могу продать одну твою дурацкую сосиску, булку и немного кетчупа по цене обеда.

— Пятнадцать денег за ночь и ботинки твоего размера как вернусь! — глаза его загорелись.

Гномы — алчный народ, это каждому известно.

— По рукам! — сказал я.

Мы поручкались, и Хуеморген стал завязывать мне фартук. Когда гном зашел ко мне в тыл, то не выдержал — заржал и ткнул меня пальцем в спину:

— Гы-ы-ы, принцесса!

Я только горестно вздохнул.

Глава 7
Жаба и гадюка

Что я сделал сразу после того, как снял фартук и закрыл закусочную, завершив таким образом тяжкую трудовую ночь? Правильно! Залез в Сеть!

Почему я этого не сделал раньше? Так не было у меня никаких гаджетов! Я — голодранец, у меня вообще ничего нет, не то, что планшета или смартфона. Есть футболки с идиотскими принтами, рваные джинсы, шлепанцы и здоровенный страшный меч, похожий на кочергу. И всё! Ну, и стило — татуировочная машинка еще. Но ее я сразу запаковал и спрятал в таком дерьмище, что туда не то, что вор — гоблин не полезет! Во всю эту татуировочную предстояло вникать долго и тщательно, а это означало — потом, очень потом.

Сейчас-то были проблемы куда более насущные. Разобравшись с голодом материальным и устроившись на работу к Хуеморгену, я принялся решать проблему голода информационного. И в тот самый момент, когда гном собрал манатки и свалил в закат — решать свои важные и очень мутные гномские дела, я набросился на рабочий планшет и принялся в него тыкаться со страшной силой! Конечно, операционка тут была незнакомая, но интерфейс — интуитивно понятный. Вместо кириллицы — латинка, и с этим были трудности, но общий принцип местной грамматики (в моем случае — транслита) я понял, а здешние поисковые системы распознавали слова типа «истчо» или «йошь» ничуть не хуже гуглов с яндексами.

Да, да, сразу я полез на видеохостинг и посмотрел комменты и просмотры под видосами с прорыва хтони. Интересно же! Те, что были с моим участием, стабильно держались в топе, в ветке про Сан-Себастьян. На пятки наступал Густав с его огнеметом, хватало и другого материала: как я понял, жители Маяка в целом были хорошо подготовлены к подобным инцидентам, неплохо вооружены и решительно настроены. И не дураки поснимать с экшн-камеры! Хотя, учитывая уровень местных технологий и монокль, виденный мной у вахмистра Перепелки — некоторым и камера не понадобится…

Вместо того, чтобы читать полезную инфу про Сан-Себастьян, Государство Российское и все эти опричнины-земщины-сервитуты-юридики я залип в комментах. Ой, ну ладно: со всеми бывает! Комменты были самые разные, некоторые восторгались эффектностью расправы над церберами, другие — ржали над

футболкой, третьи — обсуждали мой идиотизм, потому как только идиот будет махать мечом, когда есть огнестрел… М-да, это притом, что урукам законодательно было запрещено даже прикасаться к огнестрельному оружию! Это я, кстати, тоже в комментах прочел.

Но основной лейтмотив и главное настроение местных по поводу той резни, что я устроил адским гончим, звучал вполне определенно. «Е*ала жаба гадюку» — именно этими словами большая часть юзеров выражала свое отношение к происходящему на видео. Урук-хай рубит хтонических тварей? Прекра-а-а-асно! Кто бы из них ни сдох — это будет просто отличным исходом! А давайте мы всех урук-хай отловим и отправим в Хтонь! И дроны запустим — пущай поснимают, классные видосы же получаются!

На территории Государства Российского хтони было полным-полно… Ох, как плохо звучит, но деваться некуда- это для здешней реальности оказалось абсолютной, буквальной правдой. Притом, тут водилась не просто хтонь, а — Хтонь! Центр и север Евразии оказались истыканы черными пятнами хтонических аномалий, как швейцарский сыр — дырками! Каракумы, Казахский мелкосопочник, пустыня Гоби — всё это представляло собой царство огромного разнообразия мерзкой потусторонней хрени, магических высеров и жутких тварей, и служило естественной границей здешней России в Азии. Но и внутренние области необъятной Родины там и тут обозначались на картах как непригодные для жизни, незаселенные территории с особым режимом охраны. Некоторые, судя по всему, были давними, мощными — и закрыть их, зачистить полностью никак не получалось. Такие области, возникшие в результате катастроф поистине апокалиптического масштаба, называли Аномалиями. Самая большая сплошная Аномалия в Евразии располагалась в районе Васюганских болот в Западной Сибири, еще одна — вдоль хребта Черского, точнее — под ним, если быть точным. Имелось солидное такое пятно на Кольском полуострове и пятна поменьше — там и сям в европейской части России.

В Европе тоже можно было найти похожие объекты. Например, Венгрии как таковой не существовало в принципе, Большая Паннонская Хтонь — вот что располагалось на ее месте. Большая по европейским меркам, не по российским. И еще парочка — в Пиренеях и на берегу Балтийского моря, в Померании, но особенно я не вникал. Да, в мире этих Аномалий вообще было довольно много: Калахари — в Африке, Патагония — в Южной Америке, Великие Озера — в Северной… Моя попытка провести параллель с пустынями моего мира

споткнулась именно на этом моменте. Никакой закономерности не было. По крайней мере — очевидной для меня.

Второй же тип зараженных хтонью территорий, который чаще всего называли «прорывами», по своим размерам и угрозе был гораздо менее масштабным. Прорывы появлялись спорадически, на неопределенный срок и с разной степенью интенсивности. И такое событие чаще всего оказывалось последствием действия вышедшего из-под контроля или злонамеренного волшебства. Вообще — Хтонь и волшебство, любая магия, судя по имеющимся данным, были тесно связаны. Похоже, рядом с такими аномалиями и прорывами действие магии и возможности магов кратно усиливались. Такая взаимосвязь позволяла чародеясм довольно эффективно бороться с тварями и другими удивительными и зловредными хтоническими явлениями, разнообразие которых было столь велико, что я просто дальше списка читать не стал!

Сила действия равна силе противодействия — этот закон работал в здешнем мире тоже.

* * *

Я всё-таки выпил кофе «три в одном», взбодрился не столько из-за отсутствующего в мерзком напитке кофеина, сколько по причине отвратного вкуса, и бросился читать дальше. Нужно было прояснить ситуацию с Сан-Себастьяном, узнать, где я вообще нахожусь!

С геолокацией прояснилось быстрее всего — сейчас мое бренное тело обитало на побережье Черного моря. Береговая линия тут несколько отличалась от привычной мне, но в целом — Бабай Сархан коптил небо где-то между Батуми и Туапсе. Отсюда — субтропический климат, буйство зелени, морские бризы и вот это вот всё. Кавказ тут тоже имелся и назывался тоже — Кавказом. Я его в принципе и сейчас мог бы увидеть, стоило только на крышу подняться.

Сан-Себастьянский сервитут располагался собственно между морем и горами, на узкой прибрежной полоске, с одной стороны ограниченной рекой Гвандра, а с другой… С недавних пор — Сан-Себастьянским прорывом, который грозил превратиться в Сан-Себастьянскую Аномалию на месте самого населенного и оживленного пару лет назад района Маяк. Раньше эти места представляли собой курортный рай с гостиничками, клубами, санаториями, магазинчиками, дендрариями и парками аттракционов. А теперь от всего былого великолепия осталась

одна обжитая улица и многие, многие мертвые кварталы, смертельно опасные для случайного путника…

Отечественные СМИ обвиняли в организации Прорыва балканских упырей. Вообще — тут во многом обвиняли балканских упырей и, как я понял, отчасти не без причины. Но в политику я не полез, еще успеется в этом говне измазаться, а вот прояснить по сервитуту и его внутренним законам было жизненно необходимо.

И только я успел прочесть про то, что «сервитут — это право ограниченного пользования чужим земельным участком, зданием, сооружением и другим недвижимым имуществом», и в здешних условиях предполагает равные условия для поселения и проживания всех рас, народов, сословий и общее пользование ими муниципальной собственностью при выполнении взятых на себя перед правящей династией обязательств, как вдруг в окно закусочной прилетел кусок кирпича:

— БАХ! З-звяк! — я, похоже, забыл опустить рольшторы!

Целый сноп стеклянных осколков звонкой дробью просыпался на пол и подоконник. Какой скотине не спалось в пять утра!? Это требовалось выяснить немедленно, так что я сунул планшет, ухватил один из высоких барных стульев, что стояли у стойки и сиганул наружу — прямо через разбитое окно вылетел на улицу, приземлившись на обе ноги и кинулся в атаку.

Такого эти ублюдки точно не ожидали! Они стояли перед самым крыльцом плотной группкой — пять-семь зеленокожих лоботрясов-снага — и курили, и плевали ореховую скорлупу себе под ноги, и глумились своими гадскими голосами.

— Что, гиены, СТРАХ ПОТЕРЯЛИ?! — заорал я, не сдерживая голоса.

Один из снага — самый молодой — аж присел от акустической волны, остальные тут же повернулись ко мне — но поздно! Я влетел в толпу оглоедов с ударом табуреткой и пинком ноги, и принялся месить их по чем попало, расшибая кривые рожи, подсекая ноги и выкручиая руки. Барный стул потерялся еще в самом начале, от его удара в ступеньки крыльца впечатались двое снаг, так что я использовал кулаки, ноги и собственную башку.

Несколько раз мне крепко прилетело по спине, голове и ребрам, куда без этого? Если вам кто-то расскажет, как в драке одолел троих, и не предъявит парочку травм — плюйте на него, ибо брешет. Тем более, уродцы были вооружены увесистыми дубинками типа бейсбольных бит, длинными цепями и обрезками водопроводных труб, так что каждый из «прилетов» ощущался весьма конкретно. Но снага против урука — это как… Ну, как

ягдтерьер против ротвейлера. Вроде как и злая псинка, и если кучей — то завалить в целом могут, но… Но у ягдтерьеров, например, всегда была храбрость и упоение дракой, а у снага — только гнилые понты и безграничная уверенность в том, что все должны их бояться и биться мордой о кулаки самостоятельно. Когда события развивались по другому сценарию — зеленые орки без харизматичного лидера зачастую терялись и терпели поражение.

Вот и теперь — вцепившись в меня со всех сторон и пытаясь нанести как можно больше ударов в минуту, они всё поставили на одну общую атаку. И пришли в полное замешательство, когда я всё-таки вырвался из их настырных объятий, разбросав всю камарилью в разные стороны. Мне удалось ухватить одного из них за грудки и швырнуть в троицу, оставшуюся на ногах. А потом я бросился на них, с явно читаемым намерением завершить начатое:

— Ар-р-р-р!!! — гроул с каждым разом получался у меня всё более внушительным.

— Дядя-ять, мы сдаемся-нах! — завопил тот самый, который испугался моего крика в самом начале.

— А хрен там! — рыкнул я и прыгнул ему обеими ногами на грудь. — Урук-хай пленных не берет!

И орки-снага совершили самую большую ошибку из всех возможных: кинулись наутек! А я гнал их и преследовал, и вносил опустошение в их ряды. Последний попался мне под руку у знакомых мусорных контейнеров в закоулке, и я ухватил его пятерней за загривок, сжал, приподнял — и сунул в полупустой мусорный бак, захлопнув сверху крышку. И сел на нее, пытаясь отдышаться.

Когда дыхание восстановилось, я стукнул пяткой по баку:

— Эй, снага! Ты там живой?

— Ды-а-а? — неуверенно пропищали из мусорки.

— Скажи Щербатому — если он от меня не отстанет, я приду и засуну ему твою башку в жопу.

— М-м-мою-врот?

— Твою! Не в рот, а в жопу! Так и передай! Уй, я-а-а-ть! — только сейчас я почувствовал острую боль в боку и, глянув туда, скривил рожу: под правой рукой торчала кривая костяная рукоятка ножа.

Выдергивать нож сразу было бы большой глупостью, и потому я совершил глупость никак не меньшую:

— КРИСТИНА-А-А-А-А!!!

Вдалеке что-то громко упало с жутким грохотом. Огромная стая птиц вспорхнула с крыш и с заполошными воплями

принялась громко хлопать крыльями и кружить над Проспектом.

— А-а-а-а-а!!! — заорал кто-то в одной из квартиры.

— У-ы-ы-ы-! — зарыдал где-то младенец.

— Кур-р-р-ва мать! — с верхнего этажа в направлении моей башки полетел цветочный горшок, недолетел и грянулся оземь совсем рядом с моими ногами.

Я наклонился, выудил из креамических осколков и комьев земли целую ветку с красивыми, ярко алыми цветами и принюхался — пахло, честно говоря, не очень.

Хлопнуло окно, и высунулась заспанная мордашка рыжеволосой девушки:

— Ты? Ты что — с ума сошел? Что ты тут делаешь в такую рань?

— Я-а-а пришел к тебе с приветом, рассказать, что солнце встало… — начал было я, но тут же заткнулся, поскольку, во-первых, солнце пока не встало, а во-вторых — тот тип сверху, судя по звукам, уже готовил коктейль Молотова в домашних условиях, чтобы швырнуть его в меня вслед за цветком.

Так что уже гораздо тише я сказал:

— Вот, решил тебе цветы подарить. Гипеаструм, многолетний, луковичный. Походит к твоим волосам по цвету.

— Ты рехнулся? — на всякий случай уточнила Кристина, хотя ответ, кажется, был очевиден. — Говори давай, чего пришел? Повезло тебе — Густав всю ночь там со своими отморозками зависает. Небось опять со Щербатым район делят, идиоты…

— Смотри, какая штука у меня есть, — сказал я, и, подняв руку, продемонстрировал торчащий в боку нож.

Болело зверски. Но не так зверски, как должно было бы болеть, будь я тем, прежним Бабаевым. Похоже, уруки — вообще ребята к боли маловосприимчивые! Фортануло мне с этим тельцем капитально, это уж точно. Разве что — как-то неприятно было думать, что когда-нибудь жизнь столкнет меня с НАСТОЯЩИМ уруком, и тогда…

— О-о-о-о! — глаза Кристины стали по пять копеек. — Давай я сейчас спущусь, и…

— Могу подняться, чего ты? — удивился я.

— Да? — удивилась она. Но сразу сообразила: — А, ты ж этот… Не этот. Ну да. Поднимайся.

В общем, я, кряхтя и морщась, поднялся по знакомой лестнице в знакомую квартиру. Почему я был так уверен, что Кристина мне поможет? Да потому, что она работала в местной частной клинике операционной медсестрой. Да, да, тут была частная клиника — в самой спокойной части Маяка, недалеко от кордона с Новым Городом — благополучным центром Сан-

Себастьяна. Я подсмотрел это на бэйджике, который висел на зеркале в ванной, когда мы… Ну, когда мы были сильно заняты.

Кристина уже ждала меня в дверном проеме: снова — в легкомысленном халатике, но с очень серьезным и сосредоточенным выражением лица. Конопушки вместе с нахмуренными бровками смотрелись очень пикантно. Грудь, кстати, тоже круто смотрелась, ох уж эти ее халатики!

Но мои алчные взгляды ее никак не смутили:

— Марш в ванную! Помирать-то не собираешься? — строго спросила она и указала пальцем на дверь ванной комнаты.

— Да вроде нет. Шевелюсь, как видишь! — в качестве доказательства я сделал несколько фальшивых танцевальных движений руками и ногами, а потом все-таки поморщился — чертов ножичек не располагал к такому паясничанию.

— Ты черный урук! Черные уруки шевелятся и убивают даже без половины головного мозга! — она наморщила нос. — По крайней мере, Финардил так говорил.

«Финардил» — это прозвучало как какое-нибудь лекарство. Нурсульфазол, феназепам, финардил…

— Это кто — парень твой? — не мог не уточнить я.

— Это мой босс. Доктор Финардил Хьянда — самый лучший практикующий хирург на тысячу километров вокруг. У него три клиники в Сан-Себастьяне и еще пять или шесть — по всему побережью. Я, между прочим, ассистировала ему даже в Академгородке! Он обещал пробить мне место в общежитии медколледжа и пристроить туда лаборанткой на полставки! вечерами буду в клинике работать. Свалю из этой помойки наконец-то!

Академгородок располагался на противоположном от Маяка мысе, это я тоже из интернета почерпнул. До Прорыва там работал Черноморский Государственный Университет, отделение Академии Наук Государства Российского, какие-то научно-исследовательские институты и несколько средне-специальных учебных заведений медицинской, технической, морской и — тадам! — магической направленности.

Кристина, умело маскируя свои коварные намерения хвалебными словесами о великолепном эльфе-хирурге, в один ужасный момент выдернула нож, а потом — пш-ш-ш-ш! — в самую рану распылила какую-то холодную хрень из баллончика, и тут же принялась орудовать специальным степлером, соединяя между собой края.

— Сиди, не дергайся! Сейчас повязку наложу — и пойдешь, — продолжая свои профессионально-безжалостные манипуляции, заявила она.

— Вот так просто пойду? — попытался распустить руки я, но тщетно.

— Вот так просто пойдешь. И одежду свою заберешь. Едва в прошлый раз ее от Густава спрятала! Он тебя убьёт, если узнает про нас с тобой. И так из-за того видео грозился зайти и набить тебе рожу, но я скандал закатила — мама не горюй! Мол, шляется где-то, а меня всякие страшные чудовища спасать должны от других чудовищ! Пришлось ему заткнуться. Но второй раз такое не прокатит. Убьет, если заподозрит.

— Заманается убивать, — браво заявил я.

Хотя, если вспомнить его группу поддержки с помповыми ружьями и невероятного размера огнемет… Одним кардом от этого матёрого гнома не отмашешься!

Вдруг я почувствовал некий странный зуд — очень некстати. Я искоса глянул на правое предплечье, где над татуировкой браслета, рядом с песьими головами, проявилось целых четыре ма-а-ленькие загогулины, до боли напоминающих ушастые и зубастые орочьи бошки! Это что — они подохли, получается? Я прибил четверых снага?

Самое смешное, что мне стало обидно за тех, которых я уделал первыми, у гоблинской ночлежки. Где мои трофейные черепа? Их что — Кузя сотоварищи на свой счет записали? Ну все, я так не играю!

— Не вертись! — сказала Кристина и ткнула меня в бок пальчиком.

И я подумал: ее ведь я не убивал! А загогулина, похожая на женскую фигурку с шикарной задницей — есть! Получается — ЭТО тоже считается?

Глава 8
Светлейший князь

Стекло для разбитого окна я наглым образом спёр в одном из заброшенных домов — тут все так делали. Вроде как в ближайших окрестностях никакой хтонической дряни можно было не опасаться дней семь-десять — вот я и рискнул. Из советов и баек местных выходило, что проявления потусторонней заразы должны были накопиться, аккумулироваться, чтобы проявить себя снова.

Но если зайти на пару кварталов вглубь Маяка, то приключений можно найти более, чем достаточно, в любое время дня и ночи. Водились тут даже профессиональные приключенцы-сталкеры, которые этим и занимались, рассчитывая поживиться мародеркой оставленных квартир, гаражей и бизнес-объектов. И — ингредиентами!

Ингредиенты. Это было то, что заставило мое жадное орочье сердце обливаться кровью. Оказывается, я капитально лопухнулся. Те самые жопные змеи, которые у церберов торчали вместо хвостов, стоили до тысячи денег за штуку — если продавать Сан-Себастьянским скупщикам, и до двух тысяч — если найти покупателя со стороны, самостоятельно. Горящие пёсьи глазки можно было сторговать примерно по четыреста, зубы — по двадцатке. Короче, я упустил целое состояние, просто выбросив адских тварей на обочину из чувства омерзения…

И, кажется, кое-кто неплохо на этом наварился! И с этим предстояло разобраться немедленно и жестоко, ибо — нехрен!

Я всё равно намеревался переехать в каморку при закусочной: там, по крайней мере, имелся доступ в Сеть, обогреватель, электричество, удобный топчан — вполне по-размеру… Нужно было озаботиться только сейфом для карда-кочерги, и всё — можно связываться с вредным вахмистром Перепелкой, сообщать о смене места жительства. Это ведь было, похоже, единственным, что интересовало местную полицию.

Насилие с применением рук, ног, зубов, когтей и подручных средств тут, на Маяке, было обычным делом, и, несмотря на многочисленные камеры, натыканные как гроздья винограда на каждом столбе, ни одного выезда на такой случай я за всё это время не видал. А вот за стрельбу из ружья или применение холодного оружия против местного населения — крутили сразу. И вахмистр Перепелка мог считаться настоящим ангелом по сравнению с теми башнеподобными громилами, которые

прилетали на черном бронетранспортере с вечными орлами на бортах.

Меня здорово пронесло, когда по наитию я ухватил табуретку, а не кард, вписавшись в драку со снага. По здешним правилам, боевое оружие разрешалось использовать только и исключительно против хтонических тварей! В этом и был весь смысл заселения сервитута всяким отребьем и отморозками типа Густава Игельшнойцхена, Бабая Сархана или гоблина Кузи. Эдакая живая прослойка между мирными обывателями и Хтонью. Очень, очень разумно. Безопасность и свобода — получая одно, жертвуешь вторым. Вечный выбор! Обитатели Маяка, определенно, свободу любили больше. Или у них просто не было другого выхода.

Жилье на Проспекте ничего не стоило. «Дом пустой, живите кто хотите» — тут такого счастья было полно. Бонусом шли бесплатные электричество и вода, а также доступ в Сеть на базовой скорости. Они предоставлялись муниципалитетом в качестве поощрения новым поселенцам, хотя содержать коммуникации в порядке или восстанавливать, если они были разрушены, предстояло самостоятельно.

А в Новом Городе, или Академгородке, съем обычной однушки мог встрять от пятисот до тысячи денег в месяц. При зарплате медсестры в тысячу пятьсот или около того. И это в частной клинике! Такая себе экономика. Понятно, почему многие выбирали Маяк. Двустволка двенадцатого калибра стоила тоже тысячу, но ее один раз купил — и всё, а за квартиру каждый месяц платить нужно…

Обо всём этом я размышлял по пути к гоблинской ночлежке. Снова я шел по Проспекту, наблюдал, как приходит в себя после бессонной ночи Маяк, и напевал себе под нос нечто подходящее моменту:

— Я гуляю по проспекту,
Мне не надо ничего,
Я надел свои очки
И не вижу никого…

Магазинчики с дешевой одеждой, продуктами, алкоголем, товарами первой необходимости и техническими прибамбасами открывались один за другим, продавцы терли ладонями свои заспанные лица и крутили вороты от рольштор, кто побогаче — жали на кнопки пультов. Ремесленники в небольших мастерских по производству всего на свете — от кожаной обуви до киберпротезов — настраивали станки, верстаки и

вычислительную технику. Гномы и люди, снага и гоблины, набычившись, глядели на меня из глубины своих берлог — всяческих мелких бизнесов на первых этажах обжитых зданий.

В это же время на вторых и третьих этажах хозяйки готовили завтраки: разогревали полуфабрикаты, жарили яичницу, варили священную овсянку, кипятили чайники.

Впереди, загромоздив весь тротуар у меня на пути, толпа рабочих в оранжевых касках выгружалась из большого, ярко-оранжевого фургона, который доставил их явно откуда-то из благополучных районов. Слишком уж чистенько выглядели их спецовки, слишком уж новенькое и технологичное у них с собой было оборудование.

— Эй, прохожий, проходи,
Эх, пока не получил…

— продолжал рычать под нос я, дефилируя мимо.

— Мужик, ты чего? — испуганно шарахнулся от меня один из работяг. — Мы ж не это! Мы на заказ приехали, да и всё! Стяжку пола делать!

— Ой, — спохватился я.

Цой в исполнении первого урук-хайского профессионального рычателя песен звучал совсем агрессивно. Неловко получилось, а потому я поспешил извиниться:

— Прощения просим, это я не вам. Это привычка такая — под нос напевать, вот оно и совпало…

— А-а-а… Ну, ничего. — почесал репу работяга.

На вид ему можно было дать лет тридцать, в лицо въелся настоящий рабочий загар, руки у строителя были мозолистые, крепкие. Вдруг лицо его просветлело:

— Пацаны! Это же тот! Который «красота страшная сила!» Который «занимайтесь любовью, а не войной!» О-о-о-о! А меня Федькой звать, а тебя?

Пацаны окружили меня со всех сторон, стали хлопать по плечу и по-доброму ржать над новой футболкой, обсуждая надпись про принцессу, и попросили сделать селфи — много раз. Со всеми вместе и с каждым по раздельности. Если честно — я был в шоке. Им действительно было глубоко насрать на то, что я полукровка-урук. Я для них оказался «тем парнем из Сети» и чуть ли не личным героем для каждого из бригады. Я высекал Хтонь, а это кое-чего стоило! Мне даже закурить предложили, но для урук-хаевского обоняния это было бы чересчур.

— Ты бы это, завел себе электронный кошелек! Ну там, Деньга. Онлайн или еще что. И аккаунт свой. Донаты бы перли,

ей-Богу. У нас в Сан-Себастьяне есть свой топ бойцов с тварями, победители определяются народным голосованием — и поверь мне, призы зрительских симпатий очень и очень неплохие! А тебе денежка нелишней будет, да? — Федя, несмотря на видимое перевозбуждение от встречи, говорил толковые вещи. — Вон, шлепанцы у тебя порвались… Сань! А Сань! Давай ему те ботинки подарим?

Саня — чернявый и смешливый то ли мастер, то ли прораб, сбил каску на затылок:

— А размер у тебя какой?

— Сорок седьмой! — удивленно откликнулся я.

— О! У нас один тролль работал, подсобником. От него, кажется, там что-то осталось… — задумчиво проговорил он и полез в фургон.

— Олог-хай? — удивился я. — На стройке?

— Вместо автопогрузчика! — заржали рабочие, а Федька пояснил: — Молодой совсем, как восемнадцать стукнуло — в армию ушел. Пару недель назад. Хороший парень, но тупо-о-о-ой! Обещал письма писать, но он писать не умеет!

— В армии научат, — с какой-то затаенной надеждой и плохо скрываемой ностальгией проговорил самый старший из них.

Наверное, бывший служивый. Хотя такие — бывшими не бывают.

Короче, мы расстались вполне довольные друг другом, и у меня появилась крутая рабочая обувка — не сорок седьмого, а целого сорок восьмого размера! Огромные такие черные боты из какого-то искусственного жесткого материала, с мощными застежками с автоподтяжкой, толстой подошвой и металлическими вставками на пятках и носках для защиты от возможного падения тяжестей. Правда, ни носков, ни портянок не имелось, но эту проблему я мигом решил, заскочив в магазин и затребовав сразу две пары утепленных, чтобы обновка по ноге не елозила. Жарко будет? Я вас умоляю, ради возможности дать кому-нибудь под сраку таким чоботом я готов потерпеть! Да и шлепать по грязи в сланцах меня порядком достало.

В общем, к ночлежке я подходил в отличном настроении. И намеревался еще более его улучшить.

— Кузенька-а-а-а! — самым нежным голосом из всех, на который был способен, позвал я, едва зашел в калитку. — Кузя, друг мой ситный, иди сюда, чудо носатенькое, я тебе мармеладку дам! На халяву!

Мармеладка у меня была — захватил в закусочной. Не знаю, кто поставлял мармелад Хуеморгену, но выглядел он изначально как пласт — примерно пятьдесят на пятьдесят сантиметров —

застывшей эпоксидки, посыпанной сахаром. Да и на вкус и по консистенции — соответствовал внешнему облику. Так что удобнее всего оказалось нарезать его кардом. Интересно, а вахмистр Перепелка сочтет это «использованием холодного оружия не по назначению?»

Но народу нравилось! Наверное, по сравнению с кофе «три в одном» даже эпоксидный мармелад казался изысканным кушаньем. Вот и Кузя купился: появился, как чертик из табакерки, и тут же сунул свой нос едва ли не в мой карман:

— Дай мне там… — почуял сладенькое, подлец!

И поплатился! Я двумя пальцами ухватил его за кончик самой выдающейся части лица и сказал:

— Знаешь, обычно актеров ставят в известность о съемках фильма. Чаще всего даже зарплату платят.

— Бабай, я де здал! Я де збециальдо! — прогундосил он.

— Ну, вот и я думаю — если монетизация подключена, и уже натикали многие тыщи просмотров — то в конце месяца ты так или иначе мне отстегнешь тридцать процентов, а?

— Гдабеж! — попробовал возмутиться он. — Я де зобидаюсь давадь дебе дедьги!

Я сжал пальцы чуть сильнее, и гоблин сдался.

— Ду ладдо! Одбузди бедя! Будуд дедьги! В кодце безяца! — замахал руками он.

Едва почувствовав свободу, Кузя ухватил себя за нос и принялся его разминать, поскольку сливка ему грозила капитальная. А нос для гоблина — это как борода для гнома. Предмет особой гордости! Но мне на гоблинские фетиши было феерически плевать. Нужно было прояснить пару моментов, и я заговорил, загибая пальцы. Себе загибая, а не ему.

— Я не против, чтобы ты и твои ребята снимали меня на видео. Но я должен знать, что съемка ведется — это раз, и проконсультировать меня о цене жопных змей и прочей редкой дряни вы могли бы просто из вежливости — это два.

— Э-э-э-э… — задумался гоблин.

— А еще — мне нужен нормальный гриль, тандыр и кофе-машина — это три, — лучше было забрасывать сразу несколько удочек, хоть одна из них могла выстрелить.

— А? — ушки главного барахольщика всея Маяка аж затряслись.

— Ну, не все любят кофе на песке. Кое-кому нравится капучино, некоторые любят рафы или айс-латте и, понимаешь ли, я собираюсь… — принялся разглагольствовать я.

— Бабай! — Кузя скорчил такую мордочку, что расплакаться можно было. — Ну как я притащу тебе кофе-машину?

— Ага! — уловил суть я. — То есть где взять — знаешь?

— Ну… Знаю! Там много всего есть, но это кварталов десять в Хтонь ваще-то, — гоблин вернулся в свое обычное расслабленное состояние.

— Давай это станет моей проблемой? — прищурился я. — Нарисуй мне крестик на карте и объясни нюансы, и этого будет довольно.

Кузя задумчиво шмыгнул носом и подтянул штаны. Потом зевнул, потянулся, чихнул, смачно утерся. Сплюнул под ноги, поковырялся в ухе. Размял шею, почесал жопу.

— Ять! Кузя! — заорал я. — Задолбал!!!

— Уже бегу! Пойду карту найду, у меня были! Туристические! — его как ветром сдуло.

А я пошел собирать вещи в комнату.

* * *

Сначала запахло озоном, потом раздался звук, подобный далекому раскату грома. Во дворе задребезжали сразу все железяки из кучи вторчермета, зажглась сама по себе лампочка над потолком в комнате… Я тут же выглянул в окно и увидел, как перед самым крыльцом во дворе вдруг резко скукожилась и завяла вся растительность.

А в следующую секунду там уже стояли пятеро: знакомые мне ротмистр Петенька, опричники Козинец, Талалихин и Грищенко в своей броневой экипировке и пожилой импозантный господин с роскошной седой шевелюрой, благородным лицом и пронзительным взглядом голубых глаз. На нем был черный мундир с эполетами, сапоги до колен и белоснежные перчатки. Как будто явился сюда из какого-нибудь девятнадцатого века, прямо с великосветского приема или с плац-парада!

— Опять система перезагружается. Ну что за нахрен? — посетовал прокуренный Козинец. И тут же осекся: — Простите, ваша светлость, но этот момент и вправду стоит доработать. Стоим тут как четыре статуя в этой скорлупе, двинуться не можем.

— Только после телепорта и всего двенадцать секунд! — откликнулся ротмистр. — Не так-то и плохо. Если рядом маг уровня его сиятельства, то двенадцать секунд — это пшик! Кстати, вот они и закончились. Шагом — марш!

Бронированные солдаты зашевелились одновременно с его словами, и уже через пару мгновений я услышал их тяжкие шаги по лестнице.

Бояться встречи с опричниками я и не думал — вздорная женщина Роксана уже поведала мне о том, что тот парень — княжич — выжил. Но мало ли, что у них было на уме? Я шагнул за большой стол, где пару дней назад валялся в беспамятстве мой пациент, положил перед собой кард, рядом — несколько кусков кирпича и штукатурки — поувесистее, на глазок прикинул расстояние до окна, буде придется сигать наружу… Если что — повоюем! Я освоился уже и прекрасно знаю, на что способен боевой урук-хай! Даже если урука во мне всего лишь половина.

Хотя эти тоже — знают. Может, даже лучше, чем я.

— Доброго и приятного дня, господин Сархан, — первым в дверях показался ротмистр. Вошел он без стука, но, по крайней мере — дверь не вышибал, и то хлеб. — Говорил же, что еще свидимся, вот и свиделись. Но я смотрю — вы не удивлены?

— Удивлен. Экий вы нынче вежливый, Петенька, — не удержался я.

— Однако! — Петенька разглядывал меня с видимым интересом. — Это что же получается — вы уже всё знаете? И кто слил?

— Ну, слил — это не очень чтобы точное определение того, что со мной произошло. Меня шмякнули о рубероид, едва не переломали все кости диким атмосферным давлением, а потом принялись вопрошать строгим голосом касаемо особенностей орочьей национальной татуировки.

— Роксана, — грустно кивнул ротмистр, выражение его глаз стало мечтательным. — Охо-хо! А вы не так просты, как кажетесь на первый взгляд! Никогда не видал обычного черного урука, который знал бы, что такое атмосферное давление и употреблял слово «касаемо». Архаизм же, а?

Кажется, этих двоих — Петеньку и Роксану — что-то связывало. А я, кажется, капитально палился. Но это были мелочи. Гораздо более меня веселил сам факт того, что какая-то там светлость мнется перед моей дверью. И я собирался его там еще немного помурыжить, а потому церемонно мотнул головой, обозначая поклон и подметая столешницу волосами:

— Бабай Сархан, к вашим услугам! Не имею чести являться обычным черным уруком, поскольку официально именуюсь ублюдком и выродком!

— Ротмистр Розен — к вашим… — машинально откликнулся опричник и раскланялся.

У него это получилось гораздо изящнее, чем у меня, несмотря на громоздкие доспехи. И тем приятнее было глядеть на его растерянную физиономию, когда Петенька Розен осознал, что именно я произнес.

— Э-э-э-э… — озадаченно протянул он.

Глумление — наше всё! А он пусть думает — может, у меня тонкая душевная организация, и я сильно страдаю от того, что не родился грудастой эльфийкой или наоборот — клыкастым громилой типа Резчика.

— Ротмистр! Вы меня, наконец, представите? — раздался нетерпеливый голос. — Я все-таки хочу увидеть того, кто вырвал моего сына из лап смерти!

— Да, командир! — тут же откликнулся офицер. — Господин Сархан, имею честь представить вам светлейшего князя Георгия Михайловича Воронцова!

И весьма элегантно отворил дверь, пропуская в комнату седого импозантного мужчину в сопровождении эскорта из трех латников с автоматами Татаринова наперевес. А мой слух цепанул диссонанс: «командир» и «светлейший князь» — как-то не плясало. Рядом со «светлейшим князем» солиднее звучало бы что-то вроде «его высокоблагородие генерал-фельдцейхмейстер». Кажется «командир» — это слишком демократично.

— Итак! — этот необычный аристократ осмотрел меня с головы до ног, и взгляд его буквально на секунду задержался на моем правом, татуированном предплечье. — Вот кому я обязан жизнью Коленьки! Просите что угодно.

Однако, заходы у него!

— Полцарства и принцессу в жены! — тут же отреагировал я, и едва сам себе не треснул по щам: с такими людьми не шутят! Пришлось мигом исправляться: — Ничего мне не надо. Любой на моем месте сделал бы также!

— Действительно? — поднял бровь Воронцов.

— Ну, под прицелом четырех автоматов, в окружении этих достойных господ, которые могут быть весьма убедительны… — протянул я.

Ох, язык мой — враг мой!

— То, что вы сделали, не получилось бы из-под палки или по причине банального страха. Я точно знаю — татау урук-хая так не работают! Вы пожалели Коленьку, верно? Вам захотелось, чтобы он жил! Если бы это не было правдой — никакие угрозы или увещевания не в силах были бы заставить вас сделать лечебную татау. Черная Немочь — это… — похоже, князь любил порассуждать на вольные темы, но у меня-то на сегодня были совсем другие планы!

— Я понятия не имею, что я сделал, — пожал плечами я. — Это не татау урук-хая.

Светлейший князь Воронцов испытующе посмотрел на меня и коротко кивнул:

— По крайней мере — честно. Ценю. Мы встретимся с вами в более подходящих обстоятельствах, например — через десять дней. Тогда вы сможете сказать, чего хотите в знак моей благодарности. А пока — только и исключительно как оплату за предоставленные бойцу моей хоругви медицинские услуги, примите некоторую сумму денег. Поскольку корнет Николай Воронцов был штатным магом шестой роты ротмистра Розена и представлял собой весьма ценную боевую единицу — оплата соответсвующая. Козинец!

Козинец бухнул на стол мешок с монетами. Ну как — мешок? Мешочек! Но довольно увесистый.

— Оплата благородным металлом, поскольку персонального счета в банке у вас нет… — пояснил прокуренный опричник.

Отказываться я и не собирался. Деньги — они в моем положении лишними не будут. И звонким монетам я доверял куда как больше, чем циферкам в компьютере. Циферками тоже обзаведусь — успеется, но в моей ситуации — мешок с деньгами гораздо предпочтительнее.

— Благодарю, — сказал я. — Честно говоря, я и вправду старался помочь. Ваши люди так старались его спасти… Если бы ваш сын был мерзавцем — вряд ли они поставили бы на кон свою карьеру и отправились бы искать помощи у сомнительного татуировщика проклятого племени, верно?

— Жизнь! — поиграл желваками князь Воронцов. — Каждый из них поствил на кон свою жизнь, не только карьеру. Но я благодарен вам за эти слова. Что ж, увидимся, господин… Бабай Сархан? Верно?

Я щелкнул каблуками новых-старых ботинок, вытянулся по стойке смирно, как положено, вздернул подбородок и рявкнул:

— Так точно, ваше сиятельство!

— А вы тот еще тип! — одобрительно кивнул князь. — Когда Коленька совсем поправится и придет в себя — мы с вами побеседуем гораздо более вдумчиво.

А потом сделал некий плавный, я бы даже сказал — вальяжный жест рукой и снова в комнате запахло озоном, а бронированные опричники один за другим начали исчезать в ярких вспышках телепорта. Последним испарился сам Георгий Михайлович. Вдалеке зарокотал гром.

На полу остались чистые от пыли и мусора горячие проплешины — ровно по количеству телепортированных.

— Мало денег много не бывает, — пробормотал я, подбрасывая в ладони увесистый мешочек.

Вопросов было всё еще больше, чем ответов. Но некоторые ответы пока что получать явно не стоило. Во многих знаниях

многия печали — так говорил Экклезиаст?

На данный момент меня интересовал вопрос с переездом и кофе-машиной, а опричники, ротмистры и прочие их сиятельства вполне могли подождать. Хотя бы те же самые десять дней!

Глава 9
Разборка на Проспекте

Лицемерие здешних стражей закона с одной стороны не давало мне возможности пускать в ход кард для самообороны — и это был минус. Но при этом — мешало тому же Густаву, или еще какому-нибудь агрессивному и тяжеловооруженному сумасшедшему, применить против мерзкого урука весь свой богатый арсенал — и это был плюс.

Бытовой расизм местами расцветал тут весьма буйно, не хуже субтропической растительности, вот я к чему клоню. И это порядком бесило. Меня выдворили из целой кучи магазинчиков без объяснения причины, а я всего-то и хотел, что купить кое-какие гигиенические принадлежности типа полотенца и мыла. Тут волей-неволей начнешь задумываться о том, чтобы достать кард из-под кровати и начать шинковать местную торговую братию со всем усердием.

— Мыло закончилось, — говорил наглый лысый парень с лицом, забитым татуировками до самых глазниц. — Иди покупай у своих.

За спиной этого молодого человека красовался целый стеллаж разных гелей для душа, шампуней и мыла всех сортов и размеров. Но он пялился на меня, сверкал вживленным в самый лоб шунтом для прямого подключения к неизвестной мне аппаратуре и шевелил свои яйца руками, которые по самые локти засунул в карманы штанов. И нагло врал в глаза, имея в виду, что не обслужит никого из орков. А может и — никого из нелюдей.

— Ну, раз закончилось… — пожимал плечами я и шел в другой магазин.

Своих-то у меня тут априори не водилось. Орки — и те делали козью морду.

— Тебя-врот не обслужу-нах, — цыкал зубом в том самом, другом, магазине коренастый снага с пирсингом в обоих ушах и в носу. — Мыло-нах только для снага-х. У тебя шкура-врот не выдержит-нах. Ты-врот не урук-нах, а полукровка-ять. Разъест-нах шкуру-врот, потом-ять меня-нах санстанция-врот замучает-нах.

Санстанция — на Маяке! Сука.

— Я тебя сейчас сам замучаю! Продай мыло, говорю! — не выдержал я.

Снага был уже десятый по счету продавец, который послал меня нахрен, и местные заморочки уже порядком достали. Похоже, тот же Хуеморген, Ипатьевна и работяги из бригады

прораба Сани были удивительным исключением! А Кристинка так и вовсе — ангелом небесным. Почти все здесь относились к полукровкам очень, очень плохо. Будь я, например, полуснагой — меня пинали бы всем Маяком до тех пор, пока я бы совсем не умер. Ладно, ладно, кто-то бы не пинал. Но даже Хуеморген не стал бы вмешиваться и рисковать шкурой ради какого-то ублюдка, пусть и обаятельного. Хотя попади я в снагу — черта с два во мне сохранилась бы хоть капля обаяния. Стоп! Я что, тоже превращаюсь в расиста? Может, среди снага тоже есть приятные парни и девчата, просто я их не встречал пока.

Короче, спасали меня только страшная рожа, огромный рост, явное физическое превосходство и мрачная слава уруков как свирепых бойцов, плохо восприимчивых к магии.

— Ты-нах чего наезжаешь-врот? Я под Щербатым-нах хожу-врот! — сложил руки на груди снага.

Задумавшись о расовых проблемах, я как-то забыл, где нахожусь. А этот зеленокожий говнюк — мигом напомнил. В рот он ходит. Лихие девяностые у них тут прямо!

— И чего, Щербатый мыло запрещает продавать? Что за отстой?

— Я передам-нах, что-ять ты-х его-врот отстоем-х назвал-нах! — пообещал продавец и полез за телефоном в карман.

Я только плюнул и пошел прочь.

Мыло я купил у какого-то пропащего типа, который разложил свой нехитрый товар прямо на тротуаре, расчистив крохотный кусочек от мусора и подстелив клеенку в горошек. Типичный синюк, таких на блошиных рынках в любом райцентре по всему постсоветскому пространству многие десятки и сотни водились. Тут, похоже, тоже имелась некая популяция подобных личностей. У синюка на клеенке я увидел хозяйственное мыло, зубные щетки и детскую зубную пасту с клубничным вкусом — «Дракоша» называется. И даже бритвенные одноразовые станки. Они бы мне тоже пригодились. Щетина у уруков росла, а мне в качестве реципиента достался урук молодой, и терпеть дурацкие клочки по всей роже я намерен не был.

— Спасибо тебе, добрый человек, — сказал я. И пожаловался: — А то ни одна зараза мне мыло продавать не хочет.

— Так это потому, что ты — ублюдок! — радостно пояснил синюк. — Твоя мамка с уруком трахалась. Соответственно — ты позорище и того и другого народа. Потому и не продают.

Это просто потрясающе — чмырить кого-то по причине того, что сексуальная жизнь его матери вас не устраивает! Отличный повод, почему бы и нет? Ничем не хуже, чем устроить бойню из-за

того, что ваш отец любил чай, а чужой — кофе. Как такое вообще можно терпеть, да?

— А ты чего ж продал? — поинтересовался я.

— А мне похрен. Мне деньги нужны. Император Веспасиан сказал: деньги не пахнут! Так что хоть орк вонючий, хоть надушенный эльфийский педик за мылом придет — мне без разницы. Я расизм и гоблинов одинаково ненавижу, — отмахнулся уличный философ. — И то, и другое мешает бизнесу. Дерьмо! А еще бизнесу мешает Щербатый. Походу, я теперь попал, да?

Такое неожиданное окончание его проникновеной речи заставило меня резко обернуться: за моей спиной припарковалась весьма примечательная колымага! Эдакий заниженный кабриолет красного цвета, от капота до багажника расписанный матерным граффити. Похоже, это был самый настоящий электрокар, поскольку выхлопных труб в его конструкции не наблюдалось, а двигатель работал очень тихо.

Внутри сидела братва — это к гадалке не ходи. Рожи были насквозь протокольные!

Из динамиков играло нечто, напоминающее знакомый мне дабстеп. Только дабстеп обычно обходился без вокала, а тут визгливый голос речитативом выдавал что-то про жопы, сиськи, наркоту, тачки и кишки. Определенно, если бы орки писали музыку — уруки лабали бы дез-метал, гоблины — какой-нибудь рэпчик, а снага — вот такую вот шнягу. Я задумался о созвучии этих двух терминов и упустил момент, когда три самых типичных зеленокожих снага и два лысых гнома с удивительно короткими для этого племени бородами с самым решительным видом поперли в мою сторону. А как же расизм? Или у них тут уголовный интернационал?

— Это ты торговлю нарушаешь? — вполне обычным тоном поинтересовался крепкотелый гном с головой гладкой, как бабья коленка.

— Я хотел купить мыло.

— Я смотрю — купил? — он кивнул на авоську с покупками в моих руках. А потом перевел тяжелый взгляд на синюка: — Ты, Афанасий, тут больше не торгуешь. Врубаешься? На Проспекте тебе места нет. Шуруй.

— Ять! — только и сказал Афанасий и принялся собирать манатки.

Выходит, я его подставил? Нехорошо!

— Зря ты так, — я поставил авоську на тротуар. — Мужик ничего плохого не сделал. Просто продал мне мыло. Не стоило его выгонять.

— Ты будешь меня учить теперь, что делать, а что нет? — лицо гнома мигом превратилось в мерзкую рожу.

Ненавижу такой тип личностей. Гонят пургу, строят других, учиняют полный беспредел и хамят, а наткнувшись на малейший признак адекватного несогласия, тут же включают быка и оскорбленную невинность. Тут разговоры бессмысленны.

— Я-то? Я, может, и поучу, если больше некому, — смерив его прищуренным глазом, я уже планировал будущее столкновение.

Гном подошел совсем близко — на такой кинжальной дистанции у него было явное преимущество, в клинче этот коренастый силач вполне мог бы меня уделать.

— Думаешь, ты крутой? — сказал он.

А я ничего больше не сказал. Я врезал ему коленом в самое междудушье, ухватил за шиворот, не без труда приподнял — и добавил лбом в переносицу. Не знаю, каково пришлось гному — но у меня искры из глаз полетели, это точно. Однако это не помешало отправить увесистую гномскую тушку в полет: швыряться одними врагами в других уже становилось у меня приятной традицией.

— Уби-и-и-или!!! — истошно заорала какая-то тетка, очень по-киношному.

Захлопали ставни, забегали люди — нет, не прячась от неведомой опасности, а наоборот — скапливаясь вокруг с бешеным желанием поглазеть на шикарное развлечение. Ну, как же — снова жаба и гадюка друг друга херачат. Один орк, побольше, лупит других орков — поменьше. Радость-то какая! Тот факт, что среди боевиков Щербатого имелись и гномы, зевак всех мастей, похоже, не смущал. Или гномы тоже — своего рода жабы и гадюки? Я так и не разобрался, какие у них тут расовые заморочки, уяснил только одно — орков не любят все, уруки — самые худшие из орков, хуже уруков — только полукровки. Здравствуйте, я ваша тетя, короче!

Лупил я троих снага как сидоровых коз, это правда. Они попытались налететь все втроем, вместе, но сгрудились и едва ли не запутались в ногах друг у друга. Еще и цепи эти, идиотские… Ими на расстоянии бить нужно, размеренно, аккуратно, а не в толчее размахивать! Ну да, мне прилетело по башке, но зато — я перехватил две такие цепочки, дернул изо всех сил — и потом уже обрабатывал ногами образовавшуюся кучу-малу. Эти идиоты обмотали свои орудия вокруг запястий — и поплатились! Увлекся я, в общем. Избивать снаг — это моё личное хобби в этом мире, благо — тут за мордобитие в тюрьму не сажают.

Однако — в драке с несколькими противниками увлеченность

и самонадеянность до добра не доводят. Второй лысый и короткобородый гном, который чуть задержался у кабриолета, освобождаясь от туши своего товарища, теперь подобрался ко мне сзади.

— Н-на! — по моей спине крепко прилетело телескопической дубинкой, невесть как оказавшейся в руках у бородача.

— Ыть! — я рухнул на четвереньки от неожиданности.

Рука у гномов весьма, весьма тяжелая! И нога, впорочем, тоже — удар поддых гномским ботинком едва не выбил из меня дух! Я потерял ориентацию, и тут же получил еще целых раз-два-три удара ногами от наименее пострадавшего из снаг и подлого гнома. Они хрипели и вопили, и радовались близкой победе!

Мне на самом деле приходилось тяжко, не в человеческих силах было встать — и подняться! Но я-то теперь — не человек! Я — гребаный черный урук!

— Ар-р-р-р!!! — я вцепился в лодыжку гному зубами и, ей-Богу, прокусил голенище высокого ботинка.

— Ую-юй! — как-то по-бабски заорал он, а я уже потянул его за другую ногу, и подмял его под себя, и бил кулаками в рожу изо всех сил, не обращая внимания на мелкого снагу, который пытался что-то предпринять и повис у меня на спине в попытках то ли задушить, то ли — приобнять.

Когда гном обмяк, я просто вцепился зубами в зеленую лапу душившего меня орка, а потом сдернул его со своей спины и шмякнул на обшарпанный асфальт и прыгнул сверху, прямо на закрытую руками голову. Аж самому мерзко стало: хрустнуло отвратительно.

А потом принялся обшаривать их карманы — и не нашел то, что искал! Ключей от авто не было! Зато были какие-то деньги, брелочки, зажигалки, окурки, таблетки и прочая мелочевка. Всё это а также — доставившая мне столько неприятных моментов телескопическая дубинка отправилось в авоську к мылу и бритвенным станкам. В хозяйстве пригодится.

Я зашагал к электрокабриолету, думая о том, что мой идиотизм, похоже, прогрессирует: на кой хрен в электромобиле замок зажигания? Почему мне взбрело в голову искать ключ?

— Что с бою взято — то свято! — заявил я во всеуслышание, швырнул торбу на пассажирское сидение, взгромоздился за руль и принялся осваиваться в машине.

— Э-э-э! Ты, ублюдок! — гном с разбитыми яйцами наконец пришел в себя и с трудом, опираясь на задний бампер, поднялся. — Щербатый с тебя шкуру спустит! Тебе не жить на Маяке, слышишь?

Он треснул кулаком по багажнику.

— А? — спросил я, нажал пальцем на какую-то кнопку, потом — ногой на одну из педалей, и авто рвануло задним ходом.

Та-там! Кабриолет глухо ударился обо что-то, подскочил на колдобине, и гном заткнулся. Потому что это была не колдобина.

— Черт, а где тут передачи переключаются? — посетовал я. — Я хотел вперед ехать, но оно само!

Само оно проехало еще и по трем снагам и по второму гному. Я помахал синюку Афанасию, который все это время так и стоял у своих немудреных товаров и пялился на бесплатный цирк, и проговорил задумчиво:

— Видишь — свидетелей нет, никто не пожалуется на то, что ты мыло уруку продал. Продавай себе кому захочешь, а если обижать будут — приходи к закусочной Хуеморгена, я тебе столик выделю для выносной торговли и зонтик пляжный поставлю, чтоб башку не напекло и дождик не замочил. Там принт с загорелой бабой в синем купальнике на тенте — тебе понравится!

— Но как же — нет свидетелей? — он оглядел собравшуюся толпу зевак, целая куча которых снимала весь этот бардак на смартфоны.

Идея про зонтик с бабой ему, похоже, пришлась по-душе.

— Я говорю — нет свидетелей! Все меня хорошо услышали? Не-ту! Мыло я на улице нашел, в подворотне!

Кажется, услышали хорошо! Так что я для острастки еще раз проехался по поверженным врагам и, выжимая ту педаль, что в электрокаре отвечала за увеличение скорости, барабаня ладонями по рулю завел в полный голос свою любимую, революционную:

— В битве великой не сгинут бесследно
Павшие с честью во имя идей.
Их имена с нашей песней победной
Станут священны мильонам людей!

Хорошо пел, с душой. Кто-то даже из окна второго этажа выпал, кажется, но — я не виноват, если что. Жаль, Проспект быстро закончился. Кататься на такой тачке по Маяку — всё равно, что комбайн ради трех колосков заводить. Сплошные понты, а толку — с гулькин нос!

Загоняя кабриолет на задний двор и запирая ворота, я думал, что со Щербатым нужно что-то решать. Пока что он не осознаёт степень исходящей от меня угрозы, но скоро — врубится и пришлет не пять-семь утырков, а пару десятков настоящих бойцов, как те же гномы. На самом деле эта парочка низкорослых

крепышей вполне могла бы меня уделать, если бы им не мешали снага, и если напали бы бородатые ребята согласованно. Но — понты, понты… Губят они своих преданных адептов не хуже, чем жадность — фраеров.

— Если гора не идет к Магомету… — пробормотал под нос я, уже планируя будущую скорую и грустную встречу со Щербатым, и отправился в знакомый проулок: покоцали меня эти уроды знатно, нужо было наведаться к Кристине.

* * *

В проулке я встретил Густава Игельшнойцхена, и, положив руку на сердце, не очень сильно обрадовался. Сами понимаете — ситуация щекотливая, эдакий хреновый треугольник получается, и не сказать, чтобы прям любовный. Но Густав, похоже, пребывал в отличном расположении духа. Он, размахнувшись, швырнул наверх на переполненные баки еще пару мусорных пакетов, отряхнул руки о свои штаны с карманами и протянул ладонь мне — для рукопожатия.

— Привет, Бабай! Рад видеть! — улыбка у него так и сияла из-под бороды, как светодиодная лампа.

— Здра-а-асте… — протянул я.

— А ты шо — опять подрался? — сочувственно поцокал языком он. — Какая у тебя пляма на лбу! Молотком били?

— Цепью. Идиоты.

— Идиоты! — согласился Густав. — Твой лоб цепью не пробить. Вот гвоздильным пистолетом или хорошим гномским чеканом — это можно попробовать… А лучше всего — противотанковое ружье, вот! Так, но я не о том… Я о том, что краем уха слышал — у Щербатого поголовье его шавок уменьшается не по дням, а по часам! Такое везение, просто настоящая удача для меня, что ни в сказке сказать, ни пером описать! Кто не помер — тот покалечен, а это — понимаешь сам — на всю жизнь, не будет Щербатый ради своих оглоедов на мага-целителя тратится. Он и на обычного доктора ни единой денежки не отслюнявит, я уверен!

— Беда, — прокомментировал я, а сам при этом размышлял о том, что нужно и мне искать другого медика — к Кристинке-то зайти теперь не получится.

— И вот я подумал, — почесал бороду Игельшнойцхен. — Может быть, нам с тобой заключить пакт?

— Какой пакт? — напрягся я.

— О ненападении, известно какой! Тебе со Щербатым краями

не разойтись уже никак. Мне с ним — тоже не по пути. Ну, а враг моего врага — это…

— …Очень удобный инструмент для того, чтобы отжать еще пару магазинчиков и подмять под себя синюков, ага? — подсказал ему я. — А если и прикончат ублюдка-урука, то невелика беда. Имела жаба гадюку, да?

Он от удовольствия аж расхохотался, ухватившись за бока.

— Давай, — говорит. — К Кристинке поднимемся. Подруга у меня тут живет, ты ее от церберов спас, помнишь? Она тебя подлатает, на стол потом накроет, а мы посидим, пообщаемся, я тебе кое-что по местным раскладам поясню.

— Э-э-э-э… — задумался я.

— Чего тут думать? Слово даю — никакой подставы. Не собираюсь я на тебя нападать, травить, и всё такое прочее. У меня свой интерес, сам понимаешь.

— Ну, раз слово… — всё равно мне дожно было быть неловко, но с другой стороны — я его за язык не тянул!

Мы поднимались по уже знакомой обшарпанной лестнице к двери — тоже знакомой, обитой красным дерматином. Не доходя пару ступенек до лестничной площадки, Густав обернулся и сказал:

— Я тут недавно такую штуку прочитал в Сети… Мол, главная проблема урук-хай — страшная детская смертность. Мол, не имея чувства страха, большая часть ваших ребятишек мужского пола гибнет, не доживая до двенадцати лет. Потом уже начинает работать личный опыт, и всё такое… Я не верил сначала, но потом ты на Маяке появился. Я думаю — правду пишут. А?

— Может, и правду, — согласился я. — А с женским полом что? Что там пишут?

— Да то же самое. Они ж у вас такие же долбанутые!

Дверь скрипнула, открываясь.

— Кристинка! Я гостя привел! Встречай своего спасителя!

Ситуация была неловкая — просто жуть! Если бы уруки умели краснеть — я бы точно покраснел. Но поскольку урукам было абсолютно похер на неловкие ситуации, я шагнул в квартиру и с удовольствием принюхался: с кухни доносились очень аппетитные ароматы! Похоже, Кристина варила борщ!

Глава 10
Большая Клоака

— Короче, гномы кинут Щербатого сразу, как только его власть пошатнется, врубаешься? — пояснял мне Густав, размахивая куском черного хлеба, на который было намазано толстым слоем сливочное масло и насыпаны кусочки чеснока. — Там у него уральские изгои и с десяток бывших контрабандистов, которых условно-досрочно освободили из мест не столь отдаленных под подписку о поселении в сервитуте. Видали они его в гробу и его снаг — тоже. Щербатый просто первый подсуетился, дал им общагу с ремонтом, какие-то гарантии, питанием обеспечил… Я заинтересован, чтобы эти парни выбрали правильную сторону — мою.

В другой руке он держал большую ложку, скорее — черпак, которым набирал в миске борщ и забрасывал внутрь своей бороды, в самую бездонную пасть.

— Ты храбрый малый, Бабай. У тебя могло бы получиться сковырнуть этого старого снагу. Но за тобой никто не стоит. Одиночке не выстоять. Я те говорю! Ты чего от жизни хочешь вообще тут?

— Нейтралитет! — тут же выдал я. Это была только одна из моих идей, но — самая адекватная. — Я хочу, чтобы меня не касались ваши разборки, и чтобы там, где я живу, была безъядерная зона. Допустим — это будет какое-то заведение, кабак, ресторан, гостиница… Я буду делать всё, чтобы ни одна падла не думала устраивать на моей земле разборки, гадить на крыльце или шляться с оружием. Что-то вроде Швейцарии…

— Какой Швейцарии? — удивился Густав.

Вот блин! Снова палюсь…

— Да неважно. В общем — чтобы ты, вахмистр Перепелка и тот же Щербатый могли прийти ко мне, попить кофе, поговорить — и быть уверенными, что никто на вас не кинется. Мне нужна полная экстерриториальность и нейтралитет. Понимаю — ты не всемогущий, но своих парней придержать можешь. И весточку пустить по Маяку, что, мол, вот такие у Бабая условия.

— Ого! — уважительно покивал головой Густав, и капли бордового борща потекли у него по бороде. — Солидно. Вменяемо. То есть менять расклады на Маяке ты не собираешься? Банду сколачивать, территорию отжимать… Амбиций у тебя нет?

— Манал я эти амбиции. Я, думаешь, не врубаюсь, кто я есть такой? Если бы здесь откуда-то взялись еще пяток уруков, и они

не прикончили бы меня сразу по прибытию — тогда другой вопрос. Тогда у нас уже был бы настоящий урук-хай, и мы могли бы попробовать пободаться. А так… Если не ты со Щербатым, то какие-нибудь дяди посерьезнее меня точно сожрут, если буду сильно высовываться. Ты ведь тоже знаешь, кто ты есть такой. Одно дело — щемить магазинчики и синюков, и другое — попытаться придавить, например, Финардила из клиники. Всегда найдутся те, кто посерьезнее.

— Опричники, — помрачнел гном. — Засранцы государевы! Это ведь они на конвертике прилетали, да? Как обычно — ворвались, разнесли хату, побарагозили и сдриснули?

— Очень точно! Точнее некуда! — я тоже принялся уделять внимание борщу, при этом стараясь не уделять внимание заднице Кристины, которая крутилась тут же, около плиты и буфета.

Мне казалось, или ей эта ситуация и вправду доставляла некое извращенное удовольствие? Она даже пару раз мне рожи корчила из-за спины Густава! И халатик надела — за гранью приличия, по крайней мере, цвет ее трусиков я мог назвать легко и запросто. Вот ведь зараза рыжая!

— Мы для них — питательный бульон! — заявил Игельшнойцхен, нацеживая в ложку юшки, обильно сдобренной сметаной. — Думаешь, не могли бы министерские маги и эти сучьи дети в бронескафандрах позакрывать все прорывы?

— Хрен знает, — пожал плечами я.

— А я — знаю! Могли бы! Но где бы тогда они брали самых лучших бойцов и самых сильных магов? Они, суки, жертвуют своим населением, подставляют его — то есть нас, чтобы потом собирать сливки! Я те говорю! В благополучных земских городах хрена с два вырастет боец! Они там в телефоны тыкаются только, хлебалом торгуют и ноют, всё время ноют! А в опричных землях — одни чинуши, служаки и ботаники. Вся жизня — она в сервитутах да юридиках! Тут самый мощный народ, соль земли! Вот если взять топ-10 самых крутых магов Государства — там восемь будет наших, сервитутских выходцев и два — клановых, из юридик! Я те говорю! Да, да, Рюриковичей я не беру, это отдельная песня, разумению неподвластная… Там у них, наверху, всё просчитали: сколько и чего можно подставить под зубы и когти хтонических тварей, чтобы рождаемость и экономический рост делали эти потери статистической погрешностью. И в рамках этой погрешности — они имеют то, что имеют. Мобилизационный ресурс! Мы — не травоядные из земщины и не задроты из опричнины! Мы — свирепый народ!

И он свирепо вцепился зубами в хлеб с чесноком. Вот интересно получалось: вроде они расисты тут через одного и

рожи кривят, если приходится с кем-то с неправильной формой зубов или ушей дело иметь, а это «мы» — присутствует.

Вообще-то я не очень понимал, к чему он клонит. И потому спросил напрямую:

— От меня чего хочешь?

— Я хочу, чтобы ты пошел и подвалил Щербатому и его прихвостням. Так, как ты умеешь — с душой и огоньком. Чтобы горело мертвое! Я дам тебе железный лом из нашего, гномского железа. Это не боевое оружие, это строительный инструмент, но штука стоящая, как раз тебе по руке. Но национальный костюм ты надень, лишним не будет. Вдруг Щербатый берега попутает, и снага возьмутся за ятаганы? Тут-то ты их и нарубишь в мелкий фарш!

— А ты? — поинтересовался я и тоже куснул хлеб с чесноком, аж слезы из глаз брызнули.

— А я устрою им проблемы. Я навалюсь на их общагу, с нашими, надымскими. Общага — в бывшем Штабе пожарной дружины — там сейчас гномы проживают. Мы их заблокируем и устроим тарарам, и будем нагнетать, мол, ты пришиб вожака и нечего ерепениться. Ну, а потом Кузя видос сбросит в сеть, чем твоя самоубийственная атака закончилась — и всё решится само собой.

Охренеть можно! Он так и сказал — самоубийственная!

— Да ладно, чего ты? Лучшая защита — это нападение! — Густав почесал сытое брюхо и рыгнул.

Я доел борщ, с сомнением огляделся в поисках еще чего-нибудь съестного и, не найдя ничего, кроме пузатого керамического чайника с заваркой и крохотного блюдца печенюшек-курабье с вареньем из эпоксидки, тяжко вздохнул. Так-то его план был вполне себе нормальным, если бы я не думал о том, как бы ухватить Кристину за задницу прямо сейчас. Густав ведь захочет прикончить меня сам — раньше или позже… И усиливать его банду было не в моих интересах.

Но — проблемы нужно было решать по мере их поступления. Действительно — Щербатый сейчас был бедой номер один. У нас с его бандой как-то сразу не сложилось. Тем более, я обещал ему засунуть в жопу голову незнакомого дрищеватого снаги, а обещания нужно выполнять!

— Эхе-хе, — сказал я. — Тащи свой лом.

* * *

Полный национальный костюм черных уруков выглядел

впечатляюще. Наплечники, наколенники, налокотники, наручи, поножи, широкий пояс из шкуры неизвестного животного, легкой и в то же время прочной. Ну, и что-то вроде бронежилета из такого же материала. Эта традиционная «хоккейная защита» была вся полностью покрыта теми самыми закорючками и загогулинками, в том же стиле, как моя татау на правой руке, которая пополнилась новыми «ачивками». Скорее всего, это были доспехи Резчика, потому как мне они оказались слегка великоваты, пришлось прожигать раскаленным гвоздем в ремешках дополнительные дырки. Даже доходягой себя почувствовал.

А еще — нужно было собрать сумку со всякой дрянью, которую нельзя было бы счесть боевым оружием, но в случае необходимости — применить на погибель врагу и ради своего собственного выживания.

Этим я занимался с самого утра, снова отработав в бешеном режиме целую ночь. Расторговался хот-догами, разбирали их со страшной силой, целая очередь выстроилась! Благо — в продуктовом за углом продавали такие подходящие булочки, а длинный, худой и сутулый пацан, который там торчал за кассой, был в закусочной Хуеморгена постоянным клиентом и проводил тут с планшетом в руках и пивными бутылками после работы кучу времени. У него вопросов к моему происхождению не возникало.

В общем, я совал сосиски в булки, грел их в микроволновке, фигачил туда кетчуп, горчицу, майонез, пикантную морковку, капусту и ломтики огурца — на выбор, и все были в восторге. Такой «сабвэй» на минималках. Ну, знаете — эта иллюзия изобилия, типа — какую замечательную жижу выбрать: майонетчуп, кетчицу или горчинез? Серьезная проблема! А добавьте сюда мучительную дилемму: морковочку острую или огурчик свеженький, и всё! За саму возможность с умным видом постоять у прилавка и поморщить лоб, выбирая кулинарные изыски, они готовы были платить на две или три деньги больше!

— Давай, Бабай! Не жалей, лей соуса с горкой!

— О-о-о-о, с огурчиками! Мужики, попробуйте с огурчиками — ваще атас!

— Мне давай всего навали, и побольше, побольше. Возьми нор-р-р-мальную булку, большую! Да не парься, орчелло, я накину еще денежку!

Трудовой народ после рабочего дня валил табуном. Орки — и снага, и гоблины, гномы, люди — все подряд. Те, кто брал еду на вынос, пожирали ее, прогуливаясь по Проспекту, и разогревали любопытство и аппетит каждого встречного-поперечного.

Фастфуда тут не было как явления!

Так что я полночи совал сосиски в булки и сыпал всего, и побольше, и разливал кофе «три в одном», страстно ожидая момента, когда приедет Хуеморген и привезет мне приблуды для приготовления кофе на песке и отпустит меня погулять — например, в Хтонь, за кофе-машиной. Короче, суеты было много, я даже про припрятанный мешок с деньгами от князя не вспоминал. Ни пока хот-доги готовил, ни потом — когда химичил над урук-хаевским национальным костюмом, с утра.

Я стоял во всей это «хоккейной защите» перед потрескавшимся зеркалом в крохотной ванной комнате и рассматривал свое отражение. Страшен? Еще как!

Повинуясь наитию, я сплел две косы у висков и завязал их на затылке — чтобы волосы не мешали в бою. За спину, в специальные зажимы на бронежилете-кирасе сунул кард без ножен, в руки взял тот самый лом гномского железа — черную стальную палку полутора метров в длину, с загибом типа гвоздодера на одном конце и острием — на другой. Вернулся в ванную, глянул в зеркало — чего-то определенно не хватало для полноты образа, такого родненького и знакомого… Оно просилось, стучалось на краешке сознания!

О, да! Я потопал в подсобку, нашел там ведро с засохшей побелкой, сунул туда пятерню, распрямился и с большим удовольствие ляпнул себе на лоб, щеки, нос, переносицу такой замечательный и приятный символ Белой Длани! Во-о-о-т, теперь все в порядке.

— Кузя! Ну что там, карта готова? — я подхватил сумку с запасом разных вредных веществ и всяких прочих гадостей, покинул жилую зону и переместился в торговую.

Кузя сидел в темном зале на самом высоком стуле за самым мелким столиком, пил из тюбика кетчуп и что-то чирикал на туристической карте Маяка.

— Ага! — откликнулся он и улыбнулся.

Лучше бы он этого не делал. Весь его рот был в кетчупе, он стекал по кривым зубам и вообще — добавлял жутковатых ноток в облик маленького носатого каннибала. Хотя — можно ли считать гоблинов каннибалами? В конце концов, они ели представителей другого биологического вида, а то, что для людей снага, уруки и гоблины — это орки, так это проблемы людей… Нет, пожалуй, всё-таки даже в здешней системе координат поедать другую разумную личность — не этично. Вот и будем жить по этому принципу, а то и оглянуться не успею, как начну пирожки из эльфов продавать. Компромиссы тут недопустимы, товарищи! Каннибализм — это не наш метод!

— Вот, смотри! Тут ты спустишься в Большую Клоаку… — начал тыкать пальцем в карту Кузя.

— Та-а-ак! — напрягся я. — Куда я должен спуститься? В какую еще клоаку?

— Большую! Коллектор, канализационный! Но он ваще-то уже три года не используется никем, кроме гоблинов и… В общем — все отведение стоков идет по пе-ри-фе… Пе-фе-ре… Пефефе…

— Периферийной? — иногда носатый проходимец капитально бесил.

— Точно! По другим, по маленьким трубам. Объемы не те! А там мы иногда шаримся… И ты тоже мог бы, ваще-то, — Кузя осмотрел мою экипировку. — Полезно было бы, чтобы ты там пошарился.

— Кому полезно? — насторожился я.

— Ну всем, всем нам! — он что-то темнил. — Вот пройдешь по Большой Клоаке, и прямо к Щербатому на базу ваще-то. Ни один снага тебя не учует, они там не шарятся. Там мы шаримся и… Дойдешь, в общем.

Очень, очень подозрительный гоблиненок.

— И кто еще?

— И ты, и ты… Ты там тоже ваще-то будешь шариться. Я тебе и фонарик дам!

— Мне не нужен фонарик, я черный урук, — все орки в большей или меньшей степени были приспособлены к ночной или подземной жизни, отсюда, наверное, и ходили слухи о том, что они… то есть — мы, якобы боимся солнечного света.

Я вон тоже в основном ночью работаю и живу. Не специально, так совпало. Но в тех же мастерских на Проспекте полно снага, которые что-то строгают-паяют-тачают с раннего утра и до самого вечера.

— Давай, Кузенька, ты сразу скажешь, что за дерьмо там меня ждет и почему ты так часто трогаешь себя за уши? Я же вижу: ты или прямо брешешь, или чего-то недоговариваешь! — вперился в него тяжелым взглядом я. — А то возьму тебя с собой и засуну твою голову в жопу Щербатому. Мало ли — тот снага, которому я обещал эдакую процедуру — не выжил?

— Меня-а-а-а? — пустил петуха гоблин. — Не надо мою голову в жопу. Это будет обидно ваще-то!

— А мне не обидно? Ты в который раз пытаешься меня кинуть! Я что — похож на лоха педального?

— Почему — педального? — удивился Кузя.

Действительно — почему? Я на секунду задумался об этимологии и семантике выражения «лох педальный», но тут же вернулся в реальность:

— Колись давай! А то жопа башка попадет — савсэм мертвый будешь!

— Ну, ты не злись, ладно?.. — шмыгнул носом он. — Мы видос хотели снять ваще-то. У нас камера есть — выко-ко-ко… Вы-со-ко-чуй-ствий-тей-лей-най…

— Высокочувствительная?

— Ды-а-а-а! — обрадовался он. — Ночные съемки получаются — а-а-агонь!

— И что вы собрались снимать?

— Бой Бабая с момо.

— Что, ять?! — мне показалось, что я ослышался. — У вас тут есть Момо?

— Есть ваще-то! Хтони-и-ические чудо-о-овища! Страшен-ные такие! — он многозначительно растягивал слова и делал широкие жесты руками, пытаясь то ли показать его размеры, то ли степень своей увлеченности проблемой.

Это могло быть совпадение? Могло. В принципе, я не знал, были ли тут страшилки про Бабая, и что вообще такое тут обозначало это самое Момо. Может, это и не башка с выпученными глазами на куриных лапах, а что-то другое? Скорее всего — не с большой буквы, а с маленькой. Не Момо, как имя собственное, а момо — как вид живых существ.

— И на что это похоже?

— Ну, как — на что? На человекопаука ваще-то! Момо — они такие.

— Гы-ы-ы-ы! — я не выдержал и заржал. — Мне срочно нужны фотографии человека-паука, Питер!

Сначала — Момо, теперь — человек-паук! Просто праздник какой-то.

— Хер с тобой, гоблин. Пойду, ввалю этому Питеру Паркеру с куриными лапками. Но помни: тридцать процентов с доходов от монетизации и продажи ингредиентов — мои! — в конце концов, я уже настроился на драку, и, если для того, чтобы накостылять Щербатому, нужно было оттырить какую-то хтоническую тварь… Почему бы и нет?

В конце концов, лупить чудищ ничуть не менее увлекательно, чем избивать снаг!

— Питеру? Лапками? Ваще-то… А-а-а-а, Бабай Сархан шутит! — Кузя покивал головой и почесал кончик носа. — Но вот какое дело… Ну, для видоса тебе надо наверх на твой этот национальный костюм надеть чё-то такое характерное, узнаваемое…

— Футболку?

— Дыа-а-а!

И я сходил за футболкой.

* * *

Гоблины мерзко хихикали за спиной, наверное — из-за надписи. Я перся по мрачному вонючему подземелью, время от времени натыкаясь на попискивающих крыс, какие-то обломки высокотехнологичных механизмов и устройств, старый бытовой мусор, мотки проводов, кости, пластиковые бутылки, шуршащие пакетики. Пакетики бесили больше всего.

Больше, чем гоблины, крысы, непонятные момо впереди и конченая футболка из отдела для толстых женщин. Они меня и в прошлой жизни раздражали, а тут — и подавно. Пакетики могли меня выдать! Хотя скрытное передвижение — явно не конёк урукхая! Мы топочем, как стадо слонов и орем песни, чтобы враги трепетали заранее! Но я не мог орать песни — мне нужно было застать Щербатого врасплох! Ну, и человекопаука — тоже.

— Распрями плечи! Надписи ваще-то не видно! — Кузя, хоть и засранец, но поперся в Клоаку со мной. Папарацци хренов!

— Долго еще? — уточнил я, принюхиваясь, морщась и осматриваясь одновременно. — Где его логово?

— Тут щас будет снижение после желтого люка, шагов через пятьдесят, и там такая выемка… — забормотал гоблин.

— Я-а-а-ать!!! — буквально через полминуты я понял, что Кузя имел в виду, когда говорил про человекопаука.

Это был реально здоровенный чувак с четырьмя глазами и восемью конечностями, которые крепились на вполне себе человекоподобном туловище. Четыре почти человеческие руки с когтями на пальцах, четыре покрытые чем-то вроде меха ноги, два горящих потусторонним огнем глаза где положено и еще два — на висках. И пасть, полная острых зубов! Единственное, чем монстр походил на детскую страшилку Момо из ВотсАппа — это реденькие черненькие волосенки до плеч. Ну и глаза были выпученные, да. Человекопаук!

Существо выперлось из какой-то покрытой слизью ниши и, растопырив все свои конечности, на секунду замерло, осматривая свою охотничью территорию, куда посмели вторгнуться чужаки. «А где же у него пипа и попа? Как же оно срет?» — не к месту задумался я. Физиология у хтонических чудищ была противоестественной! Не бывает жопных змей, не бывает человекопауков без пипы и попы!

Момо бросилось на меня тут же, как только сфокусировало взгляд всех своих четырех глаз, и я, не думая, швырнул ломом в

одну из его ног и ушел в перекат, выхватывая меч. Получилось неплохо: тяжелый гномский строительный инструмент повредил чудовищу колено и сбил траекторию движения, так что я успел встретить удар сразу двух рук клинком.

— З-з-звяк! — у этой твари вместо кожи было что-то типа хитина, это точно!

Первые секунд тридцать я только и делал, что бегал по узкой кишке коллектора, уклонялся, кувыркался и прощупывал монстра. Способ справиться с потусторонней скотиной я просек в тот момент, когда увидел, как тварь прихрамывает на ту самую ногу, в колено которой прилетел лом: суставы, сочленения были не защищены! А значит, именно они и стали моей целью. Я и не думал атаковать страшные горящие глаза или мягкое на вид подбрюшье. Нарублю-ка я паучиных лапок, а? Если чудище не научилось отращивать конечности, как лернейская Гидра — головы, то все должно было получиться!

Тварь снова бросилась на меня, но на сей раз я был готов: короткий взмах карда, и из локтевого сгиба одной из рук брызнула кровь. Снова — красная, как и у церберов! Раздался жуткий скрежет, я даже не понял сразу, что так звучит голос момо. Скорее это напоминало какой-то электроприбор или механическое приспособление. Чудище принялось месить все вокруг своими конечностями, попадая по полу, стенам коллектора, потолку… Пискнул и улетел куда-то в сторону один из следующих за мной гоблинов, пара ударов пришлась и по мне — ноги у твари были сильные, крепкие, и если бы не поножи — мне точно отсушило бы икру.

Ну, и в грудак прилетело капитально, только кираса и спасла. Но это были мелочи: мне удалось извернуться, улучить момент и зацепить острием орочьей «кочерги» еще один коленный сустав. Скрежет поднялся такой, будто сотня мужчин с ножницами по металлу взялись кромсать листовое железо!

— Ага-а-а! — обрадовался я и ринулся вперед, раскручивая клинком «восьмерку» — как на многочисленных «показухах».

Конечностей-то у монстра было много, но заостренная железяка находилась в моих, а не человекопаучиных руках! И хромать на две ноги из четырех — куда как хуже, чем на одну из двух! Обрушив град ударов на явно пасующую перед мои напором тварину, я сначала заставил момо отступать, а потом мне повезло еще раз — монстр банально споткнулся о лом! И тут уж я не упустил момента: рубанул изо всех сил по третьей ноге и отсек ее ровно посередине! Тварь рухнула на пол коллектора, шевеля всеми руками и ногами и истекая кровью. Я выдохнул: всё оказалось легче, чем планировалось!

Добивал долго и некрасиво: рубил конечности, потом — добрался и до башки…

— Глазки! Не трожь глазки! — заорал Кузя. — По пятьсот!

Какой, однако, алчный гоблин! Глазки я трогать и вправду не стал — всё-таки это и мои деньги. Рубанул по шее раз, потом — другой… Чудовищная голова откатилась в сторону, туловище фонтанировало алой жидкостью еще какое-то время. Фу, какая гадость!

— Дело сделано! — повернулся я к Кузе. — Пошли дальше.

— Ваще-то дальше не надо. Проход в септик под базой Щербатого во-о-он там был! — он ткнул пальцем себе за спину. — Мы его двести шагов назад прошли, такой желтый люк.

— Так на кой! Хер! Я! Вот это! Всё!.. — во мне начала закипать ярость, но я не позволил себе завестись до невменяемого состояния, медленно выдохнул, сунул кард в зажимы на спине и пошел за ломом.

Мне предстояло еще как-то пережить схватку с бандой снага, так что разоряться сейчас было не лучшей идеей.

— Ваще-то видос классный будет! И мы тут пошаримся, того-сего потом наберем! — откликнулся гоблин, не глядя на меня.

Он уже залипал в свою новую игрушку — высокочувствительную ночную камеру- и что-то там свайпил в ее экранчике.

— Будет а-а-агонь, сто процентов, — как можно более убедительно проговорил Кузя и почесал жопу, и шмыгнул носом. — И майка классная.

Но в мою сторону так и не посмотрел: боялся, что испепелю взглядом. Ну, не падла, а? Очень пАучительная вышла прогулка по коллектору.

Глава 11
Смерть из выгребной ямы

Септик, или говноотстойник, располагался в атриуме базы Щербатого. С трех сторон — буквой «П» — сама база, с четвертой — забор из металлопрофиля и ворота.

База представляла собой бывшее кафе — «Эльбрус». Да, да, тут Эльбрус тоже назывался Эльбрусом и был самой высокой вершиной Кавказа. И кафе-«Эльбрусов» тут развелось не меньше, чем на нашем родном Черноморском побережье — тоже хоть жопой жри. Кафе было укреплено основательно: на окнах кустарным способом наварили решетки из толстой арматуры, проемы заложили мешками с песком на случай нападения хтонических тварей или какой иной напасти. Наружу, в Хтонь, торчали глазки камер и усики датчиков — прижимистый Щербатый таки потратился на дорогую аппаратуру. Толстые стены из обтесаного известняка были обшиты выгоревшим сайдингом, на крыше — гибкая черепица. Обожаю новомодную хрень в строительстве, она так классно подходит для моих злодейских целей!

Почему — злодейских? Потому что засохшее трехлетнее дерьмо — это всё еще дерьмо! А я проторчал в сраном септике что-то около часа, дожидаясь, пока шум наверху уляжется, и только после того, как в атриуме почти никого не осталось, получил возможность вылезти под звездное небо. Мало того, что провонял как сволочь, так еще и вынужден был терпеть рядом с собой соседство целой колонии многоножек. Сколопендры, мокрицы — хрен его знает, что этот такое, но копошились они по всей заляпанной говном стене самым неприятным образом.

Короче, мне хотелось убивать. Кузя, человекопаук, многоножки — за все это предстояло расплатиться банде Щербатого. Благо, план был очевидным и тупым до невозможности! Он строился на очень простом факте: беспокоясь о безопасности, бандиты превратиили свою базу в настоящую крепость, куда можно было попасть по сути только двумя путями: через укрепленные ворота и атриум — в главный вход, и через сторожевой пост на крыше — по раскладной лестнице. Был и третий путь — сквозь дерьмо, но им давно не пользовались. Никто, кроме меня.

Часовые у них имелись — человеческий мужик с крупнокалиберной винтовкой и прожектором на вертлюге на том самом сторожевом посту и два снаги с автоматами и дубинками

— у ворот. Почему такой арсенал? Потому, что Щербатый расположился у самой границы обжитой территории, на целых два квартала гористее Проспекта. Твари шастали тут даже через пару дней после Инцидента — всплеска хтонической активности.

Гористее и мористее — так обозначали направления на Маяке. До моря — четыре квартала, до гор — пять. От КПП с Новым городом до конца маякского мыса — двадцать пять кварталов по проспекту. Обжитых — двенадцать. Тут волей-неволей задумаешься, зачем этот населенный аппендицит в центре магической аномалии? Неужто Густав прав? И как вообще Проспект держится, при таких-то тварях вокруг? Снова — магия? С кем бы мне это проконсультироваться-то? Знакомых магов у меня всего два, но одна о рубероид швыряется, а второй — светлейший князь, с ним особенно не пооткровенничаешь…

Я наконец дождался, когда снаги на воротах задолбутся изображать из себя бдительных стражей и спрячутся под ближайший козырек — посидеть на ступеньках крылечка у заколоченной крепкими досками двери и покурить. И вылез наружу, аккуратно придержав тяжелую, как мои грехи, крышку люка, присыпанную многолетним слоем земли и заросшую травой. Если бы не урук-хаевская силушка — хрена с два я бы так просто выбрался!

Внутри П-образного строения шло гудение, слышались бабьи визги, звон стаканов, тот самый дабстеп пополам с матерщиной, пьяные громкие голоса… И нахрен все эти камеры и датчики, если некому за ними следить — все перепились? Тем паче: какой дурак будет ставить датчики движения внутри периметра? Нахрена такие траты? Да и вообще — техника в руках дикаря превращается в бессмысленную груду железа. Сначала бы озаботились дисциплинкой, а потом уже обвешивались модными причиндалами!

Пацанам на посту было грустно, и станет еще грустнее — это я готов клятвенно гарантировать. По стеночке, по стеночке, держась в тени, я добрался до часовых. Убрать их совсем бесшумно вариантов не было, однако кроме мужика на крыше никто бы не смог прийти им на помощь! По крайней мере — в ближайшее время.

Занеся лом для удара, я выскочил из-за угла и с размаху врезал железным дрыном сразу обоим курильщикам — прямо по огонькам сигарет. Они сидели на одном уровне, на одной ступенечке, и получили по рожам тоже — одновременно.

— Курение убивает! — сказал я, убедившись, что караульные, с хрустом обвалившиеся на ступени, не подают признаков жизни.

Мужик на крыше тоже курил — и притом в противоположную

от двора сторону. Его задачей было контролировать окрестности, а не присматривать за охламонами-охранниками, так что я вполне спокойно пересек атриум, извлек из септика свою сумку, достал несколько пластиковых бутылок с растворителем и обильно полил сайдинг на ближайшем ко мне крыле здания. Эти виниловые панельки мне здорово облегчили жизнь: планируя операцию, я думал, что с поджогом придется конкретно повозиться! Но тут… Просто запалить скрученный в трубочку рекламный буклет, дождаться, пока он загорится — и швырнуть. ВЖУХ!!! Пламя вспыхнуло как сумасшедшее, волна жара ударила мне в лицо! Растворитель — штука коварная. Кажется, я спалил себе брови и ресницы, но это меня волновало в последнюю очередь.

— Пожар! — закричал я, пристраиваясь с ломом в руках напротив единственного выхода из базы. — Горим!!!

Знаете, почему пожарные запрещают устанавливать решетки на окнах первых этажей в детсадах и школах? Именно поэтому. Перекрывая путь в ваше убежище внешней угрозе, вы перекрываете себе путь из убежища вовне. У ребят там, внутри, было два варианта — лезть на крышу и спускаться по раскладной лесенке — всем по очереди, или — через основную железную дверь пожаловать во двор, ко мне навстречу. Я собирался поиграть в Фермопилы и триста спартанцев, заняв позицию у самого центра поперечины той самой буквы «П», как раз напротив ключевого пути к спасению для бандитов.

Почему я не поджег второе крыло? Так жарко же будет! Сайдинг и рубероидная черепица горят ого-го! Ну, и для того, чтобы уменьшить поток желающих сбежать через дверь — тоже. Ломануться толпой — еще затопчут сперепугу. В очередь, сукины дети, в очередь!

Паника поднялась страшная, внутри орали и верещали как ненормальные, огонь разгорался, охватывая все новые секции сайдинга и перекинувшись на крышу. Вонючий пластиковый дым щипал глаза, драл горло, заволакивал все окружающее пространство черным химическим маревом.

Переключиться с режима пьянки в режим выживания в экстремальных ситуациях можно с разной скоростью: это вопрос привычки и навыка. Первым озаботился спасением своей жизни какой-то толстый дядька в затрапезной рубашке в полосочку и почему-то — с черпаком в руках. Может — повар? Так или иначе — ему и прилетело первому. Я ткнул тупым концом лома дядьке под дых, а когда он свалился с крыльца — добавил железякой по коленке, чтобы далеко не убежал.

Дальше из дымного нутра базы полезли снага — один за

другим, и я бил их, и пинал, и дробил им кости, пользуясь замешательством и паникой до тех пор, пока они не закончились. Проблем доставил крепкотелый лысый гном — не все они, оказывается, проводили время в общаге. Низкорослый бородач принял мой удар лома на предплечья! У него, к моему глубочайшему удивлению, вместо рук от самого локтя были киберпротезы! Вроде как я не первый день тут обживаюсь, а такие цацки всё еще здорово сбивают с панталыку.

Аж искры полетели при столкновении стального лома и металлических рук, так что мне пришлось отскакивать и принимать правильный бой: гном пытался ухватить лом руками и вообще — подобраться ко мне поближе, а я перехватил строительный инструмент обеими руками, подобно двуручному клинку, и несколькими быстрыми колющими ударами достал врага сначала в ноги, потом — в корпус и голову.

Гном рухнул на землю — и в этот самый момент на крыльце появился большой, мускулистый и татуированный снага с длинными клыками, торчащими над верхней губой. Один из зубов был обломан до половины, и я понял, что это и есть легендарный Щербатый. В руках он сжимал огромную пушку самых футуристических обводов, с целыми тремя стволами какого-то конского калибра, и я подумал было, что всё, пришел мой конец — пальнет в меня, и адью, прощай Бабай!

Но Щербатый пальнул не в меня. Он пальнул в воздух! Грохот был ужасный, из ствола этой огнедышащей дуры в небо вылетел едва ли не целый метеор, а потом главарь банды прокричал:

— Переговоры! Переговоры-нах! Сейчас-ять сюда явится Перепелка — и мы-нах проведем переговоры! Дай бабам выйти-нах!

Я думал недолго. Тем более — по проспекту уже мчал бэтмобиль участкового пристава, я это по звуку понял. А над заревом пожара уже вились квадрокоптеры — если Щербатый или его клевреты попробуют просто пристрелить меня, то их деяния зафиксируют и возмездие будет быстрым и жестоким, как принято в здешнем Государстве Российском.

— Ну, выходите нах! — я упер лом в землю и замер посреди двора.

С визгом и воплями из дверей повалили женщины-снага. Нет, ну я и раньше их видал, но… Во-первых, они были в дупель пьяные, во-вторых — жутко накрашенные и совершенно невероятным образом разодетые в какое-то яркое тряпье, в-третьих — их было много. И похожи они были… Да на алкоголичек они были похожи! Политкорректность в этом мире, похоже, никто не изобретал, как и толерантность, и можно было

называть вещи своими именами. Целый табун зеленокожих алкоголичек в боевой раскраске!

И, черт бы их побрал, одна особь из этого дикого стада умудрилась затормозить прямо напротив меня, сделать губы уточкой (это с клыками-то!), томно моргнуть подведенными чернющей тушью глазами и проговорить:

— Молодой-красивый, ты тут один?

А йо-о-о-оп ее мать! Как в том фильме про гремлинов!

Ворота наконец разбили — постарались выжившие снага и люди, которые, повинуясь командам Щербатого, не трогали меня, занимаясь своими делами. Толпа бандитов и их подруг рванула к Проспекту — в направлении Штаба пожарной охраны, туда, где у них квартировали гномы. То-то будет сюрприз Игельшнойцхену! И хорошо, и ладно. У меня своих проблем хватало — вон, уже завизжали мощные колеса полицейской машины и киборг-коп нацелил на меня свой монокуляр.

Я не удержался и приветливо помахал вахмистру. Окровавленным ломом.

* * *

— Интересно, а если подорожник приложить к твоей башке — поможет? — спросил Перепелка.

— Нет-нах. Подорожник при вавках помогает-ять. А он — урук. Он такой-ять от рождения, — посетовал Щербатый и тяжко вздохнул.

Что характерно — главарь местных отморозков матерился гораздо меньше своих бандитов. Он вообще казался очень матерым, бывалым, опытным товарищем и, можно сказать, вызывал уважение. Настолько, насколько снага в принципе может вызывать уважение. А! Он и писать умел! Чирикнул в протоколе свое имя в соответствующей графе! Достойно уважения? Безусловно.

— Еще раз — ты всё это затеял потому, что тебе не продали мыло? — участковый пристав с жутким механическим звуком навел на меня монокль, который теперь светился не зеленым, а красным светом. Терминатор, мать его.

Я развел руками:

— А как я без мыла могу? Я в общепите вообще-то работаю, чистота — залог здоровья! Грязные вуки всему виной! Мойте вуки перед едой!

— Какие-такие вуки? — подозрительно спросил Перепелка.

— А-а-а… Это из другой сказки. Не из этой. Но суть-то в чем?

В том, что мыло мне не продали раз десять! Прикрываясь именем вот его, — я ткнул пальцем в Щербатого. — Представляете? Какой-то мелкий засранец-снага отказался продавать мне мыло. Он был уверен, что этого имени хватит, чтобы предостеречь меня от немедленного жестокого смертоубийства и разорения его торговой точки. Такая уверенность, да еще и лицом к лицу с уруком хоть чего-то да стоит! Мне стало любопытно — что там за Щербатый такой, бойцы которого уже несколько дней пытаются травмировать мои кулаки и сломать имущество с моего рабочего места своими головами и конечностями… Ну, вот я и не удержался — нанес визит вежливости.

— Визит вежливости? — Перепелка побарабанил пальцами по столу. — Это — вежливость?

— Ну, я же не матерился при дамах! — развел руками я. — И не вытирал хер об занавески.

— Фу, нах! Ну, это чересчур уже-врот! — сказал Щербатый. — Господин участковый пристав-ять! У нас инцидент исчерпан, мы претензий-врот друг к другу не имеем. Я-врот готов уплатить штраф-нах за стрельбу-врот, которая, стало быть, случилась. И сделать-нах пожертвования в фонд-х ветеранов полиции. Крупное-врот пожертвование.

— Вот как? — заинтересовался вахмистр.

— Мы чтим-нах и уважаем-врот труд доблестных стражей-ять… — затянул снага.

— Да мне похер, — Перепелка оперся на стол и поднялся одним резким движением. — Хоть все тут друг друга перережьте, обезьяны клыкастые. Мне проблем меньше.

Он на секунду замер, его пальцы на кибернетической руке задергались, как будто он что-то печатал на клавиатуре, а потом полицейский сказал:

— Я отправил тебе реквизиты фонда и квитанцию на штраф. Бабай — заканчивай тут, я отвезу тебя к месту жительства. Жду у машины. Еще я у урука, ять, таксистом не работал! — его голос просто сочился ядом.

Вот это да! Техника на грани фантастики! А я думал — он только в планшет тыкаться умеет! Перепелка скрылся в ночной тьме, погрозив мне кибернетическим пальцем. Щербатый с грустью посмотрел на догорающую базу:

— Подложил-ять ты мне говна, конечно. Но мог ведь и убить-нах. Почему не убил?

Мы сидели за пластиковым круглым столом в полуразрушенной арке какого-то ветхого здания, прямо через дорогу от уничтоженного кафе «Эльбрус». Наиболее стойкие члены банды Щербатого обустраивали тут пункт временной

дислокации, намереваясь утром разобраться с ворохом навалившихся проблем, главной из которых были перешедшие на сторону Густава Игельшнойцхена гномы, а никак не пожар на блатхате. Похоже, ничего особо ценного там хитрый вождь зеленокожих не хранил, потому и не дергался особенно. Сидел, разговоры разговаривал… Даже целая дюжина укокошенных мной бойцов его не смущала.

— А на кой черт мне тут один Густав, весь мощный и влиятельный? Я его на херу вертел, если честно, — отреагировал я.

Щербатый тут же осклабился, довольный. Что такое система сдержек и противовесов он, похоже, понимал.

— А правда, что ты его бабу — того-нах? — спросил он и сделал международный жест кулаком и ладонью, обозначающий что кто-то кого-то нахлобучил.

— Вопросы, связанные с дамами, я не обсуждаю, — отрезал я. — И тебе в мою личную жизнь лезть не советую. Разобью хлебало, честное слово. И не посмотрю, что мы с тобой вроде как замирились.

— Замирились-нах… Щас по всему Маяку такой бардак-ять начнется, мама не горюй! Попробуют молодые меня за жабры взять… Слушай, а ты подработать не хочешь? — вдруг подобрался он.

— В каком смысле? — этот Щербатый, похоже, не зря добился такого высокого положения в местной преступной иерархии! Подметки на ходу рвет.

— Ну, за деньги-ять поработать! Разбить-нах пару голов, выпустить кишки… Не надымским-врот, нет! Беспредельщиков щас набежит-нах…

— Нет уж, дядя. Ешьте сами с волосами, — я отрицательно покачал головой. — Уговор простой — я не лезу в ваши разборки, вы не трогаете меня, мое имущество и тех, кто под моей защитой. Претензии обсуждаем при личной встрече, как есть, называя вещи своими именами. Всё, точка. Все ваши драчки, междусобойчики, наезды… Я в гробу видал. Если ты или Густав попробуете меня использовать или подставить — значит, война. И мне уже похер будет на баланс, сдержки и противовесы.

— Договорились-нах. Мои ребята тебя-ять трогать не будут, за беспредельщиков-нах я не в ответе, — он протянул мне свою мускулистую зеленую лапищу. — Я бы, конечно, хотел-нах, чтобы мы, орки, все вместе…

— Ой, Щербатый, чья бы корова мычала! Не надо мне тут за равенство и братство, — отмахнулся я, но руку ему пожал.

«Мы, орки?» Не было никакого мы! Он просто мечтал

прогнуть меня и сделать своей псиной, чтобы натравливать на врагов — вот максимум, на что я мог бы рассчитывать. Так что пусть идут в сраку все вместе, и он, и Игельшнойцхен и прочие им подобные. Если и играть в «Крестного отца» — то только по своим правилам.

— Месть беспощадная всем супостатам!

Всем паразитам трудящихся масс! — напевал я, подходя к полицейской машине.

Вахмистр Перепелка легким нажатием сенсорной панели открыл передо мной заднюю дверь — пассажирские сидения были отделены от передних мест прочной перегородкой и сказал:

— Садись давай. Мне еще один погром на Маяке этой ночью не нужен!

— А с чего вы решили… — начал было я, впихивая свое тело в нутро машины, но был бесцеремонно прерван.

— А с того, что когда Густав узнает, что ты договорился со Щербатым вместо того, чтобы покрошить друг друга в фарш — он здорово взбесится! И потому я намереваюсь заглянуть к нему прежде, чем вы встретитесь, врубаешься, ты, гребаная заноза в заднице? — он едва слюной брызгать не начал. — Мне насрать, если вы все тут поубиваете друг друга, но популяция на Маяке должна держаться в пределах…

Тут он резко заткнулся, выдохнул, сообразив, похоже, что едва не сболтнул лишнего, и, выводя машину на Проспект, спросил:

— Откуда ты берешь эти дурацкие футболки?

Я наконец дозрел: отстегнул меч и пару застежек на кирасе и стянул через голову изгаженную говном и кровью футболку. Что там, нахрен, на сей раз, написано-то?

Не заржать было очень сложно, но я сдержался — только хрюкнул негромко. Белая крупная надпись на спине гласила:

«ESLI HOCHESH' POHUDET' — SPROSI MENYA KAK!»

Глава 12
Кофе на песке

— Хуеморген! — ляпнула дверь, звякнула висюлька на притолоке, и гном ворвался в торговый зал. — Всё, Бабай! Собирай манатки, кончился фарт! Жопа, жопа настала!

На часах было четыре часа дня, то есть — я только что проснулся и с заспанной рожей готовил себе поздний завтрак: никаких альтернативных сосисок, жарил вполне традиционные куриные яйца, которыми меня снабдил худой и пьющий добрый молодец Витенька из продуктового. Вообще он был нормальным парнем, этот Витенька. А вот Фриц наш Дюрхденвальд в данный момент нормальным не был.

Его обычно аккуратно заплетенная в косу борода пребывала во всклокоченном состоянии, рожа раскраснелась и перекосилась, глаза были шалыми, движения — дерганными. Явно — он пережил некий серьезный стресс.

— Щас ко мне мое заведение отжимать придут. Жопа. Полная жопа! — приговаривал он, хаотично переставляя стулья, забегая то за барную стойку, то в подсобку, то в бытовку, хватаясь за мелкие предметики и упаковки с продуктами и вообще — не находя себе места.

— Не мельтеши!!! — рявкнул я.

— А? Да… — гном стал столбом прямо передо мной.

— Яичницу будешь? — его надо было привести в себя, чтобы по крайней мере понять, в чем, собственно, дело! — На тебе лица нет, говорю! Жрать будешь?

— Заведение отожмут! — снова принялся стенать он. — Я в дерьме, совсем в дерьме!

— Прямо сейчас отожмут? Через пять минут? Через час? Сегодня?

— Сегодня… — горько прошептал он.

— Дык! Хуеморген, ять! Сегодня — это еще дохрена времени! Сегодня в ноль-ноль часов ноль-ноль минут заканчивается! За это время у тебя от голода желудок винтом завьется. Тем паче, если они отожмут твою забегаловку, то оставлять этим твоим «им» еще и продукты — это будет вообще нелогично! — я снял сковороду с плитки и с барского стола выделил своему работодателю четыре яйца из десяти, перекинув их в плоскую деревянную тарелку.

Тарелку поставил на стойку, придвинул стулья. Рядом с яичницей положил пучок петрушки и пучок кинзы, добавил пару ломтей белого хлеба, из холодильника достал бутылку Сан-

Себастьянского пива — того самого, что дает осадок и портится за пять дней. Пальцем сковырнул пробку и сунул ее в руки Фрицу:

— Садись, ешь, пей, рассказывай.

Гном присосался к бутылке, и — пока пил пол литра залпом — его лицо приобретало нормальный цвет, глаза — адекватное выражение, а борода, кажется, сама по себе заплеталась в аккуратные косички. Магия! Некоторое время мы молча ели, Хуеморген порывался начать вещать, но сдерживал сам себя, понимая, что ничего толкового выдать не сможет.

— Кофе? — спросил я.

— О, нахрен! — обрадовался гном. — Точно! Щас, погоди, в машину сбегаю.

И убежал. Я доел, вымакал тарелку хлебом и помыл посуду — за собой и за ним. Отожмут заведение? Эта новость мне не очень нравилась, но в целом напугать меня у него не получилось. Я до утра считал деньги, подаренные Воронцовым, и сверялся с сетью: обеспеченным буржуа я не стал, но квартиру в Новом Городе купить уже мог. Далеко от моря, без ремонта, не пентхаус, но… Но сумма была очень, очень приличной. Теперь работа на Хуеморгена не была вопросом выживания, особенно после решения вопросов со Щербатым и Густавом, когда я мог купить ублюдское мыло в любом магазине Маяка…

— Вот! — Фриц пыхтя втащил в дверь большой деревянный ящик и принялся вынимать из него разные сокровища.

Я едва не прослезился: стальной поддон, термоспирали со всеми приблудами, мельчайший песочек, маленькие медные турочки с изящной гравировкой — аж шесть штук, большая кофемолка, бумажный крафтовый пакет величиной с его, хуеморгенскую башку… От коричневатого, аппетитно щуршащего пакета доносился потрясающий аромат обжаренных кофейных зерен.

— Фриц! Ты… Ты — просто солнышко, чес-слово! Ты меня растрогал до кишок вообще. Мне такой добрости еще никто не делал! Ты прям взял — и прислушался к моим словам, да? — я бы обнял его, но было далеко идти, и мне было лень.

Но гном и так понял, что я вполне искренне все это говорил, и разулыбался:

— Да чего уж… Я думал — вместе поработаем, бабла нагребем… Нагребемся теперь! Отожмут у нас всё, плакало мое заведеньице и твой кофе на песке — тоже, — он вздохнул.

— Давай вот что сделаем: будем варить кофе, пить его, пока кровь из глаз не потечет, и по потолку бегать не станем, и ты будешь мне все рассказывать, а я буду всё слушать. И попробуем

найти выход из ситуации… — предложил я.

— Выход? — он только горестно махнул рукой. — Какой тут может быть выход? Я встрял на конкретные бабки, Бабай. Нет никакого выхода. Сначала — заведение с молотка, потом меня — в кабалу. Разве что из воздуха материализуются десять тысяч денег на первый платеж этим гребаным аристократам! А откуда мне их взять? У меня даже почку никто не купит, я — кхуздул, гномские органы не приживаются!

Я житейским тоном сказал:

— Там под кроватью в подсобке возьми.

— Что?

— Сходи, говорю, в подсобку, возьми под кроватью. Я покупаю у тебя заведение.

— А? — он хватал ртом воздух.

— Бэ, ять! Фриц, запишись, нахрен, на прием к отоларингологу, если слышишь плохо! Возьми щас свою жопу и вместе с ней сходите в подсобку! Там мешок с деньгами под кроватью!

— Охереть… — сказал он, и, косясь на меня выпученными глазами, пошел в подсобку.

Пока он там молился и ругался, восхищенно кряхтел и удивленно стонал, пересчитывая деньги, я собирал приспособу для приготовления кофе. Электроника была незнакомая, но — как и все местные технологичные приблуды — интуитивно понятная. Штекер сюда, переключатель — здесь, вилка — вот она… Поставил железный поддон на термостойкую часть барной стойки, насыпал песку, подключил к электросети. Живительный жар уже через минуту начал подниматься вверх к потолку. Нужна будет вытяжка, это точно!

Не разводя антимонии с кофемолкой, я раздавил горсть зерен в ступке, всыпал в две турочки, добавил сахару, воды, сунул в песок…

— Тут больше, чем десять тысяч! — в экстазе простонал из подсобки гном.

— Ясен хер — больше! Только остальное я тебе не дам. Я ремонт сделаю и благоустройство вокруг. Пойдешь ко мне на работу?

Гном высунулся из подсобки:

— Чего-о-о-о?

— На работу. Ты ж в кабалу собирался? Ну, вот. А мне нужен кто-то типа тебя, который может достать то, что мне нужно. Вот тут передо мной сейчас кофе на песке сварилось, то есть, по моим меркам — экзамен ты прошел. Испытательный срок кончился, считай — ты принят. Иди сюда кофе пить.

Хуеморген озадаченно почесал бороду, но к стойке подошел. Двумя пальцами взял стаканчик… Кофе на песке из картонного стаканчика — это, конечно, ересь, но я еще развернусь, это как пить дать. Будут у меня маленькие фарфоровые чашечки с охренительной росписью! На заказ сделаю.

В общем, Фриц влил в себя напиток мелкими глоточками, глянул на меня очень, очень широкими зрачками и сказал:

— Бабай, знаешь что?

— А?

— Если будешь мне с утра наливать такой кофе, а вечерами — пиво, я так и быть, пойду к тебе снабженцем.

— Менеджером по закупкам. Мне нужен снабженец, логист, экспедитор — и еще тысячу должностей сразу. Такое условие. А еще — уберешь к ебени матери из подвала взрывчатку и огнестрел. Я урук, мне нельзя.

— Охо-хо-хо-хо… — простонал Хуеморген. — А можно еще — кофе?

— Кофе — можно, — я принялся толочь кофейные зерна в ступке. — Огнестрел нельзя. То есть та жопа, в которую ты попал — это из-за этих боеприпасов?

— Да, ять, да! Это для курдов было, понимаешь? Граф Паскевич-Эриванский мутит свои дела по ту сторону османской границы, может быть — по отмашке с самого верха, чтобы Порте было чем заняться, кроме как беспилотники и ифритов балканским упырям поставлять… Короче — такая подстава, политического уровня! Мне подкинули фуфло… Партия — наполовину гнилье бракованное! Мне теперь в Эриванскую юридику хода нет… И в долгах как в шелках — сам виноват, нужно было каждый ящик, каждый патрончик ковырять! Эх, говорила мне мама…

— То есть ты взял оружие в долг, тебя кинули, и теперь эти самые продавцы-кидалы сами же потребуют денег?

— О-о-о-о, да, — гном горестно ухватил себя за бороду. — Там такие люди, что… Ять! А вот и эти люди.

Висюлька звякнула, и в забегаловку вошли три интереснейших персонажа. Это были киборги, которые своих аугметаций и кибернетических частей тела не то что не стеснялись, а напротив — выставляли напоказ, как нечто статусное и модное. Так тупенькие мальчики и девочки кичились своими «яблочками» в моей прошлой жизни. Эти два парня и одна девушка сверкали яркими, кричащими металлопластиковыми панелями на лице и конечностях, синими бегунками огоньков по всему телу, нарочито-гротескными сервоприводами на местах некоторых мышц и вживленными в

кости и суставы элементами то ли высокотехнологичных инструментов, то ли — смертоносного оружия. Неизвестно было — чего в них больше: искусственного или человеческого. Кем они являются на самом деле — роботами или людьми? Честно говоря, об этом даже и думать не хотелось. Хотелось, чтобы троица убралась из заведения как можно быстрее и как можно дальше. От этих троих просто эманировало смертью. У меня аж оскомина на зубах появилась, я впервые ощутил это — ясный, четкий запах смерти, при полном отсутствии трупов вокруг. Киборги прикончили многих и многих!

— Ты вернулся, — констатировал один из юношей.

Красные волосы до плеч, множественный пирсинг на всех частях лица, не подвергшихся аугметации, из одежды — только что-то вроде бриджей и жилета с яркими неоновыми принтами. Киборг взглядом сканировал внутреннюю обстановку закусочной. Я под стойкой передвинул поближе лом: казалось, он будет наиболее подходящим орудием в случае чего.

— Ты привез деньги? — поинтересовался красноволосый.

Хуеморген уже вполне совладал с собой и с каменным лицом проговорил:

— Мы говорили о том, что платеж можно будет разделить на части. Я готов выплатить в течение полугода, Сандер. Могу внести первую часть — семь тысяч денег прямо сейчас.

Девушка — лысая, с несколькими гибкими хромированными щупальцами на месте левой кисти- шагнула вперед:

— Ты вздумал играть с нами в игры, Фриц Дюрхденвальд? Хочешь сказать — у тебя нет денег? Мы найдем, что взять в качестве компенсации.

— Деньги есть, — даже под бородой было видно, как ходят у гнома на челюстях желваки. — Есть и запись под протокол о возможности оплаты в рассрочку.

— Шесть месяцев. По семь тысяч, — скрипнул четвертый, который меньше всех походил на человека. — Ни днем позже, ни деньгой меньше.

Его молодое лицо было более, чем наполовину скрыто за безжизненной металлической маской японского демона — Они, и в совокупности с массивными кибернетическими руками и ногами это производило гнетущее впечатление. Он подошел к самой стойке, так, чтобы смотреть на гнома сверху вниз, и демонстративно взял одну из маленьких медных турочек своими железными пальцами идиота.

— Я раздавлю тебя, как…

— Я бы не стал этого делать, — впервые подал голос я. — Положи турочку на место.

— Что? — в голосе киборга в маске демона послышалось настоящее удивление. — Что это животное себе позволяет, Дюрхденвальд? Уйми своего ублюдка, Фриц, или всё будет очень плохо.

— Это не мой ублюдок, Стредлейтер, — отчеканил Хуеморген. — Это мой работодатель. Это его заведение.

— Вот как? — Стредлейтер повернул голову ко мне. — Я думал — эта рыгаловка принадлежит нашему другу Фрицу. И вдруг — в качестве хозяина нарисовалась клыкастая образина. Очень, очень интересно.

— Положи турочку на место, — максимально вежливо попросил я и положил лом на стойку, прямо перед собой.

— Хочешь напугать меня своей дубинкой, папуас? — я готов был поклясться — его эмоции были круто замешаны на каком-то сорте шовинизма. Может, киборг считал обычных людей низшей ступенью эволюции или типа того?

— Стредлейтер! — сказала лысая девушка. — Это черный урук. Взгляни на татау.

Взгляды всех присутствующих скрестились на моем правом предплечье. Ну да, после приключения в коллекторе и налета на базу Щербатого загогулинок там добавилось, теперь они создавали практически еще один браслет, чуть выше простого черного на запястьи. Особенно мне нравился человекопаук и языки пламени: похоже, устроенный мной пожар тоже считался.

— У него совершеннолетие настало пару дней назад, а столько черепов… — задумчиво проговорил красноволосый Сандер, разглядывая меня и, кажется, принюхиваясь. — Ты ведь не бежишь от проблем, да? Ты ведь и вправду бы кинулся на Стредлейтера с ломом! О, да у тебя норадреналин сейчас через уши польется! А я бы посмотрел на это, м? Хлоя, как насчет того, чтобы посмотреть, кто кого?

— Ты сомневаешься во мне? — демоноликий киборг тут же резко повернулся к своему подельнику.

— Я никогда не видел в деле черного урука с таким удивительным татау. Это могло бы быть забавно! — Сандер, похоже, все-таки в этой тройке играл роль вожака. — Слышишь меня, урук? Если захочешь срубить денег — сто кусков за вечер — просто свяжись со мной… А, черт, у тебя ведь нет идентификатора? Я сброшу контакт на ящик этой забегаловки. Может быть, ты помрешь, а может — заработаешь столько бабла, сколько никогда не держал в руках! Фриц, гони восемь кусков, и мы пошли.

— Но — почему восемь? — вскинулся ушлый гном. — Семью шесть — сорок два, все, как положено! Шесть месяцев платеж!

— В качестве доказательства твоей платежеспособности. Можешь считать знаком уважения к твоему работодателю, что я не потребовал десять!

Чертов Хуеморген едва сумел спрятать довольную улыбку в бороду. У этого кхуздульского хитрожопого сукиного сына ведь было на руках десять моих тысяч!

— Минуточку! — сказал он, и ушел в подсобку.

— Тебя как звать? — спросил Сандер, оттесняя пышущего злобой Стредлейтера и подходя к стойке. — А то некрасиво получается — мы назвались, а ты молчишь, не представляешься.

— Бабай Сархан, — не счел нужным скрываться я.

— Сархан? Полукровка? — непонятно зачем уточнил киборг. Как будто по моей роже не было видно, что я — не чистокровный! — И где, Бабай, ты взял столько денег, чтобы купить целое заведение на Маяке?

— Да уж не кофе продавал, — нагло улыбнулся я. — Кстати! Две деньги за кружку — не желаете? Ручной помол, приготовление на песке… ПОСТАВЬ ТУРОЧКУ, СКОТИНА!!!

Гребаный Стредлейтер! Он таки смял мою драгоценную новенькую турочку своими ублюдочными имбецильскими обрубками!

Дальнейшее в моей памяти зафиксировалось короткими штрихами, как будто крутили пленку на старинном диапроекторе — кадр за кадром.

Это было сальто — прямо через барную стойку, плавно переходящее в перекат и выход в ноги сраному Стредлейтеру. Я подцепил его за колени, дернул изо всех сил… Киборг грянулся на бетонную плитку пола своей жестяной башкой, что-то сильно загремело, плеснула кровь и, кажется, машинное масло, но было наплевать — я бил его прямо по роже, бил с упоением, с первобытной яростью, не замечая, что в мясо травмирую кулаки о пластик и металл имплантов. Наконец маска демона Они съехала в сторону, и передо мной предстало совсем человеческое лицо юного долбоклюя — удивленное, напуганное, шокированное и сильно, очень сильно поломанное.

— Бабай! Бабай, хватит! — я не слышал, не хотел слушать.

Мощный удар электрошокера отшвырнул меня к противоположной стене. С рычанием я поднялся, налитыми кровью глазами осматривая поле боя. Падла!!!Терзать! Душить! Рвать!!!

— ОН! БЫЛ! НЕ ПРАВ!!! — крикнул Сандер, становясь между мной и избитым Стредлейтером.

На ладони его разгоралась новая электрическая дуга — между большим и указательным пальцем, но лицо выражало

искреннее недоумение. Похоже, он рассчитывал не несколько другое действие своего необычного оружия!

Хуеморген выскочил невесть откуда и кинулся ко мне, широко расставив руки:

— Всё, всё! Бабай, мы не можем развязать войну со всей Формацией! Вопрос закрыт! Сандер признал, что Стредлейтер не должен был трогать твои вещи! Ты был в своем праве! Тихо, тихо! Давай парень, охолони! Я куплю другую турочку!

— Турочку, ять! Новую! Медную! Ну и сука! Это ж надо! — из моей груди вырывались хрипы. — Я убью его, можно?

— Убьешь, убьешь, — кивнул Сандерс. — Я уже скинул контакты. Я устрою вам бой, если захочешь. Пойдем, Хлоя.

Звякнула висюлька над притолокой, пара киборгов вышла за дверь. Брызгая на пол кровью и какой-то технологической жидкостью, за ними захромал, как побитая собака, Стредлейтер.

— Кабздец, — сказал Хуеморген. — Дай сюда свои руки, псих ненормальный! Твою-то мать, ты совсем умственно отсталый — голыми руками рожу киборгу бить?.. Хорошо, костяшки не выбил! Погоди, у меня в машине в аптечке есть ультрапантенол, сейчас схожу.

Он пошел через заднюю дверь к стоянке, а я сполз по стеночке на пол, уселся на задницу, подул на разбитые кулаки и проговорил вслух, ни к кому не обращаясь:

— Охереть! Это я, значит, ненормальный? А турочку мою мять он — нормальный? Идиот самый настоящий!

Глава 13
Полицейский произвол

Оказывается, стать добропорядочным владельцем собственного заведения общепита здесь было не так-то просто. Даже — учитывая пиратскую вольницу Маяка. Именно поэтому многие предпочитали оставаться недобропорядочными.

Как минимум, я должен был сходить все к тому же участковому приставу и поставить-таки его в известность о переселении на новое ПМЖ, а потом пойти к нотариусу и заверить написанную от руки Хуеморгеном купчую на его закусочную. Ну и записать под протокол видео, в котором мы двое — бывший и нынешний владелец — в здравом уме и трезвой памяти подтверждаем, что теперь ночная закусочная «Еда и напитки» переходит в собственность Бабая Сархана. Остальное было делом техники — документооборот тут велся в электронном виде, и за денежку малую или великую местные акулы бюрократии были готовы оформить всё самостоятельно, только подписи расставляй!

На самом деле муниципалитет интересовали сугубо выплаты питейного и табачного сбора. Иных налогов для придурков, рискнувших вести бизнес на территории Хтони, не предусматривалось. Оружейный сбор тоже был, но меня он не касался. Зачем нужна была вся эта бюрократия? Потому что существовала ведь вероятность, что прорыв закроют и Хтонь уйдет. В этом случае пришлось бы вести дела на общих, сервитутских, основаниях с положенными выплатами в муниципальную казну. И, чтобы исключить все скользкие моменты на этот случай, мне и пришлось регистрироваться как предпринимателю.

Мы с Хуеморгеном приехали в управу Маяка на красном, исписанном матюгами, кабриолете, который принадлежал ранее шестеркам Щербатого. За рулем сидел гном, потому как моя манера езды могла кого-нибудь смертельно не устроить: отсутствие страха — не самый лучший помощник на дороге. К тому же я понятия не имел о местных ПДД и потому решил не рисковать. Одно дело — лихо свалить с места учиненного спонтанно побоища, а другое — изображать из себя респектабельного ресторатора, управляющего собственным авто.

Так что Фриц вел машину, а я любовался на городские пейзажи за окном. По всему выходило: чем ближе к КПП, который отделял Маяк от Нового Города, тем приличнее жили маяковцы.

Обжитая зона бывшего курортного района выглядела как корявый равнобедренный треугольник, биссектрисой которого и был Проспект, а основанием — высокая стальная решетка под напряжением, которая отгораживала подверженную хтоническому воздействию территорию от более-менее безопасных земель Сан-Себастьяна. У этого самого основания и сосредоточилась наиболее зажиточная часть населения Маяка. Они рассчитывали сохранить свои жизни и здоровье, и при этом получать все льготы и свободы, доступные району.

Конечно, безопасность остального сервитута была условной. На Сан-Себастьян мог пролиться хтонический дождь из гигантских сколопендр или спуститься туман, растворяющий всё, что было изготовлено, например, из алюминия или какого другого материала. Или — посреди оживленного перекрестка разверзнуться воронка с черной хищной жижей, втягивающей в себя все живое… Могли объявиться опасные подземные или летающие твари, которым побоку была ограда и другие наземные препятствия. Но происходило это редко, очень редко. В сто, двести раз реже, чем у нас, на Маяке.

На Маяке народ более спокойный и обеспеченный, стремясь получить иллюзию защищенности, расселялся вдоль ограждения, поближе к Новому Городу. Люди и гномы — вот кто это были в большинстве своем. Они ремонтировали жилые здания и открывали предприятия, порой даже целые небольшие заводики! Например — по переработке того же вторчермета, что собирала носатая-ушатая Кузина братва. Или — рефрижераторные цеха, где заготавливали драгоценные ингредиенты. Или — по производству альтернативного протеина на основе насекомых, например. Много чего тут было, короче. Экономическая жизнь кипела!

Но каждый такой объект неплохо охранялся, был защищен колючей проволокой, ежами из рельсов, мешками с песком и прочими фортификационными премудростями. Хотя — волны хтонических тварей, разбившись о решительность и воинственнось жителей наиболее опасной части Проспекта, докатывались сюда уже изрядно потрепанными и уничтожались местными раньше, чем доходили до полицейских, патрулирующих стену вокруг Нового Города.

Это мне напоминало смотренные в прошлой жизни видео и передачи про жизнь белых районов Южно-Африканской республики — где-нибудь в Претории или Йоханнесбурге: та же видимость внутреннего благополучия при полной готовности вцепиться в глотку внешнему врагу.

— Этим пофиг на разборки Густава со Щербатым, да? — задал я риторический вопрос, имея в виду местных

доморощенных буржуинчиков.

— Абсолютно, — кивнул Хуеморген. — Тут игроки посерьезнее.

— Типа твоей Формации? — глянул на него я.

— Типа Формации. Типа Зоотерики. Типа Скоморохов, — начал сыпать названиями гном.

— Это что — банды? Или корпорации? Все — киборги? — уточнил я.

— Типа банды, корпорации, кружки по интересам, магические тайные ордена, религиозные культы… Это сервитут, тут всяких ненормальных хватает. Просто на Маяке они могут особенно не скрываться, не прятаться под вывесками ай-ти центра или Клуба помощи бездомным животным, или Народного театра. Даже в Сан-Себастьяне нужно сохранять видимость соблюдения приличий.

— А на Маяке — не надо?

— Пф-ф-ф… — фыркнул гном. — Оценить притворство у нас некому. Ты давай, шуруй к своему Перепелке, а я пойду тачку пристрою одному местному прохиндею. Она нам и нахрен не всралась, лучше возьмем что-то простое и отечественное, полезное в хозяйстве, ага?

— Ага. Встретимся у нотариуса? — на всякий случай уточнил я. — Через полчаса.

— Давай, Бабай. Только не кидайся там ни на кого! — Фриц смотрел на меня с затаенной надеждой. — Это место приличное, государственное учреждение и полиция, как-никак!

Последнее его утверждение было довольно спорным, но я решил не акцентировать: с местными властями и стражами порядка мне на самом деле ссориться было совсем не с руки. Так что я выпрыгнул из кабриолета, подхватил картонную папочку с документами, пригладил волосы, поправил футболку — эх, забыл переодеть после смены — и потопал к крыльцу управы.

Какие они тут были няшные: рядом с крыльцом имелся пандус для инвалидов! Или тут водились киборги на шасси? Что они вообще могли закатывать в управу? Гроб на колесиках? В любом случае такая предусмотрительность не могла не радовать. Заботятся!

Над дверью торчали устрашающего вида турели с самыми настоящими многоствольными пулеметами Гаттлинга (по крайней мере — стволов была куча, и вращались они с таким же мерзким звуком, как в фильмах) и глазками камер. На заседающих в этом здании дам и господ, похоже, запрет на огнестрел не распространялся… Или это — только против тварей?

Механический голос из крошечной коробочки над дверью произнес:

— Назовите себя.

— Бабай Сархан, — я изо всех сил улыбнулся и помахал рукой, стараясь одновременно попасть в объективы обеих турельных камер.

— Цель вашего визита? — продолжал пытать меня голос.

— Ежемесячная регистрация угнетаемых национальных меньшинств и удовлетворение извращенных бюрократических желаний местной администрации.

— Ой, заткнись уже и проходи, трепло! — рявкнула коробочка над дверью голосом Перепелки. — Угнетенный, ять, нашелся! Шевели поршнями — прямо и направо по коридору. Дверь в кабинет — стеклянная, не разбей ее своей тупой башкой, ее только что вымыли!

Мне оставалось только станцевать ритуальные танцы в рамке сканера, сунуть ладонь в нутро идентификатора (оказывается, даже паспорт тут был не нужен!), сделать реверанс грозной пожилой тетеньке, которая сидела за монитором на вахте и повертеть башкой, чтобы понять, какое-такое «право» имел в виду вахмистр Перепелка.

Участковый пристав обнаружился быстро. Слишком яркая личность, однако! Он поманил меня хромированным пальцем из противоположного конца коридора, и я чуть ли не вприпрыжку помчался к нему, желая поскорее убраться из-под сердитого взгляда вахтерши. Кабинет вахмистра для этого прекрасно подходил. Вообще, полицейский неплохо обустроился: стеллажи с книгами, какие-то награды и статуэтки, плазменные панели, диванчик и огромный стол — капитальный, из массива, темный и внушающий уважени… СТОП!

Я затормозил буквально в последнюю секунду.

— ДВЕ…рь! — начал рычать Перепелка, имея в виду, что я уже должен был грянуться о невидимую преграду и или травмироваться сам, или повредить его драгоценные врата, но понизил тон, заметив мою осторожность.

— Мое почтение вашей уборщице, — сказал я, аккуратно тыкая пальцем в очень, очень прозрачное стекло, чтобы войти, и оставляя на нем разводы. — Как это она, однако… Хм, и надпись как будто в воздухе висит! А вас, оказывается, Кузьмой Демьянычем зовут? Здравствуйте, Кузьма Демьяныч. А у меня уже есть один Кузьма знакомый, но он гоблин. Вы, случайно, не родственники? А Кузьма — это прям популярное имя тут, да?

— Гос-с-споди Боже мой, — вахмистр на секунду спрятал лицо в руках. — И что в тебе нашел его сиятельство? Он связался

со мной с самого утра и попросил присмотреть, наставить, направить… А ты меня бесишь! Мало того, что клыкастый ублюдок, так еще и охламон каких мало! Чем ты приглянулся моему командиру, признавайся?

— Я присяду? — уточнил я перед тем, как взгромоздить свою задницу на диван.

Диван жалобно скрипнул. Перепелка нахмурился. А я пытался понять — каким боком вахмистр относится к отряду бравых опричников. Может — ветеран? И Воронцов ему поспособствовал при трудоустройстве в полицию? Вероятно, так.

— Наверное, я приглянулся светлейшему князю Георгию Михайловичу Воронцову тем, что спас от смерти его сына, — задумчиво проговорил я. — Других их сеятельств я не знаю, а с этим имел честь общаться лично. Но если что — я тоже не в восторге от того, что вы должны за мной присматривать. Может — разойдемся краями? Вы скажете, что присматриваете, я скажу что ага, мол, присматривают, и всё.

— Ничего не всё! Я займусь тобой, шут гороховый. Так и знай — с семи до девяти вечера ты будешь в моем распоряжении. В восторге ты там или не в восторге — мне похер.

— Но…

— Это не нравится тебе, не нравится мне, вообще, может, никому не нравится. Но это не имеет никакого значения. Его сиятельство хочет, чтобы твои шансы на выживание повысились? Добро! Я сделаю то, что в моих силах, хотя меня с души воротит от вида твоей рожи. Я не намереваюсь быть твоей нянькой, это точно. Выгребать будешь сам, я только научу тебя — как правильно грести. Точнее — попробую научить, потому как обещать что-то с таким ублюдским имбецилом, как ты, я бы и под страхом смерти не стал. Так что будешь ждать меня каждый вечер, и я посмотрю, на что ты годен на самом деле. Все эти клоунские видосики, где ты разделываешь под орех местную шпану и пару жалких псин… Настоящему бойцу сразу видно, что ты циркач, а не воин.

— Так вы тренировать меня собираетесь?! — удивлению моему не было предела.

Вот это новости! С чего вообще князь Воронцов вообразил, что мне нужен кто-то вроде Перепелки в роли наставника? Я вроде как и так неплохо справляюсь! И что вообще может этот солдафон? Палить из бластера и пускать молнии из задницы? Так мне ни то, ни другое не пригодится, потому как магией не владею, а огнестрел — под запретом!

— Я собираюсь выбить всю дурь, которую вколотили в тебя те клоуны, что учили владеть мечом, и дать несколько уроков,

которые помогут тебе выжить, да. Но — не более того, — вахмистр откинулся за столом, разглядывая меня обоими глазами — живым и кибернетическим. — Ты что — гладиатор? Я пересматривал видео с твоими боями… Ты красуешься! Небось, Резчик выставлял тебя драться на потеху толпе, а?

Хитер, старый сукин сын! Как он мигом раскусил мое арт-фехтование? Ну да, ну да. Мы не учились убивать мечами, шпагами и саблями. Мы учились делать красиво! Радовать людей звоном клинков и эстетикой боя! Но какое к этому всему отношение имеет Перепелка? Ладно, черт с ним. Посмотрим, что такое новенькое он сможет мне преподать. В конце концов, даже настолько совершенное в плане физических кондиций тело, как тушка полуорка Сархана, постепенно придет в негодность, обрюзгнет и ослабеет, если не тренироваться регулярно!

— Что ж, я согласен, — кивнул я. — Но я пришел, чтобы зарегистрироваться.

— Ты что, думаешь, что я тупой? Думаешь, я не знаю, что ты приобрел забегаловку на княжеские деньги и поколотил одного из боевиков Формации? Я уже поставил галочку напротив нужного адреса и завтра проверю — на месте ли долбаный сейф для твоей корявой кочерги, которую вы, уруки, называете почему-то мечом. Шуруй давай к нотариусу, образина.

— Грубиян вы всё-таки, Кузьма Демьяныч, — с сожалением заметил я.

— Грубияном я был бы, если бы ругался матом при дамах. Или вытирал хер об твои занавески, — резонно заметил Перепелка. — Ты давай там, готовься к экзекуции. Тебе предстоят два часа страданий.

И сделал такой небрежный жест ладонью, одними пальцами махнул, очень вальяжно — мол, выметайся отсюда. Высокомерный расистский старый пердун! Но мой заход про занавески вернул классно, тут да, красавчик. И этот типус будет моим наставником, сенсеем, учителем? Моим Йодой и Оби-Ваном? Вот это подфартило, так подфартило!

Я поднялся с дивана и решительно зашагал на выход.

— ДВЕ…рь! — раздался мне в спину негодующий вопль.

— Да помню я, помню! — я остановился, подышал и поплевал на край футболки и вытер след от пальца на дверном стекле.

Ну, как — вытер? Чертова футболка была не очень свежей, как оказалось. Так что вместо крохотного следа от пальца я развазюкал там добрую такую пляму из кетчупа. Ну да, я в этой футболке ночь отработал, дал возможность Хуеморгену отоспаться после пережитого стресса. Ажиотаж на хот-доги не уменьшался, я совал сосиски в булки как проклятый — вот и не

углядел, заляпался. А на черном оно не очень-то видно! А на прозрачном стекле — очень.

— Неловко получилось, — оглянулся я на хозяина кабинета. — Оно само, я не специально.

— Иди нахер, Бабай! Просто иди нахер!!! — заорал Перепелка.

А у нотариуса мы пробыли буквально минут пять: очереди никакой не наблюдалось, мало было желающих открывать, покупать или продавать бизнес на Маяке. Только мы с Хуеморгеном. Так-то народ больше бизнесменами становился явочным порядком: явился, занял помещение, притащил оборудование — и вуаля! Бизнесмен готов. Иногда нужно было прирезать предыдущего хозяина заведения или просто турнуть его нахрен, как собирались сделать киборги из Формации — но это уже частности.

Короче, вышел я из управы уже ресторатором. Название забегаловки «Еда и напитки» меня не устраивало, так что я скромно вписал в эту графу такое замечательное и емкое слово «ORDA». Теперь моя жизнь принадлежала Орде, и это было прекрасно.

* * *

Я снова не выспался — первая ночь в качестве владельца собственного заведения выдалась адова, кофе на песке и хот-доги улетали со страшной силой, и мне под утро уже хотелось вставить в глаза спички, а ноги, которые гудели, как два паровоза, заменить на другие, поновее. Еще и скотина Фриц с хитрой рожей свалил куда-то часов в шесть, имея за пазухой три моих косаря денег. Ладно, ладно — не моих. Своих. Он явно хотел замутить какую-то махинацию и поднять кучу бабла. И не хотел помогать мне за прилавком. Умчался в вечерний полумрак — только его и видели! Его — и тридцать палладиевых монет номиналом в сто денег.

Палладиевые монетки — это, конечно, было интересно. Денежками разных номиналов из вольфрама, молибдена или экзотического рутения вдобавок к более-менее привычным золотым, серебряным и платиновым тут было никого не удивить. Весь фокус местной валюты был в том, что монета стоила ровно столько, сколько стоил кусок металла, который она собой представляла. Ну да, что касается местной цены и редкости тех или иных химических элементов — здесь я был полным профаном, но не верить словам Хуеморгена смысла не было, а он

пояснил мне всё именно в таком ключе. Вот уж действительно — твердая валюта!

Этой самой твердой валютой я и получил — прямо в лоб. Перепелка ввалился в мою комнату ровно в семь и как способ побудки избрал швыряние в меня мелких монеток: четвертаков и полушек.

— Вика! — сказал я спросонья. — Что за фигня?

И натянул одеяло на самую голову. А потом подумал — причем тут Вика?

— Ах, Ви-и-и-ка! — мерзким голосом проговорил Кузьма Демьяныч. — Тебе еще и бабы дают, что ли? Ты морду пакетом в эти пару минут закрываешь?

— Э! Что значит — пару минут? — возмутился я, постепенно приходя в сознание.

Но поздно! Хромированная рука киборга ухватила меня за лодыжку и стянула с кровати совершенно безжалостным образом. Я, мать его, ляснулся хлебальником о пол от неожиданности, тут же вывернулся, пнул другой ногой наугад, куда-то попал, перекатился, сшибая все на своем пути, и вскочил на ноги в одних труселях.

— Ять! Господин вахмистр! Что это за полицейский произвол?! — взревел я, воздевая руки к небу и намереваясь обрушить на старого служаку весь свой гнев.

— Вижу — проснулся! Лови! — он швырнул мне в руки что-то смутно напоминающее полуторный меч.

Я машинально ухватил оружие и крякнул от удивления: тяжеленькая хреновина, тяжелее карда раза в два! Даром, что деревянный и тупой как… Как дерево!

— Поднимайся на крышу, я там буду тебя избивать, — сказал Перепелка, похлопав ладонью по эфесу точно такого же меча у себя за поясом.

И ни разу не соврал, сволочь такая.

Глава 14
Подопытный кролик

Я штукатурил стену кафешки и думал о том, что не справляюсь один. Необходимость расширяться встала передо мной в полный рост, и найти пару толковых работников — это должно было стать для меня первоочередной задачей. Хуеморген полностью устраивал меня как снабженец, но что касается готовки и работы с клиентами — гном тут не годился. Еще он оказался хорош в строительных и ремонтных работах — как всякий представитель племени кхазад, но в данный момент отсутствовал, так что орудовал шпателем я самостоятельно.

Мне хотелось, чтобы «Орда» выглядела прилично. Были идеи по поводу вывески и внутреннего убранства, но для начала я решил привести в порядок фасад и прилегающую территорию. Чем и занимался — во второй половине дня. Кафешка-то у меня была ночная, так что ритм жизни устаканился сам собой: работа с десяти вечера до шести утра, сон с семи до трех, потом — какое-то личное время, которое я вроде как должен был тратить на себя, на самосовершенствование и адаптацию, но по факту — вкалывал аки краб на галерах с мастерком, шпателем или пилой в руках. Ну, и с семи до девяти — получение трындюлей от Перепелки.

Киборг был пунктуален и аккуратен. Два часа — и ни секундой больше. Похоже, он действительно служил в каком-то спецподразделении, которое почему-то специализировалось на ближнем бое, а точнее — на фехтовании. Техника у него была выверенная, совершенная, логичная. Единственный рисунок боя, при котором я держался против него более одной минуты — это длинная, яростная атака всеми известными мне связками и комплексами, на максимальной скорости. Он, конечно, всё равно ловил меня на какой-нибудь ошибке, но в целом признавал, матерясь, что мой стиль — именно такой. И при помощи тяжелой деревяшки и бесконечных гематом и ссадин исправлял ошибки и излишнее «пижонство», привитое арт-фехтованием. Хотя — иногда со странным выражением глаз просил повторить тот или иной финт или пируэт — а потом им же, только исправленным и дополненным, вбивал меня в бетон крыши.

Да, да, мы опять тренировались на крыше. Кузе я надрал уши — и он наши тренировки не снимал, а вот от зевак деваться было некуда: порой они стояли прямо на противоположной стороне Проспекта и под пивко и сигареты наблюдали за нами час-другой, комментируя наши схватки. Бесили жутко.

А еще меня бесила жара. Всё-таки лето в Причерноморье — жаркое, солнце как будто гвозди в башку забивает! У орков всех видов вообще сложные отношения с солнцем, если честно. Мы, уруки, переносим его вполне стоически, волдырями не покрываемся и в камень не превращаемся, но палящие яркие лучи выматывают и раздражают. Так что я стянул футболку и замотал ее на башку на манер бессмертного палестинского лидера Ясира Арафата.

— Но мы подымем, гордо и смело
Знамя борьбы за рабочее дело!
Знамя великой борьбы всех народов

— «Варшавянка» прицепилась ко мне намертво, и даже перемазанный в растворе и балансирующий на самопальных строительных лесах, сколоченных из обломков мебели, я продолжал напевать ее себе под нос.

— Здравствуйте, — раздался нерешительный молодой голос. — Я ищу Резчика. Не подскажете, как мне найти Резчика?

Я медленно развернулся и с высоты лесов глянул на спрашивающего. Это был вполне приличный молодой человек, с иголочки одетый во что-то вроде френча, брюк и лакированных штиблетов. Лет двадцати пяти, белокурый, с правильными, интеллигентными чертами лица… Не вписывался он в реалии Маяка, совсем.

Тяжко спрыгнув на грешную землю, я приблизился к нему на расстояние вытянутой руки.

— А что нужно от Резчика? — пахло от него хорошим одеколоном и оружейным маслом.

Точно таким же, каким пахли опричники. С одной стороны — это успокаивало, с другой — настораживало.

— Мне посоветовал найти Резчика Николай Воронцов, он сказал — только Резчик помог…

— ЯТЬ! — не сдержался я и глянул на свое правое предплечье.

Что за чертовщина? До сих пор ничего не было — и вот сейчас, серьезно? Рядом с загогулинами, обозначавшими убитых врагов и прочие великие деяния вдруг в эту самую секунду проявились четыре крохотных символа: красненький крестик, змейка над чашечкой, жезлик асклепийчика и зелененький клеверочек. Реально — маленькие. Как это работало, я понятия не имел, но, похоже, расчет был на то, что насовершаю я немало славных и дурацких дел. По крайней мере, у сожженного в покрышках Садзынара Резчика руки были забиты очень плотно от

запястий до плечевых суставов — обе! Правда — хрен упомнишь теперь, что там были за узоры, но…

— Николай, значит? Воронцов? — я подул на предплечье, полыхающее золотым огнем.

Парень глядел на меня во все глаза:

— Это вы — Резчик?

— Видимо, я, раз больше некому. Пошли за мной… Как, бишь, тебя там? — я сделал пару шагов по ступеням крыльца и обернулся.

— Лаврентий… Иванович. Нейдгардт, — оглянувшись, тихо закончил он.

Еще один аристократ? Очень похоже на то.

— Пошли за мной, Лаврентий. Кофе на песке пьешь? — я открыл дверь, висюлька снова тилибомкнула. Уничтожу когда-нибудь, честно слово! Такая раздражающая хрень — сил нет!

— Я? — удивился Лаврентий. — Почему это я — хрень?

— Не ты — висюлька! Бесит, понимаешь? Телепается туда-сюда, тилинькает, за макушку задевает… А ты — никакая не хрень, ты парень вежливый и приличный, кажется. Ты приличный парень?

— Э-э-э-э… — замялся Нейдгардт. — Наверное — да.

— Так чего пришел-то? — я занял место за стойкой, чтобы удобнее было готовить кофе, молодой аристократ уселся на один из высоких барных стульев. — Коленька-то в бессознанке был, когда я его видел первый и единственный раз. Его рекомендация для меня — так себе аргумент.

— Да я всё понимаю… Я просто… Знаете, как всё было? Хотите, расскажу? — вскинул голову парень.

Я понятия не имел, что он имеет в виду, но на всякий случай кивнул. Глубоко вдохнув, Лаврентий свет Иванович из славного рода Нейдгардт, начал вещать:

— Сначала у него поднялась очень высокая температура. Он горел, в буквальном смысле этого слова, простыни тлели! Поликарпыч с ума сходил, не знал — что делать! Уже хотели тащить в ледяную ванную — как вдруг красный крестик мигнул золотым, вот точно как ваша рука пару минут назад, и исчез. А Коля сильно вспотел, очень сильно, вроде как даже похудел на глазах — и жар спал! Он уснул! Тогда уже примчался его светлость, и Розен ему всё рассказал — что, мол, были в сервитуте у молодого Резчика. Тот их испепелить хотел, но Поликарпыч поклялся, что — помогает! Потом и вспомнить страшно — начал Коля, простите, блевать и испражняться, и из пор пот пошел — черный! Это из него, похоже, Немочь выходила. У него выпали все волосы — включая брови и ресницы,

отвалились ногти, начала отшелушиваться кожа — просто страх. А змейка эта — с чашечкой — мигнула золотом и исчезла. Коля провалялся что-то около суток, потом проснулся и потребовал еды и воды. Ему принесли бульон, но он запросил жирного мяса, и Поликарпыч дал отмашку, мол, можно! Знаете, сколько Коля сожрал? Я по-другому и сказать не могу, там именно так всё и происходило… Пять кило свинины за два часа! Потом попросил молочного — и впитал еще два кило творогу. На это было жутко смотреть, но — у него волосы стали расти, понимаете? И ногти! Был совершенно лысый парень — и вдруг поперло! Я видал такое у Зоотериков, но там не то… Тогда замигал посох, ну, тоже — со змейкой. Почему змейка, кстати? Ну, да ладно… В общем, когда он доел — то изображение исчезло. Остались только листочки.

— Та-а-ак? — я налил кофе ему и себе во вполне приличные белые чашечки на белых же блюдечках. С голубой каемочкой. — И что?

— И вот, когда у меня возникла некая неразрешимая трудность — я поделился с Колей, он уже почти совсем оправился, даже выходит гулять в сад, хотя приступы слабости и накатывают… В общем, он сказал искать вас. Тогда-то клеверочек и исчез. Пуф! Как и не было, только золотистые искорки во все стороны. О! А какой идиот помял турочку? Такая ведь изящная вещь! Хотите — поправлю? — турочка стояла тут же, на стойке, как напоминание и немой укор.

— А получится? — засомневался я. — Это один киборг, ненормальный вообще. Пальцами своими. Как вспомню — зло берет!

— Это — получится, — грустно сказал Лаврентий.

— Ну, бери тогда, исправляй, — мне было интересно, что он предпримет, но того, что произошло в следующие несколько секунд я точно не ожидал.

Турочка взмыла в воздух сама собою, повинуясь одному лишь взгляду Лаврентия. и зависла у него перед лицом. Металл издал еле слышное «тин-н-нь», и как будто размягчился, поплыл. Медь постепенно возвращалась в форму, приданную ей мастером, как будто и не было на нее воздействия железных пальцев идиота!

— Вот так как-то, — улыбнулся Лаврентий. — Проблема заключается в том, что я ничего особо больше и не могу. Я — пустоцвет.

— Нихера себе — пустоцвет! — я пятерней выхватил турочку из воздуха и принялся ее осматривать на предмет повреждений. — Ты — чертовски хорош! А что еще можешь? Из того, что «не особо?»

— Я же говорю — почти ничего. Телекинез, взаимодействие с

материалами до килограмма массой на расстоянии до двадцати метров. Такой вот хреновый маг.

— Так это! Можно ж пистолеты там, гранаты… — я осекся, увидев его скучающее выражение лица. Он же был опричником! — А! Этим и занимаешься, да?

— У меня бой с Ермоловым. Дуэль из-за дамы. Он — мощный темный, сотрет меня в порошок. Единственный шанс — отрубить магию нахрен, — решительно сказал он. — За тем к вам и пришел. Если выдержу хотя бы один удар — то я ему наподдам.

— Вот как! — я отпил кофе и задумался. — То есть, ты уверен, что на кулачках уделаешь его?

— На кулачках — нет. На мечах — вполне. Ермоловы последние пару поколений слишком мало внимания уделяют благородной стали, Клавдий — не исключение. Боевой маг, каких поискать, но меч он носит только для проформы. Потому и поплатится… Поможете мне?

После того, как он починил турочку — как я мог ответить ему отказом? Но предупредить был обязан:

— Я понятия не имею, сработает ли это, и вообще — как оно действует. Это не будет классическая татау урук-хая. Я не могу взять на себя ответственность и сказать — вот в таких условиях на такое время ты будешь защищен от магии…

— Я понимаю. Вы — ученик, многого не усвоили. Но я видел эффект от вашей работы, и это впечатляет! Делайте. Я в долгу не останусь… Если жив останусь, — грустно скаламбурил он.

— Жди здесь, схожу за стилом и колорами. И дверь закрой, а то знаю я их — проглоты! Жрут хот-доги, как будто внутри черная дыра!

— Хот-доги? — заинтересовался Лаврентий.

— Сделаем дело — угощу тебя! — во мне проснулся дух авантюризма.

Давно пора было начать эксперименты с татуировками, но как-то не складывалось. То одно, то другое… Да и подопытных не было, разве что беспредельщиков-снага ночью в подворотнях поотлавливать и члены на лбу понабивать… Или какую другую бяку. Но тут — сам пришел, сам попросил. Видео под протокол запишем, парень — совершеннолетний, если в опричниках служит. Идеальные условия. Да и помочь — постараюсь, была у меня одна задумка…

Я оставил Лаврентия в торговом зале, а сам сходил в свое секретное место, туда, где под отвратительной кучей мусора, в ямке под бетонной плиткой прятался наборчик юного Резчика. Ящичек в герметичном пакете перекочевал ко мне под футболку, я, оглядываясь поминутно и ускоряя шаг, вернулся в «Орду».

— … а я ему говорю — говно эта Формация, мажоры и маменькины сынки, наделали приблуд за родительские деньги и считают себя вершиной эволюции! Те же Скоморохи — сколько труда вкладывают при минимуме таланта? Во-о-от! — вещал Хуеморген.

— По мне так тоже — гнать их в шею, эти железячников. Есть правило — не более двадцати процентов функционала организма можно заменить без спецразрешения. Это не зря придумали — правила кровью написаны! — кивал молодой Нейдгардт. — Но они нашли лазейку и расползлись по сервитутам… Это до добра не доведет. Съехавшие киборги — это мы видели в Толедо, Пусане и Буэнос-Айресе…

— А вы там были? — поерзал на стуле гном.

— В Пусане — был, — мрачно кивнул Лаврентий.

Оказывается — парень с боевым опытом! С другой стороны — а бывают другие опричники? Информации по ним страшно не хватало, мне вообще стоило углубиться в местные реалии в плане теории государства и права, социологии, геополитики и всего такого прочего, но как-то хватало других дел, сиюминутно более важных и интересных.

К Хуеморгену я подкрался неслышно. Настолько, насколько урук вообще может быть неслышным.

— Вот ты где, дорогой дядюшка Фриц! А я-то думаю, кто стену доштукатурит и плитку на крыльце положит, м? — зверским шепотом проговорил гному в самое ухо я, одновременно положив руку на его широкое крепкое плечо.

— А й-о-о-о-п твою Бабай налево! — подпрыгнул он на стуле. — Ты чего крадесси? Я чуть не обосралси! Тьху на тебя, Бабай, нехороший ты урук, противный и неприятный! Я тут собеседника нашел наконец толкового, который в раскладах местных смыслит, не то, что ты — дубина стоеросовая…

— Шпатель в руки, марш-марш! — скомандовал я начальственным тоном. — Я теперь тут главный. Ты кто? Наемная рабочая сила. Я тебе что обещал за исполнение несвойственных твоей должности обязанностей? Рабочий автомобиль. Что ты там взял вместо кабриолета? Пикап? Вот, красиво сделаешь фасад — пикап переходит в твое пользование.

— Так он и так… — заикнулся гном.

— Так я ж заберу. Сам буду ездить! — осклабился я.

— До первого столба… — хмыкнул Хуеморген.

— Сам не гам, и другим не дам! Я — злой и страшный серый орк, я в тунеядцах знаю толк! Ар-р-р!!! — замотал головой я.

— Я не тунеядец! — возмутился гном. — Я тандыр тебе нашел! Электрический! И где моя благодарность?

— Вот, какой молодец! Не зря я тебя нанял, оправдываешь доверие. Я тебе премию выпишу. В грудную клетку. Вперед, кхазад! Шпатель в руки и мену зираму гамильдул!

Это было что-то вроде «пусть помогут тебе предки», но сказать наверняка было сложно. Так, краем уха услышал в подворотне.

— Фу, какое произношение, какой вульгарный выговор… — заворчал гном, но переодеваться — пошел.

Лаврентий Нейдгардт всё это время смотрел на нашу пикировку, не понимая — мы всерьез лаемся или это шуточки такие. Под конец он уже откровенно усмехался, и когда Хуеморген свалил, уточнил:

— Это тот самый Хуеморген, да? Легендарная личность.

— Легендарная, точно, — согласился я. — Повезло мне с ним — до чертиков. Пойдем в подсобку, попробуем помочь твоему горю.

— Пойдем, — с готовностью подорвался со своего места Лаврентий и даже принялся закатывать рукава.

— Но сначала — запись под протокол об отсутствии претензий, ага?

— Ага… — грустно проговорил он.

Вообще — если подумать, он ведь явно был в отчаянии! Обратиться к какому-то молокососу-уруку, приехать прямиком в Хтонь, завалиться во второсортную забегаловку… Для аристократа — нонсенс! Еще и без охраны, пешком… И держался со мной запросто. Может, он сам по себе — человек неспесивый, а может — делал мощное усилие, чтобы не плюнуть в рожу проклятому уруку, кто знает? Так или иначе, достойный наследник именитого рода Нейдгардтов отбарабанил на камеру про то, что в здравом уме и трезвой памяти обратился к Бабаю Сархану, ресторатору и Резчику, с просьбой нанести на правую руку татуировки, и потому последствия сего деяния полностью берет на себя и претензий иметь не будет.

А потом я усадил его за стол, сам сел рядом, положил на колени ящик с волшебными резчиковыми прибамбасами, провел пальцами по полированной поверхности, ощущая некий необъяснимый внутренний трепет… Щелк! Шкатулка раскрылась, и стило засияло в мутном свете настольной лампы инкрустированными причудливыми самоцветами и бронзовым корпусом. Я видел, как горели любопытством и азартом глаза у Лаврентия. В голове прозвенел тревожный звоночек: он же маг! А ну как захочет прибрать к рукам?

Но Нейдгардт не дергался. Сидел смирно, как мальчик-отличник на уроке. Я взял в руки стило и…

— АУЧ! — снова острый шип впился мне в ладонь, и кровь окропила колдовской прибор, а после — впиталась в самое его нутро.

Я установил новые иглы, разобрался с колорами, включил-выключил машинку, подул на покоцанную злой тату-машинкой ладонь:

— Никогда не привыкну, наверное… Снимай этот свой лапсердак… Кардиган? Кафтан? Камзол? Тоже нет? Какая в жопу разница — снимай, говорю, будем сейчас делать тебе защиту от магии.

— А что мы будем…

— Понятия не имею. По наитию.

По наитию я сделал ему красный браслет-ниточку на запястье, как те, которые втюхивали у нас цыганки на набережной, еще — булавку, типа зацепленную за кожу — от сглаза, и символ атома: точечку и три эллипса вокруг. Такая идиотская смесь суеверия и чистой науки просто обязана была сработать!

По крайней мере, золотом она засияла.

— Ого! — сказал Лаврентий. — Что-то получилось! Пойду надирать задницу Ермолову хотя бы с некоторой надеждой…

— Эй, выше нос, ты, кусок мяса! Тебе сделал великое и ужасное тату самый могущественный и умелый Резчик Сан-Себастьянского сервитута! Ты намотаешь кишки этого Ермолова на кулак и сожрешь его сердце, смекаешь? У тебя просто нет другого выхода, ты обречен на победу! Ты теперь даже круче, чем Боярский в роли Д'Артаньяна! — я похлопал его по плечу, завершая таким образом вдохновляющий спич. — Пошли, еще кофе бахнем.

И мы пошли. И он даже не спросил, кто такой Боярский.

Глава 15
Подержи мое пиво

— Ты такой большой, страшный, но нежный и внимательный, — проговорила Кристинка, уткнувшись мне носом в шею и щекоча кожу горячим дыханием. — А Густав — он дурак какой-то. А как темного пива напьется своего — так и вообще неспособный. И табачищем от бороды разит, и бензином. И не только от бороды. И вообще — он маленький и толстый, а ты…

Черт меня дери, откуда в бабских распрекрасных головушках берутся идеи про то, что мужику, который в данный момент лежит рядом в постели, приятно слушать про кондиции и забабоны какого-то другого мужика, который ее периодически имеет? Или имел. Или — будет иметь. В какой момент это начинает казаться им логичным? Типа — о, мы классно провели время с этим парнем, расскажу-ка я ему про член своего бывшего! Нет, это вообще ни в какие рамки. Если бы я начал сравнивать сиськи Кристинки с сиськами Ипатьевны, например? Нет, нет, я не имел Ипатьевну, я ж не самоубийца, но сам принцип! Может, они думают, что это должно нам, мужикам, льстить?

Короче, это была изначально гнилая затея — спать с чужой женщиной. Хотя я поначалу как бы и не знал, что она с кем-то мутит. А потом, когда узнал, вроде как это было бы уже ханжество — строить из себя святую невинность. Но — так или иначе, заканчивать с этим стоило. Конечно, Кристина была очень приятная дама, на ощупь, на запах и на вид, но, несмотря на медицинское образование, некоего базового разумения ей, определенно, не хватало.

Я спустил босые ноги на пол, сел на диване:

— Я, пожалуй, пойду.

— Бабай? Что случилось? Ты чего? Густав в Адлер уехал, его два дня не будет, мы могли бы…

— Не могли бы. Это вообще — черт те что, если честно. Если это продолжится — мне придется его убить, понимаешь?

— Убить? Что ты такое говоришь? — она тоже села, укуталась в одеяло и теперь смотрела на меня широко распахнутыми глазищами. Хороша!

— То и говорю. То, что мое — мое. Больше ничье. Я за медную турочку размозжил голову киборгу из Формации, как думаешь, долго я смогу делить женщину с кем-то?

— Я от него не уйду. И к тебе не пойду. Как я буду с уруком жить? Что люди скажут? — замотала головой она.

— Вот именно, — я встал, сверкнув голой задницей и не менее голой передницей, прошелся по комнате, нашел джинсы и футболку, оделся. — Если там нужно что будет: тяжести потаскать, рожу кому набить, кофе напоить — обращайся, по-соседски. А так, думаю, на этом — всё.

— Как — всё? Ну, ты и козёл, Бабай! — она швырнула мне в спину подушку. — И футболка у тебя дурацкая!

Ну да, футболка вообще была не в тему. Или — в тему? На сей раз надпись гласила «YA VSEGDA BUDU TVOIM POVODOM NAPIT'SYA». Символичненько.

— Я всё расскажу Густаву, и он убьет тебя! — закричала Кристина.

— Не факт, — обернулся я. — А вообще…

Вот же гадство! Она плакала! Ну что с этими бабами не так? Или это со мной — не так? Остаться и утешать? Это — ловушка. Как говорится — кто курит, тот кончит раком, а кто не курит — оттягивает свой конец. Я конец оттягивать не собирался, а потому в пару шагов пересек комнату, вышел в коридор, подхватил ботинки и, как был, босиком, чтобы не терять время, сбежал из квартиры.

* * *

Отгремевший недавно Инцидент был каким-то скучным: ну, крысы, ну со скорпионьими хвостами… Ну — много. Народ настрелял их целые горы, я тоже нашинковал тех, что пытались добраться до запасов продовольствия и проникали в «Орду». Заработать на них можно было сущие гроши, и для этого пришлось бы цедить яд из жал: сто миллиграмм торговалось примерно за две сотни денег. Гоблины так и шныряли по улицам с какими-то пипетками, а в целом жителям Проспекта уже спустя час после того, как последнюю крысу укокошили, было насрать на опасность, и они в обычном режиме принялись восстанавливать пострадавшее от тварей жилье и другое имущество.

Наплыва посетителей можно было не ожидать, и именно поэтому я оставил «Орду» на Хуеморгена и отправился проведать Кристину. Проведал! Теперь вот шел обратно, как обосранный, и вертел головой во все стороны, выискивая, чья же рожа просит кирпича. Немотивированную агрессию срочно нужно было куда-то деть, я даже думал за кофе-машиной в Хтонь сходить, если ничего не подвернется. Карта-то у меня была!

Но — приключения оказались куда ближе, чем неведомый торговый центр в восьми кварталах от Проспекта, где, по словам

гоблиненка Кузи, располагалось кофемашинное Эльдорадо.

Толпа каких-то ушлепков отрабатывала ногами по ребрам моего хорошего знакомого — Витеньку! Витенька был завсегдатаем «Орды», пил много пива, ел много чипсов и работал в продуктовом магазинчике кассиром. Вообще-то он казался парнем неплохим, хоть и пьющим. А потому:

— А ну, не трожь Витеньку! — заорал я. — Семеро на одного? Вот я вас!

И тут же ворвался в толпу, раздавая гулкие, но легкие лещи и затрещины. Почему — лещи? Потому что это были явно малолетки, лет семнадцати-восемнадцати, никаких колюще-дробящих предметов у них в руках не было, и Витеньку они били скорее для острастки, а не чтоб прикончить. Может — он сам виноват? Но это не повод бросать парня в беде.

— ДАЦ! ШЛЁП! ГДАК! — орочьи огромные ладони состыковывались с причудливыми прическами, татуированными и пирсингованными рожами, худыми шеями местной молодежи, производя самый необходимый сиюминутный воспитательный эффект.

— Валим, валим отсюда! — кто-то выкрикнул это первым, воля к победе была сломлена. — Ну его нахер!

И толпа пацанов, морщась и потирая синяки и ушибы, ринулась в одну из бесчисленных подворотен. Я протянул Витеньке руку:

— Подняться можешь? Как сам вообще?

И тут, мать его, из рукава витенькиной безразмерной кофты ко мне потянулось осьминожье щупальце!

— И шо это за нахер? — поинтересовался я житейским тоном.

Страха не было. Угрозы от парня я не ощущал. А осьминоги там всякие и кальмары — это что? Это пустяки, дело житейское. Вон, Лаврентий турочку силой мысли исправить смог, а я татухи волшебные делаю. Что мне какие-то щупальца?

— Это не нахер, это я. Это мое щупальце, — сказал Витенька. — Что — тоже бить меня будешь?

Щупальце спряталось, вместо него высунулась нормальная ладонь, я ухватил за нее и поднял парня на ноги.

— Несладко тебе пришлось?

— Несладко. Сначала с работы уволили, потом — отбуцкали. Охеренный сегодня день! — почесал разбитую башку Витенька.

— Пошли раны твои обработаем, что ли? — предложил я.

— Всё херня, Бабай. Я — осьминог. Мне похер. Смотри: никаких ран, а? — и действительно, ссадины на лбу и гематомы на лице в тот же момент начали зарастать и рассасываться. — Шо, страшно? Противно? Хочешь тоже меня отбуцкать?

Таких каминг-аутов мне еще слышать не приходилось. Живет себе парень, продавцом работает, в кафешке пиво с чипсами употребляет, а потом — здрасьте, я осьминог. Новости так новости!

— Витенька, ты с дуба рухнул? Я — полукровка-урук, с чего бы мне переживать за то, что кто-то там, к примеру, полукровка-осьминог? — сказал вслух я. — Что дальше делать будешь?

— Работу искать? — пожал плечами сей странный вьюнош. — Уволили без выходного пособия, завтра — день зарплаты, но хрена с два мне Юрьич ее выплатит. У тебя работы для меня нет?

Однако! Не, ну мне нужен был работник, но Витенька…

— А за что тебя уволили? — спросил я.

— За пьянку, известно за что. Ну, шеф увидел, что я пиво на работе пью. А я постоянно пью, организм такой! Ну, могу водичку хлебать, но это не прикольно, понимаешь? Газировка тоже — абы-что, если честно. Соки — сплошная химия, даже тут. Да и вообще, сладкое я как-то не очень… А пивко — ну, мне нравится. Алкоголь все равно не берет меня. Но ты поди этому деревенцу объясни за метаболизм! Он давай орать на меня, я — на него, потерял контроль, ну и… — из рукавов Витеньки полезли щупальца. Он пошевелил ими в воздухе с самым печальным видом, и вздохнул: — А дальше сам понимаешь. Говорит, что я бесхребетный, скользкий тип, да еще и пьющий! Мол, нахер ему такие работники.

Что-то не стыковалось, потому я прищурился и внимательно заглянул в глаза бесхребетному Витеньке. Тот потупился:

— Ну да, я воровал пиво на складе! И что теперь мне делать? Ну, я из зарплаты бы возместил. Наверное! Теперь не возьмешь меня на работу?

— А я собирался? Хотя-а-а-а… — мне вдруг стало дико смешно. — Знаешь — анекдот про хамелеона, который пришел в бар?

— Не. Расскажешь? — парень дернул головой, и мы пошли в сторону «Орды».

— Короче, приходит хамелеон в бар, начинает выпендриваться, менять цвет, маскироваться, мол — никто так не может! Тут осьминог встает из-за барной стойки, и говорит: «Подержи мое пиво, подержи мое пиво, подержи мое пиво, подержи мое пиво…»

— Я-а-а-ать, Бабай!

— …подержи мое пиво, подержи мое пиво, подержи мое пиво…

— А-а-а-а-а, ну что за тупость?

— …подержи мое пиво!

Парень остановился, хмыкнул, его рот вдруг растянулся в улыбке:

— Типа, восемь стаканов? Ы-ы-ы-хыхыхыхы! — дальше он шел и ржал, похрюкивая, сбрасывая напряжение и беды прошедшего дня.

Юмор никогда не был моей сильной стороной, но иногда, в тяжелые минуты, нужен только повод, чтобы поржать или разрыдаться. Внутри уже все готово, и главное — нажать на правильную кнопку. Хорошо, что он не рыдал. Плачущий осьминог — это был бы перебор.

Когда мы подошли к «Орде» и я взялся за дверную ручку — новую, медную, начищеннную, очень органичную на массивной дубовой двери — мне пришло в голову обернуться и сказать:

— Но если попробуешь воровать и у меня тоже — я сделаю из тебя суши, так и знай, — и погрозил ему пальцем.

— Какие-такие суши? — удивился парень.

Тут что, с японской кухней не знакомы? Тут есть вообще Япония или как? В любом случае — пришлось уточнять:

— Какие-какие… Тако-Нигири, ясен хрен.

— А-а-а-а… — протянул Витенька-осьминог, как будто что-то для него реально прояснилось. — Тогда ладно.

* * *

Узнав о том, что я собираюсь нанять нового работника, Хуеморген закатил мне скандал:

— Ты охерел брать на работу Зоотерика? Ладно, ладно — он бывший! Но это-то еще хуже, если не в секте — значит, без поводка, его никто не контролирует! Ты знаешь, что они все нахер отшибленные? Тебе мало проблем с Формацией, хочется и с этими терки иметь? Он кто вообще — вервольф? Нэко? Песьеглавец? Кентавр?

— Осьминог, — сказал я.

— Шо? — глаза шебутного кхазада стали величиной с крупную монету. — Какой осьминог? Такие бывают?

— Получается — бывает. Не гони, Хуеморген, это ж Витенька! Наш парень! Слушай, ну ты говорил, что нам рабочих рук не хватает, и я нашел такое изящное решение! — я ткнул пальцем в сторону нашего парня.

— Это кабздец какой-то… Было нормальное заведение, а теперь — дурдом! — он явно перебарщивал, ему и самому нравились перемены, которые я тут устроил. — А! Я фартуки припер, как ты просил. А ты — осьминога припер. И кто из нас

молодец?

— Третий фартук-то найдешь? Народу вон сколько, щас мы на троих столько бабла срубим, а? — проигнорировал заходы гнома я. — Я — на кофе, ты — на хот-доги, Витеньку — на салаты и на кассу, ему похер, у него рук хватит…

— Ты теперь сколько лет будешь стебать по этому поводу? — поинтересовался гном.

— Всю жизнь, дядюшка Фриц! Всю жизнь!

Фартуки были что надо: черные, плотные, непромокаемые. Не хватало только одного-единственного элемента… Я сходил в подсобку, сунул руку в ведро с побелкой и от души ляпнул на каждый из них свою пятерню. Надо будет запатентовать брэнд, а? Ну, и заказать что-то вроде вышивки вместо меловой плямы, чтоб солидно!

Витенька даже не пикнул, когда я туго затянул его в новую униформу — прямо поверх его кофты. Встал за кассу, причесал пятерней шевелюру и принялся за работу. Рубить салаты, запаковывать ссобойки, принимать заказы и оплату… Руки его так и мелькали, щупальца — тоже, но не вылезая за стойку, чтобы не смущать публику. На лице — ироничное выражение, за словом в карман не лезет, нашим матерым-прожженым клиентам спуску не дает. К пивку прикладывается, не без этого, ну и ладно. Если не будет воровать — точно сработаемся!

Если честно — получалось у нас троих классно. И место наше тоже получилось классное.

Не сказать, чтобы закусочная преобразилась кардинально — пока нет. Но в целом в «Орде» уже стал преобладать тот дух, тот стиль, который я хотел сделать заглавным: темное дерево, медь, камень… Дурацкий плафон на потолке я заменил на шахтерский фонарь, пластиковые стулья — на сколоченные из бруса табуретки. Нормально смотрелось!

Мы сохранили и закрепили за собой статус главной точки ночного общепита на Проспекте, а может — и на Маяке в целом. Конечно — был «Надым» с его буйной ночной жизнью, дорогим алкоголем, мультирассовым стриптизом, боями без правил и прочими взрослыми забавами. Были совсем уж зашкварные заведения, притончики по подвалам и квартирам… Но нормально пожрать после поздней работы, взять тормозок с собой, попить кофе или пивка, поржать с мужиками и не разориться — за этим шли к нам.

В «Орде» обслуживали всех — даже полукровок и снага, и кого это не устраивало — могли идти в жопу. Но жопа тоже ночью была обычно закрыта, а в «Надыме» для работяг и уличной шпаны цены являлись непреодолимой преградой. Поэтому они

терпели и смирялись. Променяли расово-четкие убеждения на хот-доги и кофе на песке, короче. Массово.

— Нам бы шаурму и крафтовое пиво, в кегах — и всё. Можно открывать франшизу! — сказал я, пересчитывая выручку и звеня монетами. — План такой, мужики: нужно сварганить тележки с грилем и холодильником и продавать хот-доги днем на перекрестке. Под нашим брэндом.

— А? — глянули на меня гном и осьминог.

— Под нашим флагом, говорю. Черная тележка, белая длань, парень в черном фартуке с белой же дланью. Всем будет ясно, что это наши — ордынские. Кто тронет — тому в зубы! Вопрос только в кадрах. Кадры решают всё!

— Это ты такую умную мысль придумал? — поднял бровь Хуеморген.

Ему явно нравилась охренительная выручка и не нравилось то, что это при мне дела пошли в гору. Ревновал, подлюка.

— Это не я, это один Вождь, Отец Народов… — отмахнулся я.

— Ваш, орочий?

— Э-э-э-э-э… — тут я всерьез задумался. — Не суть. Надо думать, где нам брать сотрудников. И как обеспечить их лояльность.

Витенька почесал щупальцем себе ухо — очень глубоко внутри — и изрек нечто соответственно-глубокомысленное:

— А деньги? Даже если мы проникнемся корпоративным духом и будем работать за еду, то сколько тележек мы сможем приобрести и запустить в ближайшее время? Дней за десять — штуки три? Так себе объемы. Нужен хороший стартовый капитал. Я так понимаю — бабки были, но вы их в ремонт вбухали, да?

Мне нравилось это их «мы». Без году неделя знакомы, работаем вместе и того меньше — а вот, пожалуйста. Уже — мы!

— Значит, нужно идти в Хтонь за зипунами, — пожал плечами я. — Или бить рожу Стредлейтеру. У светлости забирать долг деньгами я не хочу и не буду, потому как есть в мире кое-что гораздо важнее денег…

— Бабы? — спросил Хуеморген.

— Пивко? — спросил Витенька.

Тролли херовы они, а не гном с осьминогом.

— Социальный капитал, — мне пришлось терпеливо разъяснять на пальцах. — Услуга за услугу. Кажется, если мы серьезно развернемся, то станем капитальной проблемой для многих и многих, и княжеская благодарность может очень, очень круто пригодиться. Резонно?

— Резонно, — согласились оба.

И мы пошли драить зал. С этим у нас было строго: чистота —

залог здоровья, это они помнили!

Псевдо-интерлюдия

Роксана Ртищева, маг, командир отряда спецмедэвакуации.

Рассветало. Волшебница Роксана, полная решимости расставить все точки над «i» по поводу странных способностей молодого Резчика-полукровки, сунула в самые лица полицейским на КПП свой значок и назвала номер своего подразделения. Все это — не вставая с водительского кресла люксового электрокара. Заспанные стражи порядка материли про себя работу, Маяк, Хтонь и эту конкретную волшебницу, но — взяли под козырек и открыли ворота.

Высокие решетчатые створки начали раздвигаться. Не дожидаясь полного раскрытия, Роксана выжала педаль скорости, и машина рванула вперед по Проспекту, поднимая в воздух грязные полиэтиленовые пакеты, комки старых газет, прошлогодние листья и прочий хлам. Чародейка раздраженно барабанила пальцами по рулю: произошедшее ночью никак не укладывалось в ее картину! Этот слабосилок, Нейдгардт, уделал Клавдия Ермолова! И дрались два эти идиота за ее благосклонность! Лаврик полез защищать ее честь — как будто в этом была какая-то необходимость! И вообще: на дворе двадцать первый, а не девятнадцатый век! Она и сама вызвала бы младшего Ермолова!

Но, черт возьми, это золотое сияние на правом предплечье Лаврика… Очевидно же — работа урука!

Хрупнув шинами по рассыпанной по асфальту щебенке, электрокар остановился у дверей в закусочную. Закусочную? О нет, за несколько дней, прошедших с ее последнего визита на Проспект, тут многое изменилось! Фасад теперь был стилизован под фахверк, крыльцо — выложено плиткой из дикого камня, дверь из темного древесного массива с медной ручкой смотрелась вполне респектабельною.

— ORDA, — прочитала Роксана над входом.

А символ в виде белой раскрытой ладони над этой самой надписью заставил волшебницу вздрогнуть: что-то в нем было такое, мощное, с явными эманациями магической силы неведомой природы. Слишком много загадок! И она намеревалось начать их раскрывать — одну за другой.

Решительно взбежав по ступеням, девушка открыла дверь, проигнорировав табличку «ZAKRYTO», и по привычке закрутила в руках крохотный смерч — это помогало решать вопросы гораздо

быстрее. Но весь ее боевой настрой разбился о три крепкие мужские задницы, которые синхронно приближались к ней под аккомпанемент странного натужного пения:

— Vihri vrazhdebnye veyut nad nami
Temnye sily nas zlobno gnetut…

Одна из задниц принадлежала определенно тому самому чертовому уруку, вторая — бывшему хозяину закусочной, а третья — незнакомому парнишке, у которого из рукавов извивались настоящие осьминожьи щупальца, которыми так удобно было удерживать половую тряпку из дерюги. У них у всех были половые тряпки, уборка шла полным ходом — вот почему они корячились пятыми точками кверху!

— А-хм! — сказала волшебница, желая привлечь к себе внимание.

— Ять! — от неожиданности гном дернулся и запнулся о выщербину в плитах пола, потерял равновесие, ткнулся рожей в грязную тряпку, попытался встать, опрокинул ведро с водой, задел незнакомого странного парня…

Оба они полетели под ноги уруку, и спустя секунду на полу копошилась мешанина из матерящихся нечеловеческих тел, половых тряпок и ведер с грязной водой. Роксана не знала: смеяться ей или плакать, но потом все же решила вмешаться: крохотный торнадо промчался по мокрому полу, втянул в себя грязную воду, просушил одежду бедолаг — и исчез за дверью.

— О! — сказал огромный урук, с кряхтеньем поднимаясь и расправляя одежду. — Здрасте, Роксаночка, свет очей моих. А в магических академиях читать учат? Там русским по белому написано на табличке — «Закрыто»! Но за уборочку спасибо.

— Пожалуйста, — почему-то смутилась Роксана.

— Кофе? — спросил осьминожий парень.

— Минералочки? — предложил гном.

— Хот-дог? — подал голос из-за стойки молодой Резчик.

Внезапно волшебница вспомнила, что из-за этой дурацкой дуэли так ничего и не поела. Желудок издал звук, совсем неподходящий благородной даме! А еще на ум пришло, что на Маяке принимают только наличку. А у нее — ни единой монетки! Неловкая ситуация!

— За счет заведения, — усмехнулся черноволосый полуорк и обжег волшебницу горящим взглядом своих страшных глаз. — Присаживайтесь.

И в мгновение ока перед ней возникла маленькая чашечка с одуряюще пахнущим кофе, рядом — тарелочка с голубой каемочкой,

на которой лежало невиданное кушанье, состоящее из мягкой булочки, поджаристой сосиски, свежих овощей и нескольких пряных соусов. И идеально-чистый стакан с холодной минеральной водой. С пузырьками.

— Ой! — сказала Роксана, уже не такая злая и решительная, как с утра. — Спасибо, мальчики!

Глава 16
Секрет Полишинеля

На самом деле мне с самого начала нужен был кто-то, кто разбирается во всей этой сверхъестественной мутотени. Шаровая молния и мое попадание сюда, странное и иррациональное явление — Хтонь, урук-хайские татау и мои партаки, которые почему-то работали… Нельзя было все время двигаться на ощупь, хотя, похоже, это и было свойственно оркам в целом. Нет, я не собирался искать пути возвращения обратно к себе, в свой город, свою малосемейку. Что я там забыл? Квизы вести? Родители — умерли, жены и детей — нет. Друзья… Ну, в клубе по фехтованию кто-то погрустит, куда, мол, Бабаев запропал, сплавщики-байдарочники и туристы-палаточники тоже подозваниваются пару дней перед очередным планируемым приключением — вот и вся грусть.

Мне тут было интересно. Живенько, увлекательно, нажористо. И спина не болела. И из носу не текло. Интересно — уруки вообще чем-то болеют? Наверняка же есть какая-нибудь зараза для их подвида! Тоже — тема для расспросов. Может, у нас, орков, на синтетику аллергия?

Короче — Роксана подвернулась как нельзя кстати. В ее квалификации и образованности сомневаться не приходилось: наверняка в отряд спецмедэвакуации абы кого не берут. И в опричники — тоже. Тут вообще, насколько я понял, слово «опричный» перекликалось со словом «отборный». Исключительный, особый, избранный — вот кто такой настоящий опричник. И технологии, и ресурсы, и полномочия у них тоже были исключительные и особые. Всё как при государе-батюшке Иоанне Грозном!

Я глубоко не копал, но корень всего нынешнего положения вещей в Государстве Российском как раз крылся в мрачных временах Ливонской войны, когда почти закошмаренное государевыми войсками Великое Княжество Литовское заключило с Польской короной позорную Люблинскую унию. И после того, как первый выборный король созданной державы обоих народов — Речи Посполитой — Генрих Валуа сбежал нахрен от шляхетской вольницы обратно во Францию, Сейм пригласил в качестве нового монарха некоего Иштвана Батори, трансильванского князя… Он же — Стефан Баторий, новый король Польский и великий князь Литовский. Он же — самый что ни на есть всамделишный балканский упырь наивысшей пробы!

Об их семейке и в нашем мире байки страшные ходили. Про кровавую графиню Батори только глухой не слышал. Да и сам Стефан мягкосердием не отличался… А тут — всё вот так вот оказалось; по крайней мере, российские источники именно об этом писали.

Но, в отличие от нашей истории, Иван Васильевич Грозный сына своего Ивана Ивановича не прикончил, а поставил папиной милостью великим князем Литовским, Русским, Жамойтским и Ливонским на занятых российскими войсками территориях. А это — львиная доля знакомых мне Беларуси, Эстонии, Латвии и Литвы. Так что на широкие плечи царевича и великого князя по совместительству обрушился груз забот по бесконечной войне с расплодившимися в ходе боевых действий упырями, вставшими под знамена Речи Посполитой. А потом, после смерти грозного родителя, Иван Иванович по праву первородства стал государем объединенной страны. И ни Смутного времени вам, ни Лжедмитриев, ни династии Романовых. И опричнину никто не ликвидировал, потому как Девлет-Гиреево войско заманили под Серпухов князья Воротынский и Бельский и вырезали подчистую…

Короче, всё это было очень увлекательно, но — бессмысленно с точки зрения сиюминутной выгоды. Сейчас мне нужно было убедиться, что меня не выбросит обратно — в психушку, например, или в могилу заживо, или — в тот самый момент на дороге, под дождик. И вообще — следовало понять, что делать с обретенным даром Резчика. А потому…

— Роксаночка, ласточка… Ты ведь меня по какому-то поводу искала? — елейным тоном спросил я.

Девушка спешно дожевала хот-дог, вытерла салфеткой губы и сказала:

— Да! Я хотела выяснить…

— Разговор — долгий? — уточнил я, снимая передник. — Более, чем на полчаса?

— О, да! — решительно кивнула волшебница. — И ты не сможешь сбежать на сей раз, уж я об этом позабочусь!

— А я и не думаю сбегать. Я сейчас тоже кофе выпью, переоденусь — и мы с тобой прогуляемся… — эта мысль была спонтанной, но по-своему прекрасной и замечательной. Где б я еще нашел себе такую тяжелую артиллерию для намеченной миссии? — Мне надо забрать кофе-машину тут, в нескольких кварталах…

— На своей машине я не поеду, — заявила Роксана. — Мне подвеска дорога.

— Ой, ради всего святого. Главное — твое принципиальное

согласие. Пешком пойдем, тут недалеко!

Кофе в турочке запенился, и я мигом выхватил ее из песка за деревянную длинную ручку. Плеснул в чашечку, принюхался — о, да-а-а! С таким допингом можно было и погодить со сном часа четыре. Кофе был черный, крепкий, горячий и злой — как настоящий урук! Так что я выцедил его мелкими глотками, сделал Роксане успокаивающий жест рукой, мол — я щас! И пошел надевать орочий национальный костюм.

* * *

Сраный богомол двух метров ростом, честно говоря, привел меня в замешательство. Не бывает таких насекомых! У них эти, как их… Трахеи вместо легких! Кислород по телу диффузным образом распространяется! Он задохнуться бы должен, с таким росточком!

Но думать было некогда: огромные передние конечности чудища уже вознеслись для удара и — дац! дац! — клюнули в асфальт — туда, где секунду назад стоял я. Хрена он меня достал, я уже кувыркался у него в подбрюшьи, подсекая задние лапы. Я думал, атакую его тыл — мягкий и беззащитный — но ни разу не угадал: за огромным богомолом уже торопился целый выводок богомолят! Какого лешего, они ж вроде одиночные существа? Хтонь, как есть — хтонь!

Ну, эти мелкие зеленые паскуды с горящими глазами хотя бы мечу поддавались на ура: зеленая жижа брызнула в стороны, отрубленные конечности, недоразвитые крылышки, треугольные бошки отлетали только в путь. Размером с крупную собаку, но резкие и опасные — инсекты атаковали агрессивно и неожиданно. Но — вахмистр Перепелка был куда как более агрессивным и неожиданным, так что я вполне справлялся — нарубил то ли пять, то ли шесть тварей и весь заляпался лимфой и прочей гадостью, с ног до головы!

А с гигантской мамашей-богомолихой, похоже, неплохо справлялась Роксана. За моей спиной повеяло горячим дыханием ветра, а потом огромная туша грянулась на асфальт парковки, задергала длиннючими конечностями…

— Руби ее, Бабай! Руби! — закричала Роксана. — Я схлопнула твари ауру, ей сейчас не хватает воздуха…

Так я был прав! Дело — в кислороде! Я ринулся в сторону поверженного насекомого-исполина, поскользнулся на зловонной жиже, проехался на заднице и, уткнувшись пятками в башку гадины выдохнул:

— Н-на! — и воткнул острый крюк своей кочерги в самый глаз чудовища. А потом во второй: — Н-на!

— Идиот! Это мантис гигантис, она и слепая может тебя… — запоздало попыталась предупредить меня магичка.

Я едва успел вздернуть меч, защищаясь: неестественно выгнулась одна из передних, сабельных лап насекомого и резким ударом едва не покончила с одним самонадеянным орком-полукровкой. Левую руку ожгло болью — острые шипы разорвали даже прочнейшую урукскую кожу, кровь хлынула потоком.

— Стерва! — я отмахнулся мечом, разрубая сочленение у самого основания хитиновой шипастой сабли.

А потом вскочил на ноги, размахнулся и отсек твари голову.

— Придурок какой, кто так воюет?! — заорала Роксана.

Я почувствовал, как меня поднимает в воздух и шмякает о тротуарную плитку у ног магички.

— Руку дай сюда! — поврежденный бицепс тут же похолодел, в воздухе запахло озоном, засверкали искорки… — Ненормальный, идиотский идиот!

Так-то она была права, орочий стиль боя — это вам не тактика со стратегией, это только и исключительно по-суворовски: глазомер, быстрота, натиск! Ну, и слабоумие и отвага, это понятно. А рука там оторвалась или, скажем, голова — это пустяки, дело житейское. Разберемся после победы!

— Что — нельзя было сказать, что мы собираемся в Хтонь? Я бы аптечку взяла, переоделась… — ворчала, оказывая первую помощь Роксана.

— В бронескафандр с экзоскелетом? — усмехнулся я. — Этот комбез круче смотрится, я тебе как мужик говорю. Но аптечку да, это просчет с моей стороны. Надо было брать. Глянь — вон на торговом центре вывеска, и я не я буду, если мы там не найдем бинтик и спиртик…

Почему я был так уверен? Потому что если какое-то заведение и могло называться «36'6» и располагаться на первом этаже ТРЦ, так это аптека! Что в нашем мире, что в этом, тут разночтений быть не могло.

— Шут гороховый! Тебе к Скоморохам бы податься, самое место… Пойдем уже! — я не мог распознать, чего в этом тоне больше: осуждения или скрытого восхищения?

В любом случае мне казалось, что Роксана относится ко мне явно не просто как к случайному встречному-поперечному. Тут было что-то личное: может, любопытство, похожее на интерес к неведомой зверушке, может — омерзение и восторг, как те, что мы порой испытываем, глядя на хищных рептилий… А может, и интерес совсем другого свойства. Хотя это было сомнительно: все

как одна девушки с Маяка (кроме Кристины и пьяных снага, конечно) разве что на другую сторону улицы не переходили, едва меня завидев! При этом смешанно-расовые парочки в целом были явлением довольно обычным. Мол, развлекаться — можно, рожать полукровок — нельзя. Занимательная кривая логика.

Я почему об этом думал? Потому, что на задницу Роксаны пялился. Отличная была задница, крепкая, спортивная. И ножки что надо — сильные, длинные, ладные. И талия. И всё остальное.

— Ты чего отстал? — подозрительно оглянулась волшебница. — Это не тот случай, когда дам вперед надо пропускать. Идея прогуляться — целиком твоя. Так что шире шаг, господин Сархан, навстречу приключениям прямо через дверь!

Через дверь я не пошел. Дурак я, что ли? Я двинул через ближайшую к аптеке витрину, заколоченную фанерным листом. Похоже, тут были проблемы с мародерами до того, как Хтонь вышибла людей из этих мест к чертовой матери. Но мне это было на руку: даже одной правой я с легкостью пробился через преграду, вышиб ногой остатки и проник внутрь.

Осмотревшись и убедившись в безопасности предлагаемого маршрута, позвал Роксану:

— Прошу! Путь свободен! До аптеки тут два шага!

Она только фыркнула и походкой принцессы проследовала сквозь выбитую фанерную секцию.

* * *

До аптеки мы дошли нормально, без происшествий, хотя рука моя практически отмерзла и разве что инеем не покрылась. Гребаная магия, никак не привыкну! Роксана опытным взглядом смерила разграбленные и разгромленные стеллажи, нырнула куда-то под кассу и вытащила зеленый ящичек, напоминающий автомобильную аптечку.

— Иди сюда, несчастный! — сказала она, и принялась распаковывать находку.

Скорее всего, я был прав. Набор там был весьма стандартный, явно — массовый, так что предназначалась она, скорее всего, для авто, туристов, военных или чего-то подобного. Черт знает, какие тут у них артикулы и регламенты. Запшикав рану уже знакомым мне ультрапантенолом, Роксана сделал несколько болючих уколов из одноразовых маленьких шприцов и принялась туго бинтовать мою несчастную конечность. Весьма сноровисто и аккуратно, надо сказать.

— А теперь будет больно, — предупредила волшебница. —

Снимаю заморозку.

— Сука! — выдохнул я, ощутив комплекс ощущений невероятной силы.

— Это да, — кивнула Роксана. — А ты — попаданец.

— А?

— Хер на!

— Ого! Грубиянка!

— Инопланетянин!

— А ты… А ты… А ты как поняла? — на самом деле я был шокирован, но это ровным счетом ничего не значило. Нужно было держать фасон.

— Ой, можно подумать! — отмахнулась она. — Вас в последние пять лет развелось как собак нерезаных! Только контузит кого на поле сражения, или память потеряется, или менталист криво отработает — здрасьте, приехали. Я избранный и я спасу ваш мир! А сам кран починить не может… Не, толковые ребята тоже попадают: двое у нас в Александровской слободе в аналитическом отделе работают, хорошие парни, талантливые. Одна девчонка знакомая — сильная чародейка, светлая. Действительно большая молодец. Но в основном… Жалкие типы. И все — из одного мира. Сейчас, сейчас… — она пощелкала пальцами, как будто вспоминая. — Спиннер? Вейп? Тик-Ток? Сталин? Про-ме-жу-точ-ный патрон?

— Я-а-а-ать! — я хлопнул себя по лбу здоровой рукой. — Какая-то дичь. Реально так много? И все всё знают?

— Ну, человек пятьсот, наверное. Все — люди, реципиенты — тоже люди. Ни одного эльфа, гнома, орка… У вас там они же существа мифические, да? В любом случае — ты уникальный в своем роде. В уруков никто не попадал. Можешь гордиться — ты исключительный. Исключительный идиот.

— Обидно вообще-то!

— Не расстраивайся, — она похлопала меня по щеке снисходительно. — Никто кроме меня пока ничего не знает. Но князю я сообщу — это не обсуждается.

— А как ты…

— Урук, который варит кофе? Серьезно? Даже для полукровки это слишком! Хотя я поначалу именно на это и повелась. Но когда ты рубил богомола — то начал ругаться на языке саксов. И у меня всё срослось: точно так же Даша ругалась, когда экзамен по пирокинезу завалила.

Фак! Я сказал слово «фак» в самом начале, когда увидал охеренно здорового богомола. Богомолиху. Штирлиц в гробу переворачивается. Это хуже, чем стоять у ворот рая, долбануться мизинцем о косяк, сказать «блять» и отправиться прямиком в ад.

— Позорище, — покачал головой я. — Это печально. Так спалиться…

— Да всем пофиг. Толку от вас — ноль без палочки. Развитие плюс-минус на одном уровне, узкие суперспециалисты к нам не попадают… А ты-то и подавно — урук! Явно и в том мире был сдвинутый. Адреналинщик? Экстремал? Профессиональный боец? Военный-штурмовик?

Я неопределенно покрутил ладонью в воздухе.

— Ладно, на самом деле мне всё равно. Главное-то я выяснила. Ты используешь символы из вашего мира, и эфир распознает их смыслы напрямую и воплощает их здесь. А твое тело — прекрасный активатор, каналы тебе Резчик пробил будь здоров, таких и у меня нет. Суперпроводник! Потому оно и работает.

— И будет работать? — недоверчиво уточнил я.

— А я откуда знаю? Вдруг ты какую-нибудь дичь клиенту намалюешь? Признавайся — были же мысли? — она прищурилась.

— Ну, были… — я не удержался и ухмыльнулся. — Хотел парочке знакомых снага члены на лбу изобразить.

— О-о-о-о! — Роксана явно была под впечатлением. — И что, и что?

— Пока руки не дошли!

— Слу-у-у-шай, как будешь делать — со мной свяжись?

— А контакт свой оставишь? — я нагло пялился на ее грудь, обтянутую комбинезоном.

Роксаночка-то была очень даже ничего, хотя и слишком брутальная, агрессивная на мой взгляд.

— Ишь, какой резвый! Мы еще твою кофе-машину не забрали! Или зачем мы здесь? — магичка затянула застежку комбеза под самый подбородок, перекрывая мне замечательный вид.

Но в целом — ни разу она не напоминала ту грозную чародейку, что хреначила меня о рубероид крыши. Лед тронулся, господа присяжные заседатели!

* * *

Здесь работало электричество! По крайней мере, некоторые неоновые лампочки все еще искрили, а это что-то да значило! Вот то была новость так новость, всяко полезнее информации о том, что попаданцы тут, на этой Земле, которую иначе как Tverd' и не именовали, вовсе никакая не редкость. Рабочее электричество — это значило ни много ни мало, а…

— Как думаешь, а рефрижераторы продуктового тут работают? — спросил я.

Мы крались мимо павильонов и роллетов, в которых толпились скелеты, замершие в приступе каталепсии. Скелеты в целом стоять не могли по законам физики, но тут всем было на это насрать. Они стояли. И глазницы их нет-нет, да и посверкивали демоническим огнем.

— Это единственное, что тебя интересует? — зашипела Роксана. — Меня вот, например, беспокоит тот факт, что я уже целый час наблюдаю некие зеленые гоблинские уши из-за угла! То там, то сям.

— А, это свои. Не дергайся. Ты про рефрижераторы скажи! — вопрос был более, чем насущный. — Ну, Роксаночка, зайчик, ну просто — да или нет?

Роксана закатила глаза, материализовала торнадо на ладони и пустила ветерок гулять по коридорам. Через несколько секунд ее волосы растрепались от встречного порыва и волшебница проговорила.

— Работают. Два из трех.

— И в мясном отделе? — я чуть не подпрыгнул от радости.

— Ты совсем дурак? Причем тут мясной отдел? — она уставилась на меня этим фирменным своим взглядом, как на полного идиота.

— Притом, что альтернативный протеин — это фу! Ты знаешь, из чего его делают?

— Из сои? — нерешительно откликнулась она.

— Да-а-а, да-а-а, живи в счастливом неведении…

— Бабай! Из чего делают ваши сосиски? — напряглась волшебница. — Я ведь сегодня одну съела! Что я съела, Бабай?

— Я тебе потом скажу. Но поверь, это в наших общих интересах — добыть килограмм сто-двести натурального, легкоусвояемого, диетического мяса! На первое время!

— Из чего делают? Скажи! Из собачек?

— В наших общих интересах, поверь.

— Из моллюсков? Из рыбы? Из нута? Синтезируют?

— Роксаночка, радость моя, просто давай сопрем мороженое мясо!

— И как ты его сопрешь? Кофе-машина представляешь, сколько весит? Еще и мясо!

— Знаю. Килограмм пятьдесят-восемьдесят, зависит от модели. Нам нужны две тачки! — выдал отличную идею я. — Мы сначала сопрем машину, а потом — мясо! Всё погрузим в тележки из продуктового — и усвистаем в закат! Изящно?

По лицу магички было видно: ничего изящного она в этом не

видела. Тем более — мы подошли к лаунжу торгового центра, где под эскалатором располагалась кофе-зона и закуток для барриста. На полках тут стояли мешки с кофейными зернами, всякие банки, склянки и прочие соответствующие прибамбасы.

— Моя прелесть! — это была рожковая кофе-машина, вполне похожая на те, что я видал и какими пользовался на своей Земле.

Ее слегка припорошило пылью, но в целом — всё было на первый взгляд в порядке. Все, кроме скелета в белом фартуке за стойкой. Он посмотрел на меня, я — на него. Мы переглядывались.

— Клац! — щелкнул скелет челюстями.

— Ять! — сказал я.

— Это пипец! — простонала Роксана.

Глава 17
Нормальные спецэффекты

— Кокосовый раф и двойной капучино, пожалуйста! — не удержался я. — Роксана, котик, будешь кокосовый раф?

— КЛАЦ! — щелкнул челюстями снова скелет и ка-а-ак кинется на меня через стойку!

А потом те, что толпились в павильончиках и роллетах, тоже ка-а-ак кинутся на нас! Их было штук пятьдесят, не меньше! Дробный цокот костяных ног заполонил собой всё пространство, и если бы я умел бояться, то наверняка бы испугался. Бояться скелетов — это ведь так естественно!

Судя по всему, волшебнице для особенно могучего колдунства нужно было время, а я, как танк и дамагер, должен был ей это время дать. И я дал! Дал тому, дал этому, каждому, до кого смог дотянуться. Любо-дорого было сражаться со скелетами: вооружены черти чем — какие-то швабры да вешалки, крепости в нежити этой несчастной — никакой, сыплются от одного удара! Бьются, правда, больно — мне по башке прилетело кассовым аппаратом, зажатым в костяном кулаке — это была трагедия. По старой ссадине попал, костяной педераст!

Но в целом — вот для кого и ради чего я пять лет мечом на показухах махал! Идеальный враг для КМС-а по арт-фехтованию. И похрен, что левая рука висит плетью — клинок-то я держу в правой! Я нарезал «кочергой» в воздухе кренделя, выплясывал вокруг колдующей Роксаны диковинный танец с саблями на манер Хачатуряна, крутился и вертелся как черт, нарубая толпу набегающих скелетов — как хороший такой миксер, только кости во все стороны летели! «Эх, задолбусь я теперь любимый кард править — зазубрин буде-е-ет…» — промелькнула в голове несвоевременная мысль.

Пинком ноги я отшвырнул какой-то очень живучий череп и повернулся лицом к очередной группе стукающих костяными пятками по полу скелетов.

— А ну — подоходите по одному! — их было еще много, кажется — на звуки нашего веселья к нам устремились ребята со всего ТРЦ.

Уборщицы в подгнивших халатах, грузчики в комбезах, продавцы-консультанты в грязных футболочках с логотипами сетей ритейла и покупатели-покупатели-покупатели… Коренастые твердолобые гномские скелетоны, мелкие кривоногие костяные снага, вполне привычные, знакомые по кабинету

биологии человеческие костяки… И парочка легких, изящных, незнакомых — эльфы, что ли?

— Бабай, лежать! — прямо как пёсику скомандовала Роксана, и я, подсекая клинком колени тройке особенно шустрых неживых товарищей, ляпнулся мордой в пол.

— ЖАХ! — по спине прошлась волна холода.

— Теперь поднимайся и продолжай в спокойном режиме, — устало проговорила волшебница. — Нет, это сущее извращение — колдовать рядом с уруком, но при этом в Хтони. Это как есть червивый гнилой абрикос в лучшей в мире шоколадной глазури… Бр-р-р-р!

Я с кряхтеньем поднялся: оставшиеся на ногах скелеты были покрыты изморозью и не двигались.

— И надолго они? — уточнил я.

— Минут сорок, не знаю. Это Хтонь, тут заклинания действуют невероятно мощно.

— Так на кой хрен их крошить? Пускай остаются, потом постерегут мое мясо…

— Ой, да делай что хочешь, — Роксана, аккуратно ступая между нарубленными кусками костяков, подошла к стойке мини-кафе, разбила локтем стекло на прилавке, достала протеиновый батончик, распаковала и впилась в него своими белыми зубами. Откусила кусочек, прожевала и прокомментировала: — Очень утомительно. Эффективно, но очень утомительно колдовать в Хтони. Иди за своим мясом, я тут пока посижу!

Волшебница взяла из мини-холодильника алюминиевую банку с газировкой, легким движением руки расчистила от костей один из мягких диванчиков и расположилась на нем полулежа.

— Давай-давай, урук, работай. Я твою машинку посторожу.

* * *

Честно говоря, я набрал не одну, а две тележки- с двумя охренеть какими огромными горками.

Халява же! Целый огромнейший гипермаркет со всякой снедью! Что бы вы сделали на моем месте? Ну да, часть продуктов сгнила на полках, часть была просроченной, но огромное множество-то вполне можно было стибрить! И как это вообще никто сюда еще не добрался помародерить? Далековато — да. Богомолы? Возможно. Никому из ветеранов маякской мародерки ни разу не фартило гулять по Хтони с симпатичной магичкой! А сами маги, как я понял, обычным хабаром не особенно интересовались, они были ребята обеспеченные. И

заваливались в Прорывы и Аномалии с какими-то своими, расчудесными целями. Хотя и барахлишка набрать иногда не брезговали. Только своего, особого, волшебного. Вот ингредиенты, например. Недаром Роксана в подсумок на поясе глазки богомольчиков запихивала, пока думала, что я не вижу!

А для меня — простого и непритязательного, жадного и алчного ресторатора из породы урук-хай — тут была настоящая сокровищница! Специи, сладости, шоколад, кофе, алкоголь — просто глаза разбегались. Я, кстати, понял, откуда берется товар в большинстве магазинчиков Проспекта: его просто тащили из заброшенных торговых точек в Хтони! Нет, кое-что завозили через КПП, но кому охота платить втридорога, если можно отправить рисковать головой парочку доходяг? Жизнь-то тут стоила сущие гроши.

Короче, я набрал первую полную тележку до того, как нашел секцию с рефрижераторами. Там, по ту сторону торговли, в темных мрачных коридорах складских помещений, торчал один-единственный огромный-преогромный страшный-престрашный скелет в белом халате с квадратным мясницким тесаком в руках. Он даже попытался на меня броситься и нарубить в капусту, но я ему дал в зубы рукояткой карда, а тесак — отобрал. В хозяйстве пригодится. Ну, и мяса набрал мороженого из работающих камер — сколько влезло в тележку и даже намного больше. Неработающие морозильники я чуял за версту — и обходил стороной. Себе дороже.

Накидывал в тележку в основном вырезки и филе — отходов будет меньше. С остальным богатством потом разберусь, надо только маршрут поставок отладить. Для чего мне, в конце концов, снабженец? Пусть у Хуеморгена голова болит за логистику, а я подумаю за силовое сопровождение.

Короче, выкатился я с двумя тележками на буксире и одной пустой в запасе. Всё это я тащил на сбруе из ярко-оранжевых строп, которые обнаружил в темноте одного из складов. Мой гужевой поезд лязгал и гремел так, что Роксана услышала его издалека и готовилась встречать, наверное, танковую армию Гейнца Гудериана, потому что привычный торнадо в ее руке разросся до почти метрового размера.

— Это какой-то дурдом, Бабай… Как мы обратно это попрем? Ты думаешь, прогулка до Проспекта будет легкой? Наверняка же попадутся какие-нибудь твари, тем более, шум от твоего каравана — инфернальный! — она нервно пригладила свои шикарные светлые волосы рукой.

— Мы тогда остановимся, их убьем, а потом дальше пойдем, — аргументировал я. — Помоги машинку погрузить, будь

человеком, а? У меня одна рука не работает.

В этих реалиях, да еще произнесенное устами урука словосочетание «будь человеком» прозвучало, мягко говоря, не очень. Но Роксана помогла, хоть и произносила при этом слова, которые подобают скорее снаге-сапожнику, чем благовоспитанной молодой волшебной леди.

— Я не знаю, чем с тебя буду требовать долг за вот это вот всё, — отдышавшись, проговорила она и яростно ожгла меня взглядом. — Не знаю, как будешь расплачиваться…

— Натурой? — мое предложение было, может быть, не совсем корректным, но совершенно точно — искренним.

— Возможно… А?! Что ты сказал? Идиот! Нет, конечно, нет! Я думала, ты предложил… Нет! — взмахнув волосами, она решительно устремилась на выход.

А я впрягся в сбрую, сказал:

— Иго-го! — и потопал следом.

Ездовых академиков мы в Простоквашино видали. А в Сан-Себастьянской Хтони ездовые уруки завелись. Вот то чудище так чудище! Дикое, но очень симпатичное.

* * *

— Кузенька, сукин ты сын, ты с тележками мне помочь не мог? Я там потом обливаюсь, тащу, аки ишак, а ты видосики в сеть заливаешь? — мне хотелось ухватить гоблиненка за шиворот и вытрясти из него всю душу.

— Угу! — он продолжал тыкаться в экран, едва ли не носом по нему вазюкал, говнюк мелкий.

— А телефон в карман своих рейтуз сунуть и с пацанами корешу помочь? Это не в твоих правилах?

— Угу! — Кузины уши даже не шевелились, ему явно было пофиг, что я там несу.

— Ты что, и дальше угукать собираешься? Я ж тебе щас нос наизнанку выверну, засранец! — я бы точно воплотил свою угрозу в жизнь, если б руки не были заняты.

— Угу! То есть, не! Не, Бабай, не надо нос выворачивать! Гля, какие охваты! Как залетело! Это ваще атас, это пушка-бомба-петар-р-р-рда! — гоблин аж подпрыгивал на месте, пытаясь сунуть мне в лицо экран смартфона.

Я затормозил у гоблинской гостиницы, через нее лежал самый короткий путь к «Орде», чтобы отдышаться перед финальным рывком. Роксана, кстати, даже не попрощалась, просто развернулась — и пошла, оставив меня со всей поклажей

прямо тут. Мол, не подох — и ладно. А у меня вопросы, между прочим, остались! Неотвеченные! Это она меня раскусила, вся такая умная. Типа, раз попаданец — то всё с тобой ясно. А раз попаданец в урука — то и вообще яснее ясного. И даже не оглянулась посмотреть, не оглянулся ли я! Мне и оглядываться было не надо — я на ее задницу пялился, задница у Роксаночки замечательная. А сама — фу, недобрая волшебница. С такой борщ не сваришь: заколупает, что свеклу режешь не кубиками, а параллелепипедиками, и вообще ее на терку надо, а не ножом.

Но на обратном пути из ТРЦ магичка, конечно, показала класс. Прикрыла нас капитально, мы дошли почти без приключений — один раз только пришлось распрягаться и доставать кард: рубить бошки и жопных змей знакомым уже псинам.

— Так что там у тебя, Кузьма? Кстати — ты с Перепелкой не родственник? — я взял у него из рук смартфон.

— С какой истчо перепелкой? Я ж не птичка, я ваще-то… Теплокровное прямоходячующее! Прямохозяйствующее… Прямодоходягоствоновое… Какая перепелка-то?

— Кузьма Демьяныч который… — я наконец глянул на топы видеохостинга.

Два видоса прочно заняли самую вершину рейтинга: «Moshchnyj uruk i seksual'naya volshebnica ubivayut gigantskih bogomolov» и «Strashnaya zaruba v torgovom centre Htoni: uruk snova v dele». Это была действительно бомба: в десять, пятнадцать раз круче по отклику аудитории, чем драка с церберами! Только был один оч-чень неприятный момент.

— Они спиз… Стырят мое мясо! Кузя, убью паскуду! Ты какого хера геолокацию торгового центра спалил?! У тебя вообще есть в голове хоть что-нибудь, или вместо мозга — плавленный сырок? Где я мясо брать буду? Зайди ко мне еще в «Орду» хоть раз… Я тебя сосисками этими сраными всю жизнь кормить буду, понял? — нет, ну ладно я — урук, мы про стратегию вообще не в курсе, но он-то! Гоблины среди орков вроде как интеллектуалами слывут!

— Ваще-то… — почесал башку Кузя и шмыгнул носом. — Ваще-то да. Ваще-то я затупил. Говно получилось.

— Говно… Сейчас повалят туда оглоеды! Богомолов-то уже нет! А скелетоны эти так, настоящим бойцам на один зуб. Сожрут тунеядцы мои чипсы, разберут мои шоколадные хлопья! И мясо! Плакало мое мясо… Ей-ей, Кузя, еще раз увижу, как ты мое добро разбазариваешь — расшибу о стенку, — такая его бесхозяйственность меня капитально выбесила.

Я-то искренне уже считал, что наложил лапу на нетронутый

продуктовый гипермаркет капитально, и никто мою лапу с него не сдвинет, а тут — вот-те нате. Не успел! Обнесут его до того, как я зайду туда в силах тяжких и всё выгребу… Еще и цены на продукты на пару недель по всему Маяку упадут! Выручка в жопу покатится…

— Но… Ваще-то оно не…

— В каком смысле — не? Не мое, хочешь сказать? Ты что, офонарел? Что с бою взято — то свято! Я что, зря у Хтони всё это отбивал? У-у-у-у, Кузя, теперь думай, как будешь помогать мне простить тебя, — я принялся впрягаться в сбрую.

Тележки нужно было дотащить до «Орды», и на гоблиненка в этом плане рассчитывать не приходилось. Он прыгал вокруг меня и пытался заглянуть в глаза:

— Бабай, а если… Ну ваще-то я могу тебе помочь. Ну Бабай! Не надо меня сосисками одними кормить. Я мясо люблю. Натуральное! У меня ваще-то предложение деловое!

Я с громыханием тянул три тележки за собой. Сильно мешала нерабочая левая рука и мусор под ногами. Замутить бы тут всемаякский субботник, а? Хотя эту банду попробуй выгони с метелками на улицу… Но как сверхидея — вполне, вполне…

— Бабай, мы можем сделать тебе твои хотдожницы! — выкрикнул гоблин. — Я слышал, как ты с Хуеморгеном обсуждал… Мы можем! У нас вывод средств через пять дней, с хостинга! Ты можешь за них купить у меня хотдожницы! На колесиках! С грилем! Даже с холодильничком! У меня два сварщика есть — Парамошка и Капитошка, золотые руки! Мы тебе пять штук сварганим, аккумы от сети, навесы и весь фарш, тебе понравится.

— Еще бы найти, кто там работать будет… — однако, ушлый тип был этот Кузенька. Уловил, на чем меня можно подцепить.

Еще и Парамошка с Капитошкой… Не те ли это товарищи, что вместе с ним снага на костре жарили? Гоблиненок продолжал скакать вокруг и фонтанировать идеями:

— А шо искать? Ваще-то послезавтра ссыльные прибудут через КПП, будут стоять бошками вертеть, пока их Щербатый с Густавом не подомнут. А ты их себе забери, с испытательным сроком.

— Какой-то ты сильно умный. Обдурить меня хочешь? — нахмурился я.

— Ваще-то… Ваще-то…

— Распечатку с сайта с доходами мне на стол сегодня же. Проектно-сметную документацию по хотдожнице этой — тоже завтра. И пришли своих Какашку с Промокашкой на консультацию — я им разъясню что к чему. Сегодня же.

— Парамошку с Капитошкой! — обиделся Кузя. — Чего ты обзываешься? Глупо же и неинтеллигентсковно… Неиглентистенско… Неинтелливилли…

— Ять! Кузя! Давай, за работу — рысью, марш-марш!!!

На самом деле дурацкий юмор — или словесная агрессия — из людей и нелюдей прет часто не потому, что они такие хохмачи или злодеи. Часто у какого-нибудь мужика просто болит голова, жопа или пузо, и он использует смех или ругань в качестве громоотвода. Нормальных же в принципе нет, все больные и психованные. У меня вон рука болела, как будто ее богомол разорвал, и спина, и ноги — как будто я триста кило на себе тащил. Ничего удивительного — хохмил и ругался…

Удивительно было увидеть на крыльце родной «Орды» вахмистра Перепелку.

— О! Ученичок нашелся! Ну, как там погодка, в Хтони-то? — спросил он, многозначительно похлопывая себя по бедру двумя деревянными мечами, которые он держал одной рукой.

— Осадки из богомольской жижи и град в виде костей скелетов. Местами снег, местами град, местами кислый виноград, — огрызнулся я. — Кузьма Демьяныч, видите — занят я!

— Вижу, прибарахлился. Семь часов натикало, а это значит…

— Кузьма-а-а-а Демьяны-ы-ы-ч! — взвыл я. — Не-е-ет!

— Это значит, что тебе кабздец, Бабай! Лови меч! — я извернулся и ухватил здоровой рукой деревянный клинок, а Перепелка пошевелил усами: — Ты ж знаешь, мне похер. Если ты не придешь сейчас на крышу — я спущусь и буду бить тебя два часа, как и обещал. Мне вообще насрать, даже если ты вырубишься — я буду лупить тебя спящего. Все два часа. Так что в твоих интересах сопротивляться!

По спине прошел неприятный холодок. Нет, уруки не боятся. Это и не было страхом, скорее — осознанием возможной смерти. Утомление было таким сильным, что даже сумасшедшая урук-хаевская генетика могла дать сбой!

— Витенька-а-а-а-а! — заорал я. — Иди продукты забери, а то меня щас убивать будут, мясо пропасть может! А-а-ауч!!!

Я нихера не понимал, как работает татау на правой руке. Но обновиться оно решило именно в этот момент! Самые настоящиее бусы из черепушечек всех местных гуманоидных видов и нескольких загогулин, похожих на богомолов, проявились на моем предплечье. Болело просто люто, как будто у меня на руке выросли зубы и их начали сверлить сразу несколько стоматологов!

Теперь рука от запястья до локтя было зарисована

практически на четверть и выглядела очень даже неплохо! Полыхали золотом не только добытые скальпы, но и проявившиеся не так давно «медицинские» татуировки. По телу прошла бодрящая волна, меня крутануло на месте, подбросило в воздух сантиметров на сорок… Едва сориентировавшись в пространстве, я поймал равновесие и приземлился на ноги. Хрустнул суставами, разминаясь. Пошевелил пальцами правой и левой руки. Потопал ногами. Помотал головой.

— Нормальные спецэффекты! — не то, чтобы я был теперь на сто процентов бодр, здоров и весел, но умереть на месте мне точно не грозило! И бицепс явно зарос! И ссадины и гематомы на башке! И ушибы на ногах! А что жрать хочется со страшной силой и голова кружится — это, как говорил Карлсон, пустяки, дело житейское…

Перепелке, похоже, было бы насрать на все. Даже если бы небеса разверзлись и Зевс помахал бы оттуда своим хреном, тренировка бы состоялась. Какой-то урук чудесным образом исцелился, воспарив в воздух, аки небесный фонарик, и полыхая золотыми огоньками, как новогодняя ёлка? Похрен, тем веселее будет лупить его на тренировке!

— Через две минуты на крыше, — сказал он. — У меня сегодня свободный вечер, уделю тебе на двадцать минут больше времени. Отработаем польские мулинеты сегодня… На первом часу. А потом подъедут пара моих товарищей — займемся практикой боя против нескольких противников.

Сука! Сто процентов: последнюю часть аттракциона он придумал только что, в тот самый момент, когда увидел, что я вполне еще в состоянии сделать ему нервы сегодня вечером!

Глава 18
Высшее общество

Нет, стоило признать — у этих гоблинов руки росли из нужного места. Что касается ремесла и практической сметки — зеленые карлики очень даже шурупили. Тележки получились что надо, со всеми необходимыми приблудами и даже — самоходные! А что выглядели как смесь пепелаца с терминатором — так оно и к лучшему. Хулиганье всякое к нашим пирожникам-хотдожникам приставать меньше будет: а ну, как фастфудная тачанка в какую злобную кулебяку превратится и на куски порежет?

Проблема была в другом: никакой документации и никакой сметы Кузенька мне не предоставил. Следующим же утром привез на задний двор трехэтажного полуразрушенного здания, где располагалась «Орда», пять разнокалиберных агрегатов и гордо сказал:

— Ваще-то классно получилось! Круто и дорого! Ты мне еще пять денег должен остался.

И закономерно получил леща. Давно хотелось! Мелкий прохиндей реально меня достал! Он кубарем покатился по двору, вмазался в одну из тележек, она загремела — но выдержала. Гобленок с обиженным видом поднялся, держась за поясницу и макушку одновременно и обиженно на меня глядя.

— Считай это краш-тестом, Кузьма, и последним серьезным предупреждением! Я попросил Витеньку прикинуть примерные суммы с вывода средств за монетизацию видосов, и знаешь, что получилось? Получилось, что я на эти деньги себе могу еще один пикап купить. Новый, из автосалона в Академгородке. Поэтому, засранец мелкий, разницу принесешь, например, завтра. И если опять попытаешься меня обсчитать — я приду в вашу гостиницу и запихаю твою башку тебе же в жопу.

— Так бы сразу и сказал, — насупился он. — А то — дерешься… Принесу, ладно. Это ж обналичить надо, сам понимаешь, быстро не получится.

— Шуруй давай! А тележки нормальные получились, то, что надо. Испытаем одну сегодня, рядом с «Ордой». Будет у нас вдобавок к рабочей ночи еще и рабочий вечер…

— А какую испытывать будешь? Слушай, Бабай, ваще-то вон ту, с медными патрубками, лучше не испытывать… Я Парамошку с Капитошкой пришлю, они кое-чего тут подкрутят, а? Ну, на всякий случай…

Убил бы, да других таких кадров у меня нет!

— Присылай, — устало вздохнул я. — Но такая херня в последний раз. Я просто убью тебя, вот и всё.

— И что? Будешь у гномов втридорога покупать? Они такие жмоты, такие жмоты ваще-то! Проходимец на проходимце! — засуетился Кузя, бочком-бочком отступая к выходу.

И тут же столкнулся с Хуеморгеном, который ухватил его за шиворот и поднял в воздух своей мощной дланью:

— Гномы, говоришь, проходимцы? Пойдем, сокол ясный, я тебе кое-что проясню за расовую теорию… — Фриц прижал его к себе нежно, как паровой пресс прижимает стальную болванку. А потом, повернувшись ко мне, проговорил: — К тебе твоя ненормальная подружка пришла. Ну, эта, которая ветры пускает!

Я фыркнул, едва сдерживаясь, чтобы не заржать. Походу, Роксана зачем-то прибыла… Нужно было хотя бы переодеться после праведных трудов по благоустройству прилегающей территории, тем более — Ипатьевна отложила мне нормальные такие кеды, очень напоминающие легендарные советские «Два мяча» — синие, на толстой белой подошве. Подошва была классная, очень прыгучая и удобная. И размерчик подходящий. Вместе с кедами у меня появились еще новые джинсы и оригинальная до невозможности черная футболка, которую определенно стоило выгулять!

— Брось ты эту хламидию, иди лучше Роксаночку развлеки, кофе ей сделай, что ли… Пойду приведу себя в порядок, — откликнулся я и потопал в здание.

— Бросить? А-а-атлична! — судя по звукам, Хуеморген раскрутил гоблина над головой и швырнул.

По крайней мере, воздух загудел так, будто пронесся скоростной болид, а грохот и звук удара разнесся из знакомого проулка, которым я раньше шастал к Кристинке. Эх, Кристинка, Кристинка…

Отбросив ненужные мысли, я пошел переодеваться — на второй этаж, где оборудовал себе неплохое пристанище вместо тесной бытовки, по примеру берлоги Хуеморгена. У него тут же, на этой же лестничной клетке, имелся не пентхаус, конечно, но вполне приличная квартирка. А я что? Чем хуже? Вон, и Витенька перебрался в какие-то апартаменты здесь же, выбирая их по весьма интересным критериям: его интересовала сохранность санузлов и ванных комнат…

Короче, спустился в «Орду» я свежий, умытый и одетый, пахнущий хозяйственным мылом и секонд-хендом. Ой, ладно — это куда лучше, чем кишки, инсектоидная жижа и кровища, которые окружали меня в последнее время. Тем паче — полчаса в «Орде», и всё, пропахнешь кофе и мясом как положено!

— О Боже! — сказала Роксана. — Ты в этом собрался ехать к князю?

Во-первых, при мне тут впервые упомянули Бога, а во-вторых — откуда я должен был знать, что мы собираемся к князю? А в третьих…

— Привет, Роксаночка-душечка! А я уж было думал, что ты по мне соскучилась или, может — по волшебному напитку, который мы тут варим…

— Хм! — сказала она, скосив глаза на чашечку, на дне которой осталась одна лишь только кофейная гуща. — По напитку — пожалуй. По тебе — ни в коем случае. Переоденься!

— Не во что! — пожал плечами я. — В трудах, аки пчела. Остальные шмотки — или кровью заляпаны, или порваны. А чем тебе мой наряд не нравится? Нормальные кеды!

— Да причем тут кеды? — возмутилась она. — Ты к князю собрался или в клуб женщин, кому за сорок? Что за дичь на тебе надета?

Я обернулся и глянул в зеркало возле стойки:

«TAK BOL'NO SMOTRET' NA GUBY, KOTORYE NE MOZHESH' POCELOVAT'».

— Вот что красовалось на моей спине на сей раз.

— Не, ну, а что ты предлагаешь? Где я тебе костюм-тройку на заказ на Маяке пошью? Готовых моделей на мой размерчик я и в торговом центре не видал! И вообще — тебе не кажется, что в костюме-тройке я бы смотрелся еще более дико?

Волшебница состроила премиленькую рожицу и внимательно меня осмотрела.

— Знаешь… Клетчатые серые брюки, хорошие коричневые полуботинки, белая рубашка, жилетка в тон брюкам… На голове — виски выбрить, волосы — в пучок на затылке… Было бы ничего, стильненько.

— По-пидорски, — откликнулся из-за стойки Хуеморген.

— Вот! — воздел палец к небу я. — Поэтому если торопимся — поехали в чем есть. Не торопимся — тогда заедем к Ипатьевне, я у нее черную рубашку видал. Должна подойти.

— Что ж с тобой так тяжело-то? — вздохнула Роксана. — Ну, давай, заедем к твоей Ипатьевне. Документы не забудь взять!

— Так ВНЖ у Перепелки! Он меня им шантажирует! И вообще — он садист, ты знаешь?

— Сейчас заберем твой вид на жительство… — Роксана встала из-за стола, сдвинула рукав комбеза и провела пальцем по экранчику браслета на запястье. Через секунду голос участкового пристава откликнулся: — Доброго вечера, госпожа штабс-

капитан…

Однако! Цельный штабс-капитан! Она сделал жест в сторону дверей, предлагая мне дожидаться ее у машины, и я не нашел ни одной причины, чтобы так не поступить. В конце концов, мне давно хотелось выбраться за пределы Маяка, да и увидеть моего первого пациента — Николая Воронцова — тоже.

* * *

Во-первых, охренительной была Роксана. Пока я выбирал у Ипатьевны рубашку, она в машине переоделась в короткое, до середины бедра, красное платье с открытыми руками и интригующим декольте, надела золотые сережки с камешками в тон глазам, такое же колье и пару колечек, и нанесла боевую раскраску, то есть — макияж.

Я таких ухоженных и красивых женщин тут пока что не видел. Я и там-то, в прошлой жизни, с такими как-то не очень тусил, всё больше либо с туристками-походницами, либо с вполне нормальными девчатами из среднего класса. А тут — шик, блеск, Голливуд. Похоже, она тоже — аристократка. Фамилия, по крайней мере, звучная — Ртищева, что-то такое про шикарные балы, платье на кринолине и маршировку дворцовых гренадеров.

Во-вторых, машина у нее была тоже охренительная. Чисто космический корабль. В ней было все, что можно себе представить, даже кресла с функцией массажа, напитки, выдвигающиеся из ниши, кондей, автопилот, голографическая интерактивная карта окрестностей и всё, всё, всё. Предусматривалась и функция управления напрямую — через имплант при помощи шунта или беспроводной связи с чипами, буде у кого они вшиты в мозг, и ручная — с рулем, педальками и прочим. Летела над дорогой эта фантастическая тачила ярко-алого цвета, как будто не касаясь асфальта. Я не фанат люксовых авто, я внедорожники люблю, старые. Просто в какой-то момент мне показалось, что меня похитили инопланетяне и сейчас я внутри НЛО.

В-третьих, районы за ограждением, весь великий и прекрасный Новый Город Сан-Себастьяна был тоже охренителен! В глазах рябило от фешенебельных отелей, уютных особнячков, огромных жилых комплексов из стали, бетона и неизвестных мне композитов, от ярких витрин и парков с буйной зеленью и взмывающими в небо струями фонтанов — я как будто оказался в сраной киношной Америке! В смысле — не в настоящей, а именно экранной, где про счастливую жизнь и рекламу Кока-Колы.

Калифорния из сериала «Калифорникейшен». Кабздец, короче. За две тысячи метров отсюда народ крыс со скорпионьими жалами из еды достаёт и у скелетов мясо отвоевывает, а тут…

— Чего завис? Цивилизации давно не видал? — Роксана пощелкала пальцами перед моим носом. — Ау, Бабай! Вернись в реальность!

— Да я в самой что ни на есть реальности и нахожусь. Я, понимаешь, всегда поражался, как наш народ умеет на дискотеках отплясывать, когда по соседству города с землей ровняют, а тут, понимаешь…

— Эрос и Танатос, — сказала Роксана. — Продолжение рода и самоуничтожение. Траханье и смерть. Вот и всё, что тебе нужно знать в качестве ответа на этот вопрос. Я думаю, работать такая схема будет в любом из миров…

— И у бессмертных эльфов — тоже?

— С чего ты взял, что они бессмертные? Я одному уманьяр выстрелила в голову из «чистякова», у него череп разлетелся, и отменно этот эльф помер! — она ведь была штабс-капитаном, эта секс-бомба в красном платьице.

— Я не…

— Черт, всё время забываю, что ты попаданец! Наши русские лаэгрим живут лет по двести, уманьяр — примерно так же. Эльдары — те да, долгожители. Королевская семья еще колонизацию Америки помнит… Но тоже — мрут. Это я тебе точно говорю.

Дальше мы ехали в молчании. Очарование Новым Городом спало: я разглядел усиленные полицейские патрули на улицах, состоящие обычно из пары людей или гномов при поддержке массивного и приземистого меха-робота на гусеничном ходу с тяжелым вооружением. Почти на каждом перекрестке были установлены пулеметные турели вроде той, что я видел у входа в управу. Под сверкающим покрывалом голограмм можно было рассмотреть потрескавшиеся стены, проросшую кое-где меж тротуарных плиток травку, уродливые граффити… А еще — кроме веселых и красивых людей и нелюдей всех рас и народов тут, привалившись к завалинкам и кемаря в подворотнях, оккупировав темные арки и глухие проезды, обитало социальное дно.

И вот оно-то почти ничем не отличалось от жителей Маяка. Почти ничем, кроме одной детали: их глаза не горели. Эти люмпены даже могли быть одеты лучше и выглядеть более упитанными, но последний снага с Проспекта был бойцом! И черта с два он просил бы милостыню: пошел бы воровать и мародерить — это да, и сдох бы от ножа в подворотне или клыков

твари, но — не унизился бы, приставая к прохожим и низкопоклонствуя за четвертак!

Роксана вдруг спросила:

— А что мясо? Забрал? — вот уж не думал, что она держит это в голове!

— Дал наводку Щербатому, тот распугал мелких беспредельщиков и вычистил гипермаркет. А мясо мне передал. Не всё, конечно, но тонны две — точно. Надолго хватит!

— Хватит на что?

— Ну, вот зайдешь в следующий раз — угощу, узнаешь. А тут, в Новом Городе, как я посмотрю, с продуктами проблем нет? — по крайней мере, в кафе и ресторанах недостатка не было.

— В порт регулярно заходят грузовые суда, недавно восстановили обрушенный при Прорыве туннель, начали ходить товарные составы. Город оживает, это верно… А, черт! Чуть поворот не пропустила!

Суперкар завизжал колесами по асфальту, разворачиваясь практически на месте. Желудок подступил к горлу, я ухватился за сиденье, как завороженный наблюдая за пшеничными волосами волшебницы, которые двигались вокруг головы Роксаны по весьма причудливой траектории. Вот она — сила инерции!

Другие участники дорожного движения наверняка в этот момент сильно нас материли и сигналили тоже — сильно. Но, похоже, даже в сервитуте, где вроде как все равны, аристократы остаются аристократами. Красный болид зарулил на парковку, и тут же из дорожного полотна выдвинулись высокие и прочные армированные столбики, преграждая дорогу всем недостойным.

— Бабай, а ты можешь… Ну, изобразить… — замялась Роксана, не торопясь выходить из машины.

— А? — звучало это всё довольно странно.

— Изобразить моего телохранителя? Наемника? Как будто это не я тебя привезла, а ты мой водитель, и всё такое…

Охранником мне поработать в прошлой жизни довелось. Водителем — тоже. Аристократок не возил, но долбанутых пятидесятилетних дамочек с запросами и средствами — это приходилось. Поэтому сообразил сразу:

— Давай пересаживаться, а потом я типа выйду и тебе дверь открою. И с каменной рожей буду держаться слева и на шаг позади. Так? — черт знает, зачем это было ей нужно, но изображать из себя тупого громилу было, наверное, самым лучшим выходом: я понятия не имел, как предстояло вести себя там, куда она меня вела.

— Ну… Ладно!

Вообще-то поменяться местами в ограниченном пространстве

суперкара, в котором в принципе были предусмотрены только два сидения, оказалось задачей нетривиальной. Хорошо хоть, ни коробки передач, ни ручника тут не наблюдалось — это упрощало дело, но не намного.

Благородная госпожа Роксана Ртищева, штабс-капитан и командир подразделения спецмедэвакуации в какой-то момент оказалась у меня на коленях. Это было чертовски приятно и чертовски интригующе, мне даже захотелось как-то развить ситуацию, и были некие эфемерные намеки на то, что это мое желание на какую-то долю процента, вероятно, может получить реализацию… Но воздух в машине стремительно похолодел и волшебница ледяным голосом проговорила:

— Не сейчас, Бабай! — она сама вообще поняла, что только что сказала?

Не сейчас? Да за это «не сейчас» я согласился бы надеть костюм-тройку! Моя рожа расплылась в идиотской улыбке, а Роксана вдруг — раз-раз — надавала мне пощечин! Хлестких, болючих и обидных. Хорошо, что боль — это пустяки, а обидеть урука в принципе невозможно.

— Вот! — тут же кивнула она. — Теперь ты похож на боевого урука, а не на наевшегося сметаны кота! Такое выражение лица и держи! И дай-ка я застегну тебе рубашку. А рукава — закатай, они всё-таки короткие… Отрастил лапищи!

Интересно, о чем думали местные секьюрити, битых десять минут таращившиеся на замерший у парадного входа в элитный отель люксовый автомобиль? Черт его знает! Я мазнул взглядом их квадратные бритые подбородки, когда вылез из машины — и больше не соизволил обращать внимание на эти предметы экстерьера. Обошел суперкар по кругу, открыл дверцу, подал Роксане руку, обозначая помощь…

Вот теперь это была аристократка! Об ее выражение лица можно было бы охлаждать напитки! Цокая каблучками туфель на высокой шпильке, она продефилировала к входной группе, милостиво кивнула швейцару (хотя тут же нет Швейцарии, черт знает, как называется эта должность), и в полной уверенности, что я следую за ней, вошла в холл походкой царицы. Я топал следом, выпятив нижнюю челюсть и пуча орочьи бельмища. Это должно было производить нужное впечатление — по крайней мере, в зеркале выглядело страшно.

Честно говоря, меня накрыло почти так же сильно, как в первые минуты поездки по Новому Городу — очень уж силен был контраст между здешней публикой и поселенцами с Маяка! Если бы меня попросили описать этих дам и господ одним словом, я бы сказал — богема, или — полусвет. Их наряды представляли

собой причудливую эклектику викторианского стиля и удивительных технологий, нарочитого аристократизма и декадентской пресыщенности. Я такую хрень видал в популярных некогда фильмах про Сойку-Пересмешницу, а тут — довелось полюбоваться вживую. Еще и музыка эта странная — рваный ритм, какие-то незнакомые инструменты… Напрягает!

Мы шли сквозь толпу тусующихся. Волшебница кому-то вежливо кивала, с кем-то здоровалась, с парой местных дам даже обнялась, но траекторию движения не меняла.

Вдруг наперерез шествующей напрямую к лифтам Роксане устремился некий рослый и дородный молодой человек с шикарной гривой светлых волос, в каком-то явно военном мундире строгого кроя. Весь его облик напоминал льва, но льва какого-то бестолкового, суетливого…

— Роксана, ты не могла не видеть, что он жульничал! Роксана, постой, ты не можешь так просто игнорировать меня и дальше! Наши семьи…

— Клавдий, просто уйди. Мне нечего сказать ни тебе, ни этому дурачку Лаврику. Вы — потерявшие голову мальчишки, и ваши петушиные бои меня не интересуют.

— Но я же видел тебя на трибуне! — и тут он ухватил ее за руку.

Я шагнул вперед, становясь между ним и девушкой. Молодой Ермолов (а это был именно он) явно привык смотреть на всех остальных сверху вниз, а потому явление прямо напротив лица страшенной орочьей рожи его привело в замешательство.

— Это что еще за образина? — удивленно проговорил он. — Роксана, кто это? Роксана, я тебя не отпущу, пока ты не дашь мне четкий ответ…

— Клавдий, все смотрят! И немедленно прекрати эманировать тьмой, это как минимум невежливо… — громким шепотом заговорила волшебница.

— Плевать на вежливость, плевать на общество…

Я носом почуял, как изменился запах девушки. Теперь в нем появились ощутимые нотки страха, чуждый урукской физиологии адреналин явно выплескивался в ее кровь огромными порциями! Похоже, этот гад пытался давить на нее по-своему, магически! Что ж, на ваши сложности мы своей простотой ответим.

— НАХЕР С ПЛЯЖА!!! — не сдерживая голосовых связок, проревел я в самое лицо зарвавшемуся наследнику знаменитой фамилии.

Лопнула пара хрустальных фужеров на стойке у лаунжа, завизжала дама, кто-то рухнул без чувств, включилась сигнализация у парочки машин во дворе. Ермолов от

неожиданности вздрогнул и шагнул назад, ошарашенный таким моим напором.

— В лифт! — хватило короткого касания плеча, чтобы Роксана пришла в себя и устремилась к дверям лифта.

Похоже, там стояли датчики движения, так что створки открылись ей навстречу. Я шагнул следом, не сводя взгляда с мрачного, чернеющего на глазах лица Клавдия. Ох, нехороший он человек, настоящий редиска, судя по всему!

— Тинь! — двери закрылись и лифт, ускоряясь, помчался вверх.

— Спасибо, — выдохнула чародейка. — Он страшный.

— Хочешь — я обмакну его башкой в бассейн на обратном пути? Там такой симпатичный бассейн у стойки портье, с рыбками… — предложил я. — Мне такие ребята вообще не нравятся. Сразу ясно — невоспитанный человек! Хватает даму за руку без спроса, ай-яй-яй… Такой и хер об занавески вытереть может, это как пить дать!

— Бабай! — цвет лица девушки уже менялся с мертвенно-бледного на пунцовый, и это было хорошо!

— А что Бабай? Скажи еще, что не может! У него же на роже написано — спит и видит как бы…

Тут лифт тинькнул еще раз, предупреждая, что мы приехали. А Роксана внезапно шагнула ко мне, коротко поцеловала в щеку и тут же отстранилась. Дела!

Створки открылись, и мы практически одновременно шагнули вперед.

Глава 19
Неправильный рояль

Крыша отеля навеяла мне воспоминания о висячих садах Семирамиды. Запоздало щелкнуло воспоминание — вот откуда это название на шильдочке у входа! «SEMIRAMIDA» — так там и было написано. Никак не привыкну всерьез обращать внимание на латиницу, всё кажется, что там какая-нибудь хрень написана вроде названия бренда или состава на пачке дешевой лапши.

Замерев на секунду, я огляделся и прислушался: пели птички, журчали струи фонтанов, благоухали цветы, шелестели листья декоративных деревьев и причудливо выстриженных кустарников. Тут уже никакого «полусвета» не было: вышколенные лакеи в самых настоящих ливреях по обеим сторонам лифта, молчаливый официант-бармен в тенистом уголке рядом с фуршетным столом и баром с напитками, несколько небольших, тихих и интеллигентных компаний по три-четыре человека на резных скамейках или у перил с края крыши.

Жара в этой обители небожителей практически не чувствовалась. Наверное, учитывая магические способности, которые чисто логически предполагались у значительного числа собравшихся, организовать освежающую прохладу было не так уж и сложно. По крайней мере, в машине в момент нашего гипотетического сближения с Роксаной воздух промерз эдак до минус пяти!

— Его светлость ждет вас! — один из лакеев качнулся в нашу сторону.

Волшебница милостиво кивнула: она уже справилась с волнением после инцидента с Ермоловым и выглядела просто прекрасно. Я шел за ней и старался особенно не вертеть башкой — мало ли кто-то не так поймет и на дуэль вызовет. Но один раз не удержался: черноусый ротмистр Петенька Розен пытался пальцами выудить оливку из бокала с мартини, отвернувшись к живой изгороди, чтобы не смущать публику. На нем был такой же черный мундир, как и на придурочном Клавдии, выглядел опричник в нем очень респектабельно, хотя с оливкой управлялся вполне по-свойски, отправив ее в рот и облизав пальцы. Поймав его удивленный взгляд, я скорчил дикую рожу и показал язык.

— Пха-кха-кхе-кхе! — ротмистр подавился оливкой, в его глазах промелькнуло узнавание.

Ну да, ну да, я вона какой — в рубашечке! Не только же вам в мундирах красоваться! Роксана украдкой дернула меня за рукав,

но увидела откашливающегося Петеньку, мило ему улыбнулась и помахала пальчиками, а сама взяла меня под руку, чем вызвала еще один — гораздо более мощный — приступ кашля у ротмистра.

— Я надеюсь, они передадут это моему папеньке, пусть побесится, — хмыкнула она. — Пойдем, не стоит заставлять князя ждать.

* * *

Светлейший князь Георгий Михайлович Воронцов ожидал нас, прислонившись к перилам и любуясь открывающимся видом. Пейзаж был что надо: море, горы, белоснежный город, утопающий в зелени, и мутное марево Хтони над Маяком. Там, на Проспекте, я как-то не обращал на него внимания, а отсюда разница была видна невооруженным взглядом: как будто пыльное облако висело в воздухе. Тут, в Новом Городе, атмосфера была явно чище, несмотря на обилие машин, людей и промышленных предприятий.

— Рад вас приветствовать… Роксана, господин Сархан… — его светлость церемонно склонил голову, поворачиваясь в нашу сторону. — Николай! Подойди к нам, познакомьтесь! И Лаврентия зови!

Однако — Лаврентий проводил время тут, а Клавдий — там, внизу! О чем-то это должно было говорить… Но еще более интересным показалась мне манера высших аристократов общаться: вот от кого я не видел презрения и тыкания моим ублюдским происхождением. Они были слишком хорошо воспитаны? Оценивали личность по заслугам и достижениям? А может быть, презирали всех одинаково, глядя как на червя и на полукровку-орка и на чистокровного простолюдина… Интересно, а простоэльфин есть? А простогномин? Звучит как лекарство от аденомы простаты… А у орков бывает аденома? Как вообще тут с онкологией дела обстоят?

— А как у вас тут обстоят дела со злокачественными опухолями? — внезапно для самого себя спросил я.

Николай и Лаврентий, которые подходили к нам, уставились на меня с максимальным удивлением. Роксана — с явным интересом, а князь невозмутимо ответил:

— Лечим. Есть методики на стыке технологии и магии. Подселяем симбионты, стимулируем иммунную систему, уничтожаем пораженную плоть механически, при помощи высокоточных заклинаний, основанных на сложных программных

алгоритмах. Синтезируем декокты и эликсиры в алхимических лабораториях — в том числе из хтонических ингредиентов. Рак, вирусы, сердечно-сосудистые заболевания — при наличии ресурсов вылечить можно почти всё. Благодаря этому одаренный аристократ может прожит вплоть до ста пятидесяти лет, сохраняя физическое и психическое здоровье. Дальше уже сложнее — есть такое понятие, как необратимая накопленная усталость организма… Как думаете, сколько мне лет, господин Сархан?

— Пятьдесят? Вы прекрасно выглядите, ваша светлость, но глаза выдают огромный жизненный опыт. И седина сбивает с толку, — прищурился я.

— Девяносто четыре. Поздно начал терапию, нынешнее молодое поколение в моем возрасте будет выглядеть на тридцать-сорок.

— Ого! — не удержался я.

Нет, я намотал на ус рассказ Роксаны про долгоживущих эльфов, но вот так вот запросто — сто пятьдесят лет для человека? Не для всякого, понятно, но сама возможность! А интересно…

— А уруки живут, пока их не убьют, — мрачно улыбнулся князь, как будто читая мои мысли. — За всю письменную историю пока не было зафиксировано официально ни одного случая смерти представителя народа урук-хай от сердечного приступа, инфекционного заболевания или, скажем, злокачественной опухоли. Зато очень, очень много несчастных случаев, особенно в детском возрасте, насильственных смертей — особенно на полях сражений. Также среди причин смерти уруков можно отметить поедание дикими зверями и хтоническими или магическими существами, а также — магическое испепеление, заморозка, остолбенение, испарение, удары током, растворение в кислоте… Справедливости ради, большая часть уруков обоего пола, достигнув семидесяти лет, добровольно ищут смерти, так что, может быть, и ваше племя может прожить полтора века, кто знает! Но в Государстве Российском среди урукских таборов существует традиция вербоваться в штурмовые отряды Гренадерского корпуса. А штурмовые отряды- это…

Про штурмовые отряды и отсутствие инстинкта самосохранения мне было максимально понятно. Но — таборов? Он реально сказал — таборов? Я что теперь — некий своеобразный фэнтезийный цыган? Вот же черт, я думал, уруки — это кто-то вроде маори, апачей или на худой конец — гуркхов! А тут — таборы! Князь всё-таки не умел читать мысли — он истолковал мое замешательство по-своему:

— Ваши нынешние соплеменники весьма доблестные и

стойкие бойцы. Я знавал одного гренадера — Гаршнаг Кабриолет, так его звали… Ему на момент смерти стукнуло девяносто один, погиб, бросившись с кардом наголо в пасть красному дракону.

— А почему — Кабриолет? — не удержался я.

— Ха! В одном из боев у него снесло макушку напрочь — со скальпом и куском черепа, мозг торчал наружу! Пока прибыла спецмедэвакуация…

— Мы вживили Гаршнагу Старому титановую пластинку, — поморщилась Роксана. — Потом заросло кожей, но лысина и шрам остались на всю оставшуюся жизнь. Вот и поменяли ему прозвище после второго рождения. А у вас, уруков, с юмором беда… Тебе ли не знать!

Ах, вот оно что! Гаршнаг Кабриолет, значит! А я-то думаю, откуда это всё изнутри меня берется-то…

— Я знал одного парня… Его звали Рашт, Рашт Красная Шапочка, — вступил в разговор Николай. — Вместе брали Бырлад, в феврале. Тоже — из урукских гренадер, хотя и не штурмовик — минометчик. Мне парни рассказали — у него бабушку волк сожрал, вот и…

Я-а-а-а-ать, и почему это так дико и так смешно? Я не удержался и заржал как настоящий придурок, потом осекся и сказал:

— Мой опыт общения с соплеменниками-уруками был весьма ограниченным, так что…

— А каким он еще мог быть у ученика Резчика? — с пониманием проговорил Николай. — Вы и так очень быстро освоились после десяти лет изоляции. Так уж вышло, что из-за меня ваша инициация…

— Твоя, — вставился я. — Можно на «ты», ага?

— А! Ладно. Твоя инициация прошла раньше срока — из-за меня… И я теперь дважды обязан тебе. Своей жизнью и жизнью моего лучшего друга и боевого товарища. И… Я долго думал, что могу предложить в качестве награды за спасение и…

— Дружбу? — вот в этот момент я подумал, что перебрал.

Конечно, общение с Роксаной, которая почему-то благосклонно относилась к моим выходкам, и доброжелательный тон, который взял в разговоре со мной князь Воронцов, сбили меня с толку. Да и Коленька, и Лаврик не могли восприниматься мной иначе, как только-только вставшие со студенческой скамьи пареньки. Да, с боевым опытом. Да, могущественные и богатые. Ну и что?

Вот я и ляпнул про дружбу. В конце концов, телу, в котором я живу, было всего девятнадцать лет! А тому же Витеньке — как минимум двадцать пять, да и вообще — он осьминог! Хуеморген

— совсем взрослый дядька. Кузя — настоящий гад, хоть и полезный. Нужно же как-то кругом общения обзаводиться, общаться с кем-то, время проводить. Но, ять, не среди светлостей, милостей и высочеств же! Делать мне, что ли, нехер? Кто меня за язык тянул? Лучше бы взял деньгами и пошел хотдожные тележки апробировать! А потом трындюлей от Перепелки получать…

Честно — я думал, что светлейший князь выкинет меня через перила нахер. Почему-то присутствовала уверенность: сил бы ему хватило. Долгая пауза повисла в воздухе, а потом Николай Воронцов широко улыбнулся и протянул мне руку:

— Это честь для меня.

Через секунду Лаврентий сделал точно такой же жест:

— Почту за честь!

Ох-ре-неть! Это я чего-то не знаю, или сейчас из кустов выскочил рояль и принялся гарцевать со страшной силой по всей крыше отеля «Семирамида»?

* * *

Мы с Роксаной ехали на суперкаре медленно, по объездной эстакаде. На коленях у меня лежала шкатулка с экстрактом корней дерева Пха — очень ценное и редкое снадобье, стимулирующее урукский метаболизм и вообще — лекарство от всех орочьих болезней, кроме венерических и психических. Вроде как сильнейший боевой стимулятор, инструкция прилагается. Священная дрянь для урук-хай, если по правде. Пища богов! Пахла, кстати, отвратно. Именно ее мне предполагалось вручить в качестве благодарности за спасенные жизни, но мое предложение дружбы сбило всех с толку и настроило на какой-то веселый и бесшабашный лад.

Мы выпили по паре бокалов игристого, договорились, что ребята перед следующей командировкой на Балканы навестят меня на Маяке, и я подумаю над какими-нибудь полезными татау: защитными, усиливающими, медицинскими… Князь прозрачно намекнул, что передаст мне с Перепелкой некое деловое предложение и величаво удалился по своим княжьим делам. Мы выпили еще по два бокала, и Лаврик с Колей решили, что им пора в какой-то «Мускат», и звали меня с собой, но Роксана предложила еще вина, и… Мне никогда не нравилось игристое, но ради такого случая — почему бы и нет?

— Как насчет того, чтобы искупаться? — сказала вдруг волшебница, на секунду отвлекаясь от дороги. — Я тут уже почти месяц, а на море не была.

— Как насчет того, что я — урук? — уточнить на всякий случай стоило. — Я тут меньше месяца, но врубился, что уруков в публичные места пускать не принято. Но вообще предложение мне нравится.

— Отправимся в непубличное, — кивнула она и вдруг закрыла глаза. — Не мешай мне пару минуточек, ладно? Код двадцать-семьдесят-восемь, борт триста шестнадцатый, Ртищева, взлетаю.

— Взлет разрешаю, борт триста шестнадцать, Ртищева, — откликнулся механический голос откуда-то из динамиков на приборной панели. — Пеленг поймал, исключение прописано.

— Что значит — взлетаю? Яа-а-ать! Йа-а-а-аху-у-у-у-!!! — Роксана, похоже, подняла электрокар в воздух магией, и мы пронеслись над Сан-Себастьяном в сторону открытого моря.

Летучее авто чуть наклонило капот вперед, мы удерживались в сидениях только благодаря выщелкнувшимся и зафиксировавшим конечности и тела ремням безопасности. Но зато — драйв был капитальный, обзор через огромное лобовое стекло на море и горы, ощущение скорости…

— Опускаемся, — сказала волшебница. — Почти прибыли.

Машина плавно притормозила и стала снижаться вертикально вниз.

— А тут…

— Заброшенный испытательный цех морских вооружений. Двадцать на двадцать метров, есть приличный спуск к воде. Ты глубины не боишься? — спросила она. — Я сюда иногда прилетаю, когда хочу побыть одна. Порой тут тусят компании, приплывают на яхтах и катерах, устраивают шумные вечеринки, но сейчас никого нет.

— Глубины? Нормальные у меня отношения с глубиной… Кстати — интересно проверить, на что способно это тело в водной стихии. Слушай, а дверь можешь открыть? — до воды было метров пятнадцать, и это показалось мне хорошей идеей.

Я живо принялся снимать рубашку, футболку и кеды.

— Идиот? — она повернула голову ко мне. — А… Точно! Чего это я. Пожалуйста!

Дверь открылась, дохнуло морским бризом, я глянул вниз и ощутил мурашки на коже. Хор-р-рошо!

— Хакуна-мата-та-а-а-а!!! — короткие секунды полета наполнили душу щенячьим восторгом, я не стал мудрить со всякими фигурами высшего пилотажа и вошел в воду ровно — солдатиком.

Море крепко ударило в пятки, холодная чистая глубина обняла и приголубила меня. Раскрыть глаза в воде? Не проблема!

И какой дурак назвал море Черным, если оно — зелено-голубоватое? Были какие-то истории про сероводород на дне, но тут им и не пахло — мелковато. Вынырнув, я вдарил кроллем к виднеющемуся метрах в пятидесяти фантасмагорическому силуэту цеха. Электрокар уже стоял там, на вершине, и девичья фигурка в красном (в цвет платью?) бикини ласточкой полетела вниз. Вот читерша! Точно — использовала магию, слишком уж пологим был ее полет!

Она вынырнула не так уж и далеко от меня, я несколькими мощными гребками приблизился и сказал, отфыркиваясь:

— Красиво!

Роксана тоже балансировала на волнах, при этом умудрившись убрать с лица волосы и ослепительно улыбнуться.

— Классно плаваешь! — почти крикнула она, всё еще под воздействием адреналина от полета. — Я такого никогда не видела. Неужели — что-то полезное от попаданца? Научишь потом?!

— Потом? — вот эти ее «не сейчас», «потом» — они заставляли сердце стучаться о грудную клетку даже сильнее, чем во время безумного пятнадцатиметрового прыжка: олимпийцы прыгают с десяти!

— Давай наперегонки до цеха? — подмигнула чародейка, извернулась и каким-то хитрым брассом наддала по волнам.

Я засмотрелся на ее ножки и на всё остальное, и на алое бикини тоже. Мыслей не было ни одной, в висках пульсировала кровь. Вдохнув как можно больше воздуха, я нырнул и рванул следом.

Всё-таки уруки — это нечто. Генетика решает! Чертова биологическая торпеда, вот что это напоминало. Конечно, Роксана использовала магию и плыла быстрее, но преследовать ее — это было чистое удовольствие.

Наконец, достигнув бетонного основания платформы, я уцепился за нижнюю ступеньку ржавой лестницы, что спускалась практически до самой воды, и успел увидеть, как мелькнуло вверху, на втором этаже, мимолетное видение с копной светлых, волнистых от влаги волос. С опаской подтянулся, примеряясь своим весом, и полез, прислушиваясь к каждому скрипу. Нет, я не боялся упасть в воду, просто хрен его знает, есть ли тут еще один путь наверх.

— Иди сюда! И джинсы снимай, я просушу, — помахала мне рукой волшебница.

Однако, запасливая девушка! Всегда в машине возит плед и полотенца? Или у нее были далеко идущие планы? Я скинул джинсы на бетонный пол, оставшись в свободных трусах-

боксерах. Хрустнул суставами, потянулся, отошел в тень, которую создавала большая надстройка. Всё-таки солнце — это не для уруков. Позагорать не получится.

— Твое татау… Ты там без дела не сидел, да? Твоя сила как Резчика растет, — задумчиво проговорила девушка. — Иди сюда, сядь со мной рядом. Дай я посмотрю… Знаешь, ты ведь сделал большой подарок Воронцовым.

— Я-а? — чертовски приятно было ощущать ее пальчики на моей руке, как она водила ими по иероглифам и загогулинам, чудным образом проявившимся на коже в последние дни.

— Ты. Знаешь, сколько всего в мире Резчиков?

— М-м-м? — я сделал крохотное движение, приближаясь к Роксане на пару миллиметров и почувствовал тепло ее тела.

— Живых, кроме тебя — трое. Один — на Балканах, один — на Борнео, еще один — в Гренадерском корпусе, у нас. И ты. Понимаешь? — она и не собиралась отстраняться.

— А почему меня до сих пор…

— Не стреножили? — ее руки явно перестали изучать татау, движения стали медленными, пальцы гладили мне бицепс, плечо, спину…

Я боялся сделать лишний вдох, чтобы не нарушить магию момента, и потому кивнул.

— Потому что Резчик ничего не может сделать из-под палки. Потому что то, что я тебе сказала — государственная тайна. В Государстве Российском самая большая диаспора урук-хай в мире, только у нас таборный урук может сделать карьеру в армии или спецслужбах. С недавних пор — еще в Балканской Федерации, но… — ее руки теперь путешествовали по моей шее, груди, прессу, и это было уже почти невыносимо.

— Роксана, солнышко, или прекращай меня провоцировать, или немедленно посмотри мне прямо в глаза и скажи, что я тебя правильно понимаю. Я ведь сейчас…

Она подняла голову, широко распахнула глаза, взмахнув пушистыми ресницами:

— Правильно…

Меня и до этого мало волновали Борнео и Балканская Федерация, а теперь… Я рывком притянул ее к себе, она подалась навстречу и поцеловала — долгим, жадным поцелуем. Разве это возможно? Но ведь это — происходит?..

* * *

Солнце клонилось к закату, мы лежали на пледе, спиной я

ощущал выбоины в бетонной крыше испытательного цеха. Голова волшебницы уютно расположилась у меня на груди, глаза ее были закрыты. Казалось — девушка задремала. Но нет — потянувшись гибко, как кошка, всем своим ладным, сильным, нагим телом, она села, обняла руками колени и сказала:

— Я выйду замуж за Петю Розена.

В голове было пусто, на душе — муторно. Петя Розен? Хороший парень, усатый, красивый. Дворянин.

— Он одаренный? — зачем-то спросил я.

— Интуит. Очень сильная чуйка, в экстремальной ситуации действует правильно почти всегда — по наитию. Прекрасно разбирается в людях и в нелюдях- тоже. Он бы никогда не позволил тебе просто так прикоснуться к княжичу. Чувствовал — всё получится. Идеальный командир.

— Муж тоже будет хороший, — а что я еще мог сказать?

— Наверное. Давай я подброшу тебя до КПП. Не стоит тебе пока что разгуливать по городу…

Это ее «пока что» теперь не произвело на меня никакого впечатления. Она быстро оделась в привычный милитари-комбез и смотрела, как я прыгаю по платформе, пытаясь нацепить на себя севшие от влаги джинсы. Чертова одежда выбесила меня капитально, так что я рыкнул, оторвал штанины выше колена, напялил эрзац-шорты на себя, потом — влез в сраную фтуболку с конченой надписью на спине…

— Бабай? — Роксана ткнула меня кулачков в плечо. — Не дуйся! Ты классный! Не усложняй, а? Просто — такая жизнь. И так — сложная.

Мне хотелось грязно выругаться, но я взгромоздился на пассажирское сидение авто и сказал, стараясь держать максимально нейтральный тон и не срываться в гроул:

— Значит — будем упрощать.

Волшебница задумчиво глянула на меня, одним плавным, изящным движением села в машину, прикрыла глаза, прикусила нижнюю губу — очень симпатично…

— Код двадцать-семьдесят-восемь, борт триста шестнадцатый, Ртищева, взлетаю.

— Пеленг принял, взлет разрешаю…

Электрокар, повинуясь неведомой гребаной магии, взмыл в воздух, рассекая начавшие собираться над бухтой тяжелые дождевые тучи.

Глава 20
Месть снага

Последние три квартала я бежал уже бегом. Сомнений быть не могло — густой черный дым валил из окна «Орды»! Горный ливень хлестал с неба, но я был ему страшно рад: под палящим солнцем я бы не смог, наверное, держать максимальный темп, да и в случае большого пожара дождь тоже — неплохое подспорье…

Вокруг «Орды» суетились ребята Густава. Сам гном с брандспойтом в руках от души поливал ближайшее здание, на которое грозил перекинуться огонь. Понятно — им плевать было на мое имущество, главное, чтобы их «Надым» не пострадал… А вот Кузенька, Капитошка с Парамошкой и еще штук двадцать мелких зеленых засранцев вполне себе споро передавали ведра с водой по цепочке и поливали что-то внутри. Пожар был какой-то странный — несколько небольших очагов, кажется — с трех сторон.

Обгорелый фасад оказался напрочь испоганен корявыми граффити, в которых явно читались оскорбления против меня лично, а также — направленные на весь окружающий мир. Снага! Я как носорог проломился сквозь толпу зевак, вырвался на оперативный простор, выхватил из цепочки водоносов Кузю и спросил:

— Что случилось? Говори быстро, по толку!

Гоблин не стал тянуть резину, собрал мысли в кучку и выдал:

— Снага мстят тебе за убитых. Это не Щербатый, никто серьезный, просто молодые бандюги, но их много! Целая толпа. Вломились в «Орду» два часа назад, я слышал — орали, что одного утопили, одного — закопали. Всё разгромили, но я не видел никакой добычи у них в руках, кроме пакетов с продуктами с кухни. Обосцали крыльцо, все изгадили, подожгли… Некачественно подожгли ваще-то!

— Утопили? Закопали? — суки, если они убили Хуеморгена с Витенькой — я ж с них кожу живьем драть буду! — Где?

— Мы тушим, мы не знаем!

— За то, что тушите — спасибо! Продолжайте! Сочтемся! — хлопнув гоблина по плечу я, задержав дыхание, рванул в дымное нутро кафешки и, как пушечное ядро, пробил его насквозь, распинывая обгорелые столы и стулья и проникнув через подсобку к черному ходу.

Единственное место, где можно было кого-то закопать поблизости — это задний двор, там не имелось бетонного или

асфальтового покрытия, только утоптанная земля. И большая цистерна с технической водой… Я выбежал наружу и принялся осматриваться: вот оно! Прямо посреди двора — прибитая дождем, но все еще рыхлая копаная земля! Сверху — насрано. Ну конечно!

Одним прыжком я допрыгнул туда, расшвырял пинками говно и принялся копать голыми руками, отбрасывая огромные комья земли со всей возможной скоростью…

— …уй…ять…нные… дорасы зеленые! Закопать гнома, долбоклюи! Упоротые личинки! Сука! Лохи позорные! — чем тоньше становилась прослойка земли между мной и Хуеморгеном, тем громче звучал его голос. — Один говорит — у них клаустрофобия, туннельная болезнь, умник жёваный! Давайте гнома закопаем, говорит! А Витенька как заорет, мол, лучше меня закопайте, только не тащите к цистерне, мол, воды боюсь! Они как загогочут, да как кинут его туда, еще и палками тыкали, пока он на дно не опустился! Но отпи… Били нас как следует, короче. Серьезно били, вонючие навозные черви!

Я ухватил его за руки и вытянул из земных недр. Сначала появилась усыпанная землей борода, потом — сердитая гномья рожа, которая злобно поздоровалась и продолжила поток ругани:

— Хуеморген, ять! Закопать они хотели! А мне похер, я кхазад! Десять ударов сердца в минуту — и могу хоть сутки так валяться, пока спасатели не найдут! Идиоты, неучи! Бабай, хули ты так долго? Пошли хлебальники бить, мочи нет, как охота убить штук двадцать зеленомордых снага! Ой, ай… Не, хлебальники потом бить пойдем, у меня ребра походу сломаны…

— Как же я рад тебя видеть, бородатая жопа! — я бы обнял его, но ребра — штука серьезная! — Я как дым увидел — думал всё, аллес капут!

— А оно и есть аллес капут. Плакала наша «Орда»! — гном уселся на краю собственной могилы и замер под струями дождя в грустной позе.

— Ничего не плакала! Мы отстроим всё заново! Только еще больше! И лучше! Щас Витеньку достану, и всё порешаем… А вообще ты знаешь, дядя Фриц… Пожалуй, мы ничего не будем строить заново. Пусть они сами строят… — в голове у меня родилась отличная, просто потрясающая в своей бесчеловечности… бесснаговости?.. в общем — очень замечательная идея.

— Сами? — удивился Хуеморген. — Ты хочешь заставить снага отстраивать нашу «Орду»?

— О, да… — я встал, отряхнулся, помог подняться гному и отвел его под козырек черного хода.

А сам полез на большую ржавую цистерну, какую тут использовали до того, как Фриц Дюрхденвальд подключил центральный водопровод. Вскарабкавшись по шатающимся металлическим ступеням, я выкрутил стопор и открыл крышку:

— Ау-у-у, Витенька-а-а-а! — акустика в стальной хреновине была потрясающая.

— Буль-буль, — ответил Витенька, высовывая свою осьминожью башку над поверхностью воды. — Бульваны и имбульцилы. Они хотели закопать гнома и утопить осьминога, понимаешь? Бабай, почему в мире столько идиотов?

— Давай сюда свои щупальца, дорогой ты мой головоногий товарищ, как же я нахрен счастлив, что ты жив! — и он протянул ко мне свои щупальца, и я вытащил его наружу.

А потом мы потушили остатки пожара и обнаружили, что все не так уж плохо: кофе-машина не сгорела, турочки не расплавились, тандыр остался цел. Уцелело и подвальное хранилище, где Хуеморген раньше хранил боеприпасы, а теперь — морозилось мясо и хранились другие продукты в автономных рефрижераторах.

И пожарили во дворе, на тех самых передвижных хотдожьих тележках много мяса и угостили всех гоблинов, которые помогали тушить. А Густава не угостили — пошел он в жопу, куркуль несчастный. У него целый брандспойт со шлангом, а он ни капельки воды на «Орду» не потратил по-соседски! Радовался, курва, что конкурент чужими руками уничтожен. Хотя, я его дом труба шатал, то есть — женщину имел, предъявлять какие-то претензии в моем случае было бы полным свинством. Но и мясо тратить на его банду я не собирался.

Дождь кончился. Гоблины жрали мясо. Витенька занимался травмами Хуеморгена, самому-то октопусу было как… Как с гуся вода! Хотя набили их смертным боем, у гнома кроме сломанных ребер оказались еще сломанные пальцы, вывихнутая лодыжка и куча мелких проблем. Пользуясь своими зоотерическими способностями, осьминог отрабатывал еще и за костоправа, так что Фриц матерился и хрустел костями, и заливал горе пивом.

А я подсел к Кузе.

— Кузя! Хотя ты и сволочь, но других таких друзей, как ты, у меня нет, — сказал я. И был искренен. Эта зеленая сукападла единственная со всего Маяка пришла на помощь «Орде». А потому — гоблиненок заслужил быть ее частью. — Хочешь — я возьму тебя на работу?

— Меня? — удивился Кузьма. — На какую работу? У тебя ж всё сгорело!

— Гля, как много работы! Всё ж заново делать теперь! —

оскалился я. — И я тебя уверяю, Кузенька, когда я начну всё это делать — лучше быть со мной на одной стороне. Пойдешь ко мне в «Орду» на должность менеджера по клинингу и вторичным ресурсам? Дам спецовку, блестящий жетон и нормальное спальное место. Совмещать с индивидуальным предпринимательством не запрещается, количество помощников менеджера не ограничено. Работы хватит всем!

— А оклад какой? — зашевелил ушами заинтересованный гоблин.

— Никакой. Оплата труда — сугубо сдельная, знаю я вас, оглоедов. Зато будут бонусы в виде отчислений с процента дохода корпорации.

— Корпорации? — прохрипел выкручиваемый осьминогом Хуеморген. — Ты говоришь это на развалинах своего бизнеса? Ты рехнулся?

— О-о-о, нет. Я не рехнулся. Теперь мой разум чист, как никогда ранее, я четко знаю, что именно собираюсь сделать. И это мало кому понравится, но мне, честно говоря, насрать. Скажи мне, Фриц, а где мой лом? А ты, Кузя, скажи мне — кто именно из снага есть те самые те гады, что устроили всё это безобразие?

Честно говоря, я наконец-то решил побыть Резчиком, вот и всё. И мне нужны были подопытные. А этот разгром — он пришелся очень кстати, поскольку давал мне карт-бланш на всё, что угодно. И я даже рад был, что это сделали именно беспредельщики-снага: они в целом мне никогда не нравились.

* * *

Это место называлось в народе «Пампасы», этакий глухой закуток, довольно близко расположенный к маякской условной зажиточной промзоне, и вместе с тем по духу своему очень похожий на длинный аппендикс Проспекта. Пару лет назад здесь процветал частный сектор, типичные для местной архитектуры двухэтажные кирпичные и каменные дома располагались вольготно в тени мандариновых, гранатовых, хурмовых… хурмяных… и фейхоашных… фейхуовых… и прочих всяких разных плодовых деревьев и виноградников. Но теперь давление Хтони сказало свое веское слово, сады были вырублены и рядом с капитальными особняками поселенцы настроили лачуг и хибар из всякого хлама, используя для жилья также остовы автомобилей, контейнеры, павильончики, цистерны. В этом были все снага! А именно снага в Пампасах составляли подавляющее большинство. Молодые, не обзаведшиеся семьей, не прибившиеся к какому-

нибудь мародерскому или бандитскому клану или рабочей бригаде, без определенной профессии и занятия, они зарабатывали на жизнь поденщиной и халтурками, случайными кражами, вылазками в ближнюю Хтонь. И именно в этой зловонной дыре крылся источник моих проблем.

Одному борзому ублюдку по кличке Дихлофос взбрело в голову отомстить за братцев. Тех самых, которые швырялись камнями в кафе, когда оно еще называлось «Еда и Напитки». Снага рождаются выводками — по пять-шесть маленьких засранцев от одной мамки, так что мне удалось за раз прихлопнуть примерно половину всей гнусной семейки. Они тогда пытались заработать себе дешевый автритет и немного монет, выполняя мелкие поручения Щербатого, но напоролись на меня. Такое бывает, когда в качестве основного занятия выбираешь не созидательный труд, а паразитизм в самом чистом его виде… И вот теперь, воспользовавшись благовидным предлогом в виде мести, этот самый Дихлофос расписал таким же молодым оболтусам, как и он сам, перспективы нападения на явно разжиревший на продаже фастфуда ресторанчик — как материальные так и репутационные. От таких возможностей у юных мудаков случилось головокружение от несуществующих успехов, они нажевались какого-то синтетического дерьма и пошли убивать урука. То есть — меня! Страшная снагова месть за убиенных мной говнюков должна была свершиться!

Но урука на хате не было, потому они отбуцкали а потом предали лютой смерти его холопов (так думали снага), все изгадили и смылись, планируя вернуться ночью и доделать начатое, когда урук будет стенать над разоренным гнездом. А хер там! Давно они с уруками не общались. Я и не думал стенать, я надел национальный костюм и очередную тупую футболку, прицепил кард за спину, прихватил с собой хороший такой моток прочной веревки и ломик, а для допинга сунул в рот щепотку этого самого экстракта дерева Пха, раз оно такое жутко полезное. И полез в Большую Клоаку, чтобы при помощи набросанной Кузей схемы вылезти прямо посреди вражьего логова.

* * *

В Клоаке мне пришлось обнажить меч: метрового роста твари с костяными панцирями навроде черепаховых, лысыми бошками и когтистыми длинными лапами набросились на меня с четырех сторон. Одну пнул, от второй увернулся, третьей — сходу отсек нижнюю конечность, четвертой врезал ломом — дурак я, что ли,

такое полезное орудие из рук выпускать?

Ну да, я не был обоеруким бойцом, уруки такое не практиковали, но тупо по-мужицки врезать железной палкой по хлебальнику левой рукой мог. Получилось довольно эффективно, даже лучше, чем мечом: башка черепашки лопнула как спелый орех!

— Минус Микеланджело! — сердито буркнул я.

Не было у меня охоты с ними бодаться — я шел за снага! Но делать нечего — двое целых монстриков были настроены весьма решительно и атаковали своеобразно: собрались в кучки, оттолкнулись от стеночки коллектора и с большой скоростью покатились на меня, как огромные шары для боулинга. Разумным показалось на их боулинг ответить нашим гольфом, потому я отбросил меч, перехватил лом обеими руками и — бах! — не настоящий гольфистский драйв, конечно, получился, но за нормальный питч вполне сойдет… И второму — бах! Обе твариные черепахи с хрустом вманались в противоположную стену, я в два прыжка подобрался поближе и — хрусь, хрусь — вскрыл им черепные коробки.

— Минус Донателло и Караваджо… Ять! Это ж надо… Какой, в жопу, Караваджо? Рафаэлло… Ять! Рафаэлло — это конфеты! — короче, четвертого, который был гипотетическим Леонардо, я добивал уже без настроения.

Обозвать похожих на черепах хтонических тварей черепашками-ниндзя — это не зашквар. Зашквар — перепутать их имена!

Когда я лез наверх по вколоченным в стену металлическим скобам, то внезапно почувствовал некую горячую волну, которая прошла по всему телу, от груди — к ступням и кистям рук, к самой макушке. Меня стало колотить, как при сильной температуре, все до одного волосы встали дыбом, зрение, слух и обоняние внезапно обострились, ритм сердца разогнался…

— Пха! — удивленно выдохнул я, и мне показалось, что дыханием моим можно переплавить одну из этих самых скоб. — Нихера себе! Ясно, почему они его так назвали, это дерево!

Наконец острая волна ощущений улеглась, бешеный озноб прошел, но странная разгоряченность тела и четкость сознания остались. А ну, как отпустит в самый неподходящий момент? У любой заимствованной силы, будь то химические спортивные фарм-препараты в мире нашем или, как тут, на этой самой Тверди — магические прибамбасы, есть одна особенность: за нее всё равно придется платить. И в моем случае — лучше бы позже, чем раньше…

Одним рывком я преодолел расстояние до крышки люка,

мощным толчком обеих рук отворил ее и выбрался наружу. Солнышко уже садилось, зеленокожие уродцы устроили танцы вокруг костра, видимо, празднуя надо мной победу и пожирая украденные из кафе и квартир продукты! Снага было штук тридцать на утоптанной площадке у большого дома, и самого главного из них — этого самого Дихлофоса, я приметил сразу. Как я его узнал? Ублюдок размахивал тесаком, который я честно отжал у скелета в хтоническом торговом центре! Вещица была знатная, блестящая, и татуированный с ног до головы снага что-то втирал своим подельникам, потрясая кухонной утварью так, будто это был Эскалибур. А еще — у него имелся красный ирокез на голове, такой ни с чем не спутаешь. Амбициозный парень, заметный… Небось, в вожди метит или на место Щербатого.

Я поднял с земли осколок кирпича, прикинул расстояние… А потом точно — как во время выполнения упражнения по метанию гранаты с разбега — разогнался в четыре шага и швырнул, чтобы привлечь внимание снага. Мне нужен был хор-роший бой, слишком много негатива накопилось за последние дни, и слишком зарядил меня этот сраный экстракт… Надо будет хоть инструкцию почитать, что ли? Может, он на полукровок как-то по-дурному действует?

— КРАК! — кусок кирпича с хрустом втемяшился в голову Дихлофоса, оставив на ней солидную вмятину.

Несостоявшийся великий пампасский вождь кулем рухнул на землю. Снага принялись оглядываться, трусливые твари! И когда они заметили меня, то я не выдержал и заорал во всю силу легких то, что давно распирало меня вот уже как почти месяц:

— ЛОК-ТАР ОГАР-Р-Р-Р!!! — и ринулся на них, рыча и размахивая ломом.

Конечно, для них это ровным счетом ничего не значило — но я-то знал, что это такое! И первыми же ударами железного дрына доходчиво объяснил, чем отличаются сраные снага от настоящего боевого урук-хая, и почему, к японой матери, не стоит жечь и ломать то, что принадлежит МНЕ!

Будь среди них хоть один лидер уровня Щербатого, они бы навалились на меня скопом и просто запинали бы до смерти, но такие Щербатые — товар среди снага штучный. Может, Дихлофос и смог бы направить их в бой, но Дихлофос пускал пену изо рта на земле… И потому, оставив лежать покалеченных товарищей на земле, такие борзые и веселые за минуту до этого снага теперь бросились врассыпную!

— Куда? Куда-а-а?! — такого расклада я точно не ожидал, моя свирепость не была утолена даже на йоту, и я рванул за ними, догоняя, преследуя и уничтожая отстающих.

Эту ночь в Пампасах запомнили надолго. Она, нахрен, вошла в орочьи легенды, а точнее — в страшилки. Это я знаю точно.

Глава 21
Ужасный эксперимент

Я бодренько погонял целую вереницу связанных снага по Проспекту, используя лом как шест каюра и тыркая им отстающих. Шесть молодых, крепких, мускулистых снага со скрученными крепкой веревкой руками и привязанные один к другому за шею были совершенно подавлены и жутко напуганы. От звуков моего голоса они прижимали уши, щурились и втягивали головы в плечи. Да, да, замордовал я их капитально, но с этим подлым племенем по-другому было нельзя. У меня на их братию имелись обширные планы, целый адский аттракцион длиной в несколько лет и масштабом в сотни и тысячи орков, так что отрабатывать методы воздействия нужно было прямо сейчас. Этих я выбрал потому, что они проявили максимум сообразительности, играя в прятки на выживание в Пампасах, и нашел я их последними. Теперь они тащили на спинах кой-какой хабар, которым я надеялся хотя бы частично компенсировать материальные потери от разгрома «Орды».

— На месте — стой! Раз-два! — скомандовал я, вспоминая нашего школьного физрука.

Снага остановились, я огляделся: нужно было подкрепить свои силы. Похоже, экстракт дерева Пха выжрал у меня все энергетические запасы организма подчистую! Еще бы он не выжрал: я их там полночи геноцидил, предплечье скоро до половины черепами покроется, не считая четырех черепашьих панцирей… Самое дикое было то, что я не испытывал ровным счетом никаких негативных эмоций по этому поводу. Для Сархана убивать тех, кто хотел бы убить его, было вполне естественно, как оводня прихлопнуть. А новый Бабай очень, очень хотел жить, можно сказать- бешеное удовольствие получал от процесса проживания жизни, так что рассудочная часть вполне договорилась с телесной.

Симпатичная человеческая девчонка кудрявой наружности торговала фруктами в ларьке тут же, на перекрестке. Яблоки, груши, абрикосы, бананы и всё такое прочее лежало аппетитными горками на прилавке и вызывало интенсивное слюноотделение. Но за товаром девушка не следила, предпочитая снимать на видео при помощи смартфона мой личный цирк с конями. То есть — со снагами, конечно.

Я подошел в упор, улыбнулся и подмигнул в самую камеру:

— Рузанна Родионовна, а не соблаговолите ли вы продать

мне вон ту самую большую гроздь бананов? — поинтересовался я великосветским тоном.

— А! Что? Да! А откуда вы меня?.. Я сейчас взвешу! — девушка-продавец явно потерялась и принялась суетиться.

— А у вас на бейджике написано. Нет, пакет не надо, спасибо, я их прямо сейчас съем…

— Десять штук? — удивилась растерянная и разрумянившаяся Рузанна Родионовна.

— А что там есть? — я передал ей деньги, погрозил пальцем зашуганным снага, взял гроздь бананов и принялся пожирать их — один за другим, стремительно пережевывая и отправляя в топку урукской пищеварительной системы.

Бананы закончились минуты за три, не больше. Продавщица стояла обалдевшая, а я прислушивался к ощущениям — чего-то не хватало!

— Дайте еще во-о-он то зелененькое яблочко! — пощелкал пальцами я.

— Это? — он протянула мне фрукт с некоторой опаской.

— Да-да, спасибо! — расплатившись и за эту покупку, я мигом схрумкал его, смачно облизнулся и сказал: — О! Теперь наелся. Надо было сразу яблочко покупать.

Взявшись за веревку, взмахнул ломом на манер дирижерской палочки:

— Шагом марш, снага! Шагом марш! Что вы плететесь, как пленные румыны!.. — орки потрусили вперед, ровно до следующего перекрестка.

Дальнейшее продвижение было затруднено: посреди проезжей части стоял бэтмобиль вахмистра Перепелки — огромный, черный, с белыми геометрическими двуглавыми орлами на бортах. Участковый пристав был весьма и весьма серьезно настроен: я впервые видел его в боевой форме! Хромированная броня покрывала всё тело, органично переплетаясь с кибернетическими протезами в один красивый и убийственный механизм. На бедре покоился огромный черный пистолет — как у Робокопа, на самом деле. В правой руке он держал черную дубинку с навершием, искрящим электрическими разрядами. С обеих сторон от него замерли те самые массивные приземистые тяжеловооруженные роботики на гусеницах. Подготовочка, однако! Это по мою душу, или есть какая другая причина?

— Бабай! — грозным голосом, усиленным репродукторами авто проговорил вахмистр. — Что за ересь ты учудил в Пампасах? Кто эти снага на веревке?

— Децимация, — сказал я. — Типичное древнеримское

наказание для многократно провинившихся легионеров: мародеров, трусов, нарушителей дисциплины и погромщиков. Эти — выжившие после децимации, мои кабальные работники. Они будут трудиться в поте лица своего, пока не покроют убытки от пожара в «Орде» и нападения на моих соратников.

— Децимация? Децимация — это когда казнят каждого десятого, Бабай! Ты убил в Пампасах более полусотни! Мы насчитали почти шесть десятков трупов! Вой стоит страшный!

— А, да? Так это наша, урукская децимация. У нас НЕ казнят каждого десятого. Национальный колорит такой, можно сказать!

— Е*ала жаба гадюку, — усмехнулся Перепелка. — Урук забил досмерти целую кучу снага? Ты ж знаешь, мне похер. Я вообще ставлю на тебя как на крысиного короля: чем больше этих ублюдков ты завалишь, тем больше я смогу пригласить сюда нормальных поселенцев.

Под «нормальными» он, похоже, имел в виду людей и гномов. Вообще, эти две расы были в порядке, сосуществовали бок о бок небеспроблемно, но вполне вменяемо. Кхазад чувствовали себя в здешнем Государстве Российском как евреи в нашей дореволюционной Российской Империи за чертой оседлости — не такие уж равные, но вполне признанные члены общества, часто — уважаемые и зажиточные, хотя и очевидно чужеродные. Они, эти гномы, в принципе очень сильно напоминали европейских ашкенази: и своим говором, и традиционными занятиями, и языкастой язвительностью пополам с потрясающей предприимчивостью… А вот орки… На орков всех трех мастей народ в основном плевался. Какой аналог я мог провести с нашим миром? Очень, очень спорный вопрос!

И тем более странным был следующий заход вахмистра.

— Его светлость говорил тебе о некоем сверхважном поручении? — едва слышное жужжание сервоприводов сопровождало полицейского, когда он подходил к задней дверце машины.

— Деловом предложении, — поправил его я.

— Мне насрать. Вот оно, твое деловое предложение… — он открыл дверцу и рявкнул: — На выход, дамы! Живо, живо! Ваш опекун с этой самой секунды — Бабай Сархан, Резчик. Вы должны слушаться его так, будто он самый большой вождь в мире и наместник самого Господа Бога!

Совершенно обалдевшими глазами я смотрел, как из полицейской машины вылезают две облаченные в женский вариант национального костюма урук-хай орчанки. Уручки? Урук-хаихи? Пусть лучше будет орчанки… Это были едва-едва оперившиеся подростки, девочки-девушки — одновременно

красивые, диковатые и свирепые. Я никогда до этого не видал девушек-уруков, только в интернете на картинках, и впечатление было, надо сказать, очень своеобразное.

Первая мысль была такая: они красивые, но нихрена не в моем вкусе. Ну, то есть кому-то, наверное, нравятся бойцы из женской лиги ММА или там начинающие кроссфит-маньячки из тренажерок… Но это не мой вариант. Они были поджарые, высокие, спортивные, с тем же самым огнем в глазах, что и у меня, с такими же черными, как смоль, волосами, как у меня и с той самой бойцовской хищной грацией, что отличает настоящих воинов от клоунов типа меня… И у каждой на предплечье имелась татау с несколькими черепами… Однако! Вроде как только-только перешагнули порог урукского совершеннолетия, судя по внешнему виду, а уже успели прикончить по полдюжины врагов!

— Это Шира и Мара, из табора Маухура Поджигателя. Они поживут у тебя до Рождества, пока война не закончится.

До Рождества, пока война не закончится? Тут было Рождество? Да и фраза про конец войны до Рождества была такой ужасной, что мне аж поплохело.

— И нахрена мне эти Шерочка с Машерочкой? — уточнил я.

— Неужели ты не знаешь, что я тебе отвечу? Пра-виль-но! Мне до сраки. Делай с ними что хочешь, они должны жить под присмотром мужика-урука до Рождества. У князя нет никакого другого мужика-урука на примете кроме тебя, а обязательства есть, — невнятно ответил вахмистр. — Да если и сдохнут — тоже невелика потеря, главное — чтобы доблестно сдохли! Ну, это ты им обеспечишь, да?

— Да, — автоматически ответил я. А потом спохватился: — Нет! Что за нахер вообще? Э, ку-да-а-а? А тренировка? Эй, не садитесь в машину, не смейте уез… Ять! Сука! Падла! Великий сракопад! Так… — мне нужно было пару минут, чтобы собраться, но снага, почувствовав мою растерянность, зашевелились и попытались воспрять, а мне нахрен не нужно было, чтобы они воспряли, и потому я начал тыкать в них ломом.

И не заметил, как девчоночки-орчанки подобрались поближе. А когда обернулся — они уже во все глаза пялились на мое тату.

— Резчик, — сказала одна из них, та, которая была малость посимпатичнее и посветлее лицом, кажется — Шира. — Полукровка. Сархан. Тот самый ублюдок, о ком все говорят.

— Прям крутой, да? — кивнула вторая, с более резкими чертами лица. Кажется, Мара. — Черепа-а-а… У него много черепов. Я думала, нашим опекуном будет какой-нибудь старый маньяк. Нормально. Болван какой-то на вид и вообще на бабу

похож, клыки никакущие, но Резчик и кровожадный убийца. Интересный, да?

Они меня нахрен игнорировали! Говорили друг с другом так, будто я — пустое место! Вздорные бабы!

— Гляди, у него ручные снага! — откликнулась Шира. — А можно погладить? Они не кусаются? А чем их кормишь? С рук едят? Любят, когда за ухом чешешь?

Я-а-а-ать, я только-только встретился с соплеменниками и уже начал понимать, почему все ненавидят уруков!

— Так! Вы! Шерочка, ять, с Машерочкой! Построились рядами! Смир-р-рна! Руки по швам! Слушай мою, ять, команду! — а потом вспомнил, что при женщинах ругаться неприлично, и немножко сбавил тон: — Значит, пойдете замыкающими. В «Орде» со всем разберемся. К сведению: что пожрать, где поспать, как поднять денег и кому отрубить башку — это решаемо. С этим проблем не будет.

— Толковый, да? — повернулась Шерочка к Машерочке. — Мне нравится. Будем слушаться?

— Ну, вечером попробуем его побить, и потом порешаем уже, — кивнула Машерочка. — Но в целом да, полезный мужчина. Давай, будем делать вид, что мы его слушаемся.

И пошли в конец колонны. И, ять, таки почесали какого-то снагу за ухом, как будто это реально было домашнее животное!

* * *

В «Орде» нас встретили радостно. А что? Босс вернулся с победой! Враг повержен, есть пленные, даже кое-какие трофеи — судя по туго набитым мешкам на плечах снага. Но радость тут же сменилась настороженностью.

— Витенька-а-а-а-а… — жалобным голосом проговороил Хуеморген. — А это что там — еще два новых урука?

— Это, кажется, урукские девчонки, — неуверенно кивнул осьминог. — Но они какие-то опасные.

— Нам кабздец ваще-то, — шмыгнул носом Кузя и печально пошевелил ушами. — Три урука — это уже урук-хай. Маяку жопа, всё. Тут и с одним нашим полукровкой совсем плохо стало, а с тремя вообще — всё прахом пойдет…

Шерочка с Машерочкой осматривали следы пожара и недавнего боя с явным удовольствием. Их ноздри трепетали, руки сжимались на рукоятях кардов, которые в женском варианте национального костюма почему-то носили у правого бедра.

— Друзья и соратники ордынцы — это Шерочка

и Машерочка. Они у нас поживут какое-то время, нужно найти им подходящее занятие, работу. В конце концов, — я кивнул на тележки-хотдожницы, обвел руками весь окружающий бардак. — Работы у нас полно, врагов — тоже. Всем найдется дело. А пока — накормите, напоите, проведите по зданию — пусть найдут себе берлогу по душе. Витенька — ты ответственный.

Повернувшись к орчанкам, я обвел их взглядом — снизу вверх и вдоль, и поперек. Потом тяжко вздохнул и проговорил:

— Слышали? Обещаю — я закончу со снага, и мы с вами отлично подеремся.

— До крови? — спросила Шерочка.

— На мечах? — спросила Машерочка.

— До крови, на мечах, — пообещал я. — Но если вы устроите тут безобразие, пока меня не будет — я вас просто отлуплю и в угол поставлю. Честное слово.

* * *

Снага я зашугал до невозможности. Завел их в подвал, в один из свободных отсеков, привязал стяжками к неработающим водосточным трубам, а потом сходил за ящичком со стилом и прочими татуировочными приблудами.

— Поскольку вы те еще дебилы, то я вас буду перевоспитывать, — пояснял я все свои действия, открывая шкатулку и уже привычно подставляя ладонь под укол шипа в рукояти стилуса. — Вы — неорганизованное, тупое быдло. Несмотря на неплохие природные данные, отличную живучесть, многочисленность и в целом приемлемые умственные способности, ничего путного за всё время пребывания на Маяке я от вашего племени не увидел. Те редкие экземпляры, которые занимаются ремеслом и торговлей — это случаи исключительные, лишь подтверждающие правило. Эти орки сумели вырваться из привычной среды, поверили в свои силы и занялись делом. Им за это — почет и уважение, они — паровозик, который смог. Вы — нет. Нет, нет, никакого расизма — понимаете ли, у людей, например, тоже есть те, кто пашет за бутылку у кого-то на стройке, и есть те, кто их этой бутылкой снабжает, и еще одни — те, кому дом будет принадлежать, когда его построят первые и вторые. Но мне как-то обидно за то, что и меня, и тех мужиков-снага, которые честно трудятся на своих рабочих местах, и даже Кузю, и Шерочку с Машерочкой — всех нас оценивают и судят по таким бестолковым утыркам, как вы. Вы — позор орочьего рода и, кажется, вас никак не меньше половины. Это

очень-очень печально. Я с этим мириться не намерен. Так что придется искусственным образом сложившуюся ситуацию как-то исправлять. Хотя бы в отдельно взятом сервитуте. Я создаю «Орду», знаете ли, а никто, кроме орков, костяком Орды стать не может по определению…

Снага слушали и дрожали. Я наконец закончил заряжать стило колорами, пощелкал выключателем и спросил:

— Кто самый смелый? Кто будет первым моим подопытным кроликом?

— Он-ять! — вдруг пятеро снага ткнули пальцами в самого худого и самого высокого орка.

Вот же подлый народ!

— А почему он? — поднял бровь я.

— Он-нах дохера трендить-врот! Сильно-ять умный-нах!

— А! Так он-то и будет у вас бригадиром. И звать его будут Единица, — я разрезал Единице стяжки на ногах и притянул его поближе к центру помещения. — Лежи ровно и тогда останешься жив. Понятно?

— Д-да-нах! Бабай, — он вдруг обратился ко мне по имени. — Что-врот с нами будет-нах?

Действительно, какой-то снага с зачаточными проблесками разума. Надо его взять на заметочку.

— Я сделаю из вас настоящих стахановцев, вы всё почините… Всё, что тут испортили вы и ваши подельники. А потом пойдете нести свет истинной веры в темные орочьи массы. Понятно?

— Понятно, нах… А по жрачке что? — ого, какой ушлый тип! Этот Единица определенно мне подходит.

— Двухразовое питание, сытное, растительное, в основном — каши, иногда с салом, костями и ливером. И мармеладки в качестве бонуса. Но если вы, суки и падлы, будете меня бесить… — я понизил голос до инфразвука.

— Не-не-не, — сказал Единица. — Лучше-ять мармеладки-врот. Потому что ну его нах!

— Давай сюда руку уже, — заткнул его я.

Первым делом на тыльной стороне ладони я наваял ему крупную такую цифру один. Чтобы не путать с другими бездельниками. А потом дал волю творчеству! Для начала я нанес ему на предплечье серп и молот с четкойкириллической надписью «Мир! Труд! Май!» вокруг этого мощного символа.

— Это для трудолюбия. У вас будет не неделя, а сплошной субботник по благоустройству и ремонту жилых помещений и объекта общепита. Эта эмблема и тайные письмена дадут вам силы трудиться много, плодотворно и с энтузиазмом, позволят вам ощутить радость коллективного созидательного труда на мою

пользу, — пояснил я.

— Понятно-нах, — откликнулся Единица, завороженно наблюдая, как серп и молот полыхнули золотом.

Я сменил колор и кропотливо вывел стилом классическое Всевидящее Око, вписанное в треугольник:

— Этот символ значит, что я всегда слежу за вами. Мне будет известно о всех ваших косяках и ублюдских выходках, ничего от меня не скроется. Не будет ничего тайного, что не стало бы явным!

— Беда… — Единица понурился. Он реально верил, и его товарищи по несчастью — тоже! И это было очень, очень хорошо.

Над следующим элементом я долго думал, а потом заржал, как жеребец на выпасе и, высунув язык, принялся бить трискель. Не тот, который кельтский-языческий, а который SSF. Я вроде как и знать такого не должен был, потому как мужик нормальный, но когда составляешь задания для квизов, какой только дичи не начитаешься!

— А это, бедный мой Единица, означает, что если вы захотите отлынивать от работы, кайфануть вместо того, чтобы вкалывать мне во благо, как приличные кабальные работники, или попробуете отлежаться в тенечке, бахнуть пивка, покурить или попристават к девчонкам, то вам будет очень-очень плохо. Это будут ощущения примерно такие же, как если бы вас поимели везде и всюду самыми противоестественными способами.

— Ой-ёй! — пискнул снага. — Может-нах не надо-врот?

— И в рот, и в прочее всякое разное. Это не я придумал, это символ такой. Специфический. Но вы же орки, а значит — априори большие любители борзеть и творить всякую бяку. Такая у нас, орков, природа! И лучшего средства, чтобы эту самую природу перебороть, я, увы, не придумал. Да, да, это чудовищно и антигуманно, но — не я первый начал. Это последствие ваших действий, привыкайте.

И в конце я набил каждому из них белую длань на левой стороне груди — красивую и замечательную.

— Потому что отныне ваши жизни принадлежат Орде. Все поняли?

Татуировки полыхали золотом, снага с обалдевшими глазами смотрели на них, пытаясь осознать свое новое положение.

— Ять, пацаны, походу мы ваще-нах говно-врот сделали, когда с Резчиком-нах зарубились-ять!.. — пробормотал кто-то из них.

Кажется — Четверка. И это было первым признаком того, что воспитательный процесс пошел в правильном направлении.

Глава 22
Шерочка с Машерочкой

Определенно, тренировки с Перепелкой пошли мне на пользу. Две молодые клыкастые бестии уделали бы меня, попробуй я с ними играть в Д'Артаньяна. Конечно, они не хотели всерьез воспринимать деревянные мечи, но пришлось — тут я был непреклонен. А ну, как кто-то кому-то башку снесет? Дури-то хватит, три урука на одной крыше — это стихийное бедствие! А у меня запасной башки нет. Так что сначала лупцевали друг друга я и Шерочка, потом — я и Машерочка, а потом они вдвоем пытались меня забодать.

Вахмистров садизм на протяжении последних недель и, кажется, дерево Пха — всё это вместе если и не сделало меня уберсолдатом и самым великим бойцом в мире, то на «крысиного короля», как выразился провинциальный усатый робокоп, я претендовать уже мог. Короче, я надавал им обеим под зад деревяшкой, чем жутко выбесил. А потом гонял Шерочку с Машерочкой по крыше еще минут пятнадцать, вколачивая правила поведения в нашей возрождающейся «Орде».

— Так что, мы с тобой трахаться, получается, не будем? — удивились девахи. — Ой, и больно надо, ты всё равно на бабу похож!

Вот те здрасте, тут местный, маякский женский пол, завидев мою рожу, от страха чуть не писается, мол — зело брутален! А эти — на бабу похож… Не обидно, но познавательно. Вообще — эта урукская прямолинейность мне нравилась: прав был тот, кто сказал, что настоящие орки предпочитают не усложнять. Шерочка с Машерочкой тоже не усложняли: они некоторое время покрутили головами, посоображали и заявили, что ремонтом помещений заниматься рядом со снагами не будут — невместно, а вот две тележки с хот-догами берут на себя. Это было идеальное решение: пока основной зал простаивал, мы выкатили гоблинские кулинарные пепелацы на два самых оживленных перекрестка, провели девочкам трехчасовой мастер-класс и оставили выгребаться, напомнив о правиле нейтралитета: ежели кто-то взял в руки хот-дог и сделал первый укус под сенью тента с Белой Дланью — ни одна падла не смеет лезть к клиенту со своими разборками и проблемами! Дожует, отойдет метров на десять — вот там хоть убейте его, нас не касается.

К тележкам присовокупили по три пластиковых столика и полный комплект стульев, большие уличные зонтики с принтами

из эротичных купальщиц и пенного пива — и торговля пошла!

За третьей тележкой, у самого крыльца «Орды» стоял Витенька — в тазу с водой, ибо жара на город опустилась феерическая. Даже хтонические твари, кажется, решили переждать: человекопаук или там черепашка с солнечным ударом — это было бы занятное зрелище. Ну, и тем более сомлевшая от перегрева жопная змея у цербера. Болталась бы на сраке у псины, как вяленая колбаса — смех один. Очень не по-хтонически!

Я работал в главном зале нашего заведения, пользуясь начальственными привилегиями и прячась от солнца: скручивал новые столы и стулья, которые Витенька заказал по Сети у какого-то местного мебельщика. На фасаде вкалывали снага под присмотром Хуеморгена. Они вообще как-то бодро взялись за дело: весь хлам, опаленную и поломанную мебель вынесли за пару часов и (внимание!) ПОПРОСИЛИ, ЧТОБ ИМ ПОКАЗАЛИ, КАК ПРАВИЛЬНО ШТУКАТУРИТЬ! Гном, хоть и травмированный, в любом состоянии остается настоящим кхазадом, а значит — всё равно в стройке и ремонте соображает больше любого из нас. Поворчав и побурчав, он согласился поделиться мудростью с трудовой армией Орды, которые готовы были работать не щадя рук, ног, туловища и всего прочего.

Такое рвение было связано с тем, что один из снага — кажется, Двойка, всё-таки мне не поверил и по своей снаговой тупости и борзоте решил пожевать мясца, которое лихо стибрил из рефрижераторной. Ну, и испытал весь комплекс обещанных противоестественных ощущений. Теперь у него болела задница, передница, горло и — почему-то — соски. Я как-то до этого не задумался, что у снага они тоже имеются, но теперь четко об этом знал. Короче, он прибежал ко мне, странно извиваясь и дергаясь, бухнулся на колени и принялся биться лбом об пол, вымаливая прощение. В качестве штрафа ему были назначены работы по чистке септика — дополнительно, и после их выполнения прощение было даровано. Во второй раз обещал оторвать ему жопу по самую шею. Хотя мяса всё равно было жалко!

Короче, бригада орков-стахановцев, несмотря на палящее солнце, установила леса и теперь колупалась на стене со шпателями и бадьями со штукатуркой и малярными приспособами, время от времени с вежливым матерком выпрашивая у господина Фрица Дюрхденвальда — то бишь Хуеморгена — консультативной и практической поддержки.

Некоторые из прохожих даже на телефоны это снимали. Фантастика: снага работают в команде, целенаправленно, вдумчиво, долго! Так что и пары часов не пройдет, как в Сети появятся видосики под заголовками «SNAGA STROYAT ORDU

V SAN-SEBAST'YANE» или типа того. Ничего-ничего, у нас в запасе не только «цирк с конями», есть еще «кино и немцы»…

Короче, работа шла по пятнадцать-двадцать часов в сутки, «Орда» восставала из пепла, деньги таяли с космической скоростью.

Бодрость тела помогал сохранять тот самый экстракт Пха. Штука была, прямо скажем, забойная и волшебная. Дерево это росло только и исключительно на полях древних сражений, где гибли воины урук-хай. По легенде, Пха впитывала в себя их жизненную энергию и могла передавать ее будущим поколениям героев народа черных уруков. Остальных же опасное снадобье сводило с ума и превращало в кровавых безумцев, если возникало у кого-то такое безрассудное желание — пожевать эту дико горькую и едкую субстанцию. Как выглядит эта Пха, и как ее правильно готовить — о том знали только урукские шаманы: парни чуть менее редкие, чем резчики, но тоже — таинственные и легендарные. Короче, я сутками жевал эту дрянь и запивал ее кофе, матерел не по дням, а по часам и думал о дополнительных способах заработка помимо продаж хотдогов. В голову приходило только насилие. Устроить промысловый рейд в Хтонь, выжечь Пампасы подчистую и распродать диких снага на органы, зарубиться с какими-нибудь борзыми беспредельщиками из тех, что побогаче, и раскулачить их… Всё это было довольно радикально.

Ну да — ресторанчик скоро заработает во всю мощь, есть у меня и отличная идея по поводу привлечения новых клиентов, и новинки из почти неизвестной тут сферы фаст-фуда… Но это всё — тактика. А для целей стратегических, могущих обеспечить одному уруку-полукровке достойное место под луной и отсутствие необходимости целовать важных дядей в задницы — для этого нужно было куда больше ресурсов: материальных, финансовых, кадровых.

И, как обычно со мной случалось в этом мире, благоприятный случай не заставил себя ждать.

* * *

— Бабай! Бабай, там у Шерочки с Машерочкой замес случился с залетными типами! — прибежал в почти обставленный зал кафешки Кузя. — Твои дурные девки че-то там взбеленились и собираются накостылять какому-то городскому пижону, там и Густав каким-то боком втерся и теперь собирает надымских пацанов, хочет мутить разборки! Тебе ваще-то надо срочно туда,

пока беда не случилась!

Ну, рано или поздно это должно было произойти. Не такой народ урук-хай, чтобы спокойно торговать хот-догами и мило улыбаться. Девки у меня огонь! Обязательно размозжат кому-нибудь всю голову. Оно как бы и не беда, но где одна голова — там и две, потом придется мозжить — неперемозжить, а у нас ремонт еще не кончился… Обидно будет, если придется тут вот кого-то затылком о стенку колотить, испортится ведь первый памятник архитектуры в истории народа снага: «декоративная отделка стен Орды образца начала двадцать первого века», стиль — орочий «хай так».

Так что я сходил в подсобку, переодел футболку, снова поржал над надписью, которая гласила «CHEGO HOTYAT DEVOCHKI? DEVOCHKI HOTYAT, CHTOBY VSE BYLO TAK, KAK ONI HOTYAT», надел кеды и потрусил на Машерочкин перекресток. По теории вероятности — виновата была она как более резкая и дикая. Шерочка — та помилее и поаккуратнее, хотя тоже — способная на разнообразные закидоны. Мои подопечные — они мало того, что бабы, что в принципе само по себе уже стремно, они еще и орчанки, а это, скажу я вам… Наследственный диагноз, короче.

Что касается футболок: у меня вроде как уже и деньги водились, можно было вещи на заказ шить, но обижать Ипатьевну как-то не хотелось. Не было на Маяке такого большого количества толстых женщин, они быстро умирали, потому как бегали медленно. Вот и залеживался товар в секонде. А я за наш, маякский малый бизнес всеми руками и ногами, потому как все эти люди, гномы и орки, которые тут свое дело мутят — это просто герои нашего времени, их нужно на руках носить и памятники при жизни ставить. Потому — похожу еще в футболочках, ничего страшного. Я и розовую майку могу надеть, моя брутальность от этого не пострадает. У Ипатьевны есть. Но там надписи на непонятном языке, да и в целом мне розовый цвет не очень нравится, на нем кровищу слишком хорошо видно.

Мурлыча под нос что-то из коммунистического репертуара, я топал по Проспекту, ориентируясь на шум и ругань впереди, с беспокойством ощущая запахи разогретых на жаре полимеров и машинной смазки, а еще — озона, какой бывает после грозы. Я очень хорошо помнил этот запах: так разило от кибербоевиков Формации!

— ПА-А-А-А-А-БЕРЕГИ-И-И-СЬ! — с каждым разом гроул получался у меня всё внушительней и громче, я теперь даже почувствовал себя в некоторой степени Моисеем, перед которым раздвинулось Красное море.

Народ порскнул в стороны, и я хмыкнул, утверждаясь в собственной проницательности: в центре конфликтной ситуации находились знакомый мне молодой-красивый киборг — Сандер и Машерочка.

— …танцевать за деньги, будто я шлюха! Я танцую когда хочу, где хочу и как хочу, одетая или раздетая, прилюдно или в одиночестве — это не твое ублюдское дело, ты, сраный кусок металлического дерьма! — поймал я окончание фразы.

Кузя и его гоблинята всё фиксировали на смартфоны, у Машерочки имелось прикрытие — конечно же, Шерочка, с фонарным столбом в руках. Где она выломала фонарный столб?

— Столб надо вернуть на место, девочки, — сказал я, приближаясь. — На нем полицейские камеры, Перепелка обидится.

— О! Бабай! Бабай, разорви ему хлебальник, пожалуйста, а то мне неудобно — я же девочка! — попросила Машерочка. — Он хотел дать мне денег, чтоб я пришла в «Надым» в субботу и танцевала там на сцене… Чтобы мы танцевали. Мол, у них там бой года, нужно разогреть публику. За деньги, прикинь? Типа, нельзя было просто пригласить на нормальную тусу, угостить, сказать, что мы охренеть какие красивые… Мы что бы, не потанцевали? Небось, они нормальных девчонок и не видели никогда, одни гномские тумбочки, снажьи селедки и человеческие растыки! И танцы у них дебильные, дергаются, как припадочные, да и всё… Мы б им показали! А этот вонючий железячник деньгами тут хвалится! Он умственно отсталый, да? У него из-за железок в башке что-то не то стрикает?

— Наверное, стрикает, — с осуждением уставился я на Сандера. — Он, похоже, решил переманить у меня сотрудников. Сандер, у них есть работа, они хот-доги продают и придурков всяких сознания лишают, применяя одну лишь свою неземную красоту и затрещины. У них есть всё необходимое для полноценной жизни.

При этом я прокручивал в голове брошенные мельком слова про «бой года», думал о них так и эдак…

— Я бы предложил девушкам за один вечер столько, сколько у тебя они заработают за квартал, — пожал плечами киборг. — Хорошее предложение, чего твои телки мнутся — непонятно.

Предложил деньги, назвал телками… Ох, как всё запущено! Киборг даром, что сверкал своими пласталевыми телесами во все стороны и мигал огоньками как новогодняя ёлка, всё одно — нихера не понимал в урукской психологии. Я, честно говоря, тоже не очень в ней разобрался, но мой уровень все-таки был капельку выше, чем «нихера».

— Сколько черепов? — спросил я.

— А? — удивился Сандер.

— Сколько черепов они добудут, танцуя на сцене за деньги? Может быть, это поможет найти им хорошего мужа, который не похож на бабу и сможет заделать им с десяток клыкастых сорванцов? Или кто-то из твоих друзей, попялившись на то, как мои девочки задирают ноги и трясут задницами, предложит устроить их в Гренадерский корпус в обход их папаши — Маухура Поджигателя? Нет? Ну, так ять, тогда — какого хера?

— Э-э-э-э… А каким боком тут… Ну… Но деньги же — хорошие! — Сандер продолжал не врубаться в ситуацию, и решил перевести разговор в другую плоскость: — Да я вообще-то тебя искал, хотел поговорить! Про тот бой со Стредлейтером. Вот и Густав здесь, обещает нам площадку подготовить, всё оформить как положено…

— Бой — это хорошо. Бой — это всегда хорошо, да, девочки? Это ж не танцы за деньги, это драка за добычу!

— Е-е-е-е-е!!! — подняли вверх кулаки Шерочка с Машерочкой. Фонарный столб при этом таки грянулся об асфальт со страшным грохотом, камеры жалко задребезжали разбитой оптикой. — Бабай, хочешь — мы станцуем для тебя перед боем? Они будут вопить от восторга и ужаса! А потом мы зарежем черного козла и его кровью окропим арену и выпустим кишки на песок, чтобы они думали, будто мы долбанутые варвары! А на самом деле ты заманишь врага на козлиные кишки и подло зарубишь, когда он поскользнется!

— Ну, и нахрена вы раскрыли наш тайный план?! — ох, всё-таки хорошо, когда есть рядом родственные души!

Мы с девчатами ржали, как умалишенные, народ переглядывался, Сандер переминался с ноги на ногу, поблескивая неоном и хромом.

— Ты согласен? — наконец спросил он. — Стредлейтер усиленно готовится. Хочет матч-реванш.

— Условия? — спросил я.

— Поговорите с Густавом, он подготовит договор…

Густав во главе своих бандюг уже прибыл и сопел тут же, предвкушая выгоды от предстоящего мероприятия.

— Ремарка! — сказал он. — Тут со дня на день будет Инцидент, время настало. И, похоже, довольно мощный — жара притормозила тварей, они накопятся там, в своих логовах, и ринутся всем скопом. Поэтому предлагаю все формальности уладить после того, как мы переживем грядущие события… Пока что мы подготовим типовой контракт, договоримся с медийщиками по поводу трансляции, а потом уже внесем в

документы все нюансы. Устраивает?

У меня мелькнула мысль, что бой в Хтони мутится не просто так. По какой-то причине даже свободная атмосфера сервитута не подходила для организации поединка. Ответ мог быть только один: либо предполагалась какая-то подстава, либо бой должен был окончиться смертью одного из участников, либо — одно из двух, или и то, и другое вместе!

— Пока меня всё устраивает. Однако, Сандер, — я шагнул близко-близко к молодому киборгу, который напрягся и принялся пускать свои любимые искры пальцами. — Последнее урукское предупреждение — ты попытался тронуть МОЁ, не спросив меня. Честно — мне насрать, турочка это или девочка. Уяснил?

— Ты борзый парень, Бабай, — боевик Формации смотрел мне в глаза, не мигая. — Кажется, это потому, что ты не слишком хорошо понимаешь, по каким правилам идёт игра. Это прокатывает, пока ты в Хтони. Только сунься за КПП с такими заходами — увидишь…

— Увижу? Что я увижу там, Сандер? Злых дядей, которые пустят в меня молнию из задницы?

Киборг дернулся, в глазах его плескалась злоба. Электрическая дуга в его ладони разрослась до приличных размеров, я сжал кулаки, смотрел ему в лицо и улыбался. Тут кругом были камеры — я мог не бояться, что он долбанет меня. Это в «Орде» у него прокатило, а сейчас примчался бы Перепелка в силах тяжких, или сюда бы телепортнулся взвод СОБРа — и всё, кабздец железячнику. В Хтони боевое оружие можно использовать только против Хтони — закон тут един для всех.

— Поверь мне, когда я сунусь за КПП — такие наглые выродки, как твой Стредлейтер, будут мечтать о судьбе тех снага, что сейчас штукатурят мне стену.

— Снага? Штукатурят стену? — киборг отшатнулся. — Ты смеешься надо мной?

Толпа маякских, окруживших нас, радостно загоготала, Сандер растерянно оглядывался, пытаясь понять, в чем причина такого веселья.

— Правила игры очень простые, можешь донести это всем заинтересованным в моей роже товарищам… — я наклонился, поднял с земли несчастный фонарный столб, высмотрел подходящее место и с размаху вколотил железное основание в землю на добрых сантиметров сорок. — Пха-а-а! Что мое — мое. Мое трогать без спросу нельзя.

Шерочка с Машерочкой громко и картинно зааплодировали в полной тишине — заразы две, ять! Троллихи они, а не орчанки! Пригрел, ять, змеюк на груди, издеваются еще! Классно же

прозвучало, отличная концовка в разговоре!

— Сворачиваем на сегодня торговлю, — прервал их веселье я. — Марш за тележками — и на базу! Нас ждут великие дела!

И зашагал прочь, ни с кем не попрощавшись.

Две дурехи догнали меня, сопя и толкаясь локтями. Они тащили за собой тележки, впрягшись в железные цепи, которые за каким-то хреном присобачили к ребрам жесткости кулинарных пепелацов.

— Там тумблер «вкл-выкл» и сенсор для управления движением, около гнезда для соуса, — устало сказал я.

— А? — удивились Шерочка с Машерочкой и переглянулись.

Они капитально запыхались, пот так и тек на их симпатичные раскрасневшиеся рожицы.

— Тележки самоходные, горе вы мое луковое! Только не говорите, что все эти дни вы их сами… Ой, ма-а-а-а-ать, это у меня такие альтернативно-одаренные воспитанницы?! Гы-ы-ы!

Это была отличная месть злорадным урукским кобылицам за те дурацкие аплодисменты, я считаю! К «Орде» я подходил в отличном настроении.

Глава 23
Национальное блюдо ордынской кухни

Почему орчанки носили карды на правом бедре? Потому что в урук-хае женщины издавна были щитоносцами. Терпение, аккуратность, дисциплина, выносливость — прекрасный пол черных уруков как будто создан был для этой миссии! Плотно сбитый строй, щиты, пики — вот где была их стихия. Пока мужики ходили в лихие атаки и прыгали через головы своих боевых подруг, делая тройное сальто в центр вражеского построения — орчанки держали строй. И свой кард — одноручный, менее массивный, чем у мужчин, но бритвенно острый, с тем самым шипом на обратной стороне острия, которым так удобно подцепить вражий щит и долбануть в шлем зазевавшемуся латнику — они цепляли справа. Точно так же, как римские легионеры — гладиус.

В этом и был секрет моих тяжелых, но постоянных побед над Шерочкой и Машерочкой на тренировках. Но после того, как Парамошка с Капитошкой сварили им из тяжеленной листовой стали два квадратных щита — мне пришел звиздец. Нет, то есть я мог как-то играть на маневре, пользоваться длиной моих рук или делать те самые сальто и отшвыривать их ударами ног, но… Стоило им поймать ритм и зажать меня в каком-нибудь закутке — всё, аллес, бой можно было заканчивать. Орчанки стирали меня в порошок и оставляли от меня мокрое место.

— Всё! Ждать больше нечего. Мы идем охотиться на слонопотама! — сказал я.

— Лок-тар ога-а-ар!!! — закричали девчонки. И когда только подхватить успели? Это ведь была чисто моя фишка, по местным меркам — просто набор звуков. — А что это такое — слонопотам?

Я бочком-бочком протиснулся мимо них на оперативный простор, надеясь, что они не поймут мою военную хитрость с внезапными переговорами и задуриванием мозга, и не затусуют меня в два деревянных клинка в углу.

— Слонопотам — это огромная куча денег. Правда, спрятанная внутри страшенной хтонической твари. Но вот я смотрю на вас и думаю, что втроем — справимся!

— Да-да-да! — закивали они, а потом Шерочка спросила: — Это ты к тому, что Густав сказал про Инцидент? Так вроде слухи ходят — к субботе ждать…

— А мы не будем ждать. Густав что сказал: твари прячутся по логовам! Мы нанесем превентивный удар, зарубим столько монстров, сколько сможем, а потом погрузим добычу на снага и свалим! Соберем сливки, короче.

Девчата переглянулись, Машерочка почесала подбородок кромкой щита:

— Есть проблема… Мы не знаем, что ценится у местных тварей. Тут есть серьезные отличия от Васюганских болот, где кочевал наш табор. Нужен специалист.

Тема была серьезной — в прошлый визит в Хтонь меня сопровождала Роксана, прекрасный специалист в области всего сверхъестественного. Но Роксана… Где я и где Роксана? Оно, наверное, в целом было к лучшему. А что касается специалиста…

— Бабай, ваще-то мы поправили медные патрубки, теперь еще одна тележка в строю! — закричал с заднего двора Кузя, задрав голову вверх и прикрывая ушами глаза от закатного солнца.

Однако, вселенная иногда сама подкидывала нам ответы на поставленные вопросы.

— Вон он, наш специалист. Как налево ингредиенты толкать — так он орел, а как самому в Хтонь лезть — так это только видосики поснимать! Ничего, мы его привлечем к общественно-полезным работам мне на благо, — усмехнулся я. — Так, марш-марш мыться-одеваться, у нас сегодня открытие после простоя! «Орда» должна быть великолепна, в девять начинаем работу. А утром — в Хтонь! Понятно?

— Понятно то, что ты задурил нам голову, Бабай. А то мы бы тебя с крыши скинули! — переглянулись девчата. — Ничего, в следующий раз скинем…

— Ну-ну, скинут они… Вообще-то вас двое, а я — один!

— Ой, плохому танцору и яйца мешают! — отмахнулась деревянным мечом Машерочка. — Говорю же — у нас не вождь, а баба! Это всё потому, что у тебя клык короткий. Чем меньше клык, тем меньше мужества, это каждому известно!

— Да в порядке у меня всё с мужеством! — возмутился я.

— А почему тогда к нам в комнату после смены не приходишь? — стрельнула глазками Шерочка.

— Потому что! У меня это, как его… Страшный резчиковский обет! Табу, короче!

— А-а-а-а… Ну, раз обет… Говорят, от таких табу устрицы с мидиями помогают. Ну, или к целителю можно обратиться… И пива меньше пить надо…

Вот же гадовки! Виляя бедрами, две троллицы-сестрицы дефилирующим маршем направились вниз по лестнице, время от

времени оборачиваясь и пересмеиваясь. Что характерно — они и словом не обмолвились, какая такая причина заставила их весьма авторитетного папашу отправить дочек к черту на рога? То есть Васюганские болота и Сан-Себастьян — это несколько тысяч километров расстояния! И если это типа для их же безопасности — то кой хрен их никто не охраняет, и к чему тогда оговорка Перепелки о том, что если Шира и Мара доблестно погибнут, то как бы и ничего страшного? В любом случае, мне такое усиление ордынской команды (пусть, скорее всего, и временное) и источники информации об урук-хаевском житье-бытье пришлись очень кстати.

Я постоял на крыше «Орды» еще некоторое время, глядя сквозь мутную хтоническую хмарь над Проспектом на далекий маяк. Его было видно едва-едва, он терялся в мареве, далекий, на самом острие мыса. До маяка — между прочим старинного, знаменитого сооружения полуторавековой давности, — пролегали многие и многие засранные Хтонью кварталы. На душе скребли кошки: а вот бы вычистить всю эту дрянь к японой матери, добраться до маяка, поставить шезлонг и с чувством выполненного долга бахнуть пивка на берегу Черного моря? Устроить себе тут свой, ордынский курорт с блэкджеком и орками!

Грядущие перспективы становились всё более четкими, план вырисовывался. Здесь, на Тверди, точно так же, как и на той, другой Земле, действовало правило — «нет земли без господина». Но с одним исключением: Хтонь. Это был тот самый Фронтир, тот самый Дикий Запад, где собирались все рисковые и безбашенные, все пассионарии и берсерки. Конечно, где-то там шла война, и наверняка опять воевали за всё хорошее против всего плохого, но я-то был здесь! Здесь, в Сан-Себастьяне! И здесь плохое было очень ярким, выпуклым и очевидным: если бы люди, гномы и орки с Проспекта не стояли волнорезом на пути адских бестий, не затыкали пробоины в стенах мироздания своими телами — кабздец бы пришел сначала всему сервитуту, а потом язва разрослась бы и дальше, много дальше…

Иллюзия управляемого хаоса, которую питали местные власть имущие, могла дорого им обойтись. Проблемы, подобные этой, нужно решать быстро, жестко, раз и навсегда. Ну, помните — кто курит, тот кончит раком, а кто не курит — оттягивает свой конец. Эти и курили, пользуясь хтоническими ништяками и дрессируя своих опричников-магов-полицейский спецназ на противосояние потусторонней хрени, и оттягивали свой конец, отгородившись от прорыва абсолютного зла гребаной металлической решеткой!

Даже тупому уруку типа меня было понятно: дело не в решетке! Дело в вере тех, кто здесь находится. Проспект кровожадные твари и смертоносные явления не сломили только потому, что местные верили: эта улица безопасна! Никаких магических ритуалов или артефактов тут не проводили и не навешивали. Я за несколько недель пребывания тут, по крайней мере, не видел ни одного шамана с бубном, и ни одной волшебницы на шесте… То бишь — с посохом, конечно. Всё это держалось на самой великой магии в мире: на мужестве, вере и похеризме. И опираясь на эти мощные силы можно было свернуть горы!..

— Ба-ба-а-а-ай! Ты эту свою шауравеу… рвеу… Шареуре…

— Кузя! Заткнись, просто заткнись! Иду я делать шаурму! Иду!

Вот ведь падла какая, даже о мировом господстве помечтать не дает! Ладно — всего лишь о маленькой победоносной войне с извечным злом. Но всё равно — о чем-то глобальном и жутко правильном. Я тут о крестовом походе к маяку, а они — о шаурме… С другой стороны — что лучше: шаурма в руке или маяк на горизонте? Не знаю, прежний Бабаев, может, и выбрал бы маяк, но я-то теперь — Бабай Сархан, и мой желудок был вполне себе определенного мнения по этому поводу! Шаурму хочу!

* * *

Мясо всех доступных мне сортов — курятину, баранину, свинину и говядину — я заранее замариновал в четырех огромных бадьях, щедро приправив местными ароматными специями и пересыпав крупной солью. Кефирно-чесночный соус я мутил долго, методом проб и ошибок добиваясь того самого вкуса, как в подземном переходе или на вещевом рынке, у тех крикливых смуглых толстяков с мощными руками. Сам-то я в прошлом пользовался покупным, магазинным, но это совсем, совсем другой коленкор. Да и тут такого снадобья не наблюдалось, приходилось выкручиваться.

«Донер» или «гирос» — мясо на вертеле, та самая пирамидка из плотно уложенных кусков вырезки — для первой закладки я решил делать из курятины. Тут у нас религиозных предубеждений не наблюдалось, можно было приготовить и свинину, но я предпочел зайти с классики. Насадить мясо на вертел — то еще искусство, тут требуется практика и физическая сила. Практика у меня кое-какая была, довелось по студенчеству подрабатывать в паре шаурмичных, так что — пригодилось. А

физической силы в руках урука и подавно хватало.

Так что под взглядами нескольких пар глаз я провел мастер-класс по насаживанию, вставил вертел в гнездо самопального электрогриля, включил его в розетку и посмотрел на оглоедов-работничков:

— Эй, алё! А лаваш кто делать будет? Витенька, друг мой, я не понял, а почему тандыр еще не раскочегарен? Распустились? У нас открытие через час, а нихера не готово! Шибче, шибче соратнички-ордынцы! Мы должны показать, что «Орда» наша велика и обильна, и порядок у нас есть, и никому мы не позволим княжить и владеть нами! И если путь к свободе и процветанию у нас лежит через шаурму — то шаурма наша будет лучшей в этом гребаном мире! Так что — шибче!

И все забегали. Кто-то мутил тесто, кто-то нарезал овощи… Снага ползком и на коленях драили зал до стерильной чистоты, гоблины раскидывали на фасаде иллюминацию — гирлянду с желтенькими теплыми огонечками, такими уютными и притягательными в ночной тьме. Огромная вывеска с Белой Дланью и надписью «ОРДА» уже ждала своего часа…

В урочное время я наточил тот самый, дважды трофейный огромный поварской тесак и аккуратно, почти с благоговейным трепетом срезал на поддон первую румяную корочку с донера. Сколько нас тут было? Шесть ордынцев и шесть снага? Да еще Кузя — вроде как наш, но до конца не определившийся. Значит…

— Тринадцать лавашей сюда, Витенька!

Снага аж задергались. Они-то всё отчистили и отшкребли, и теперь сидели в подсобке, давились слюной и нюхали, нюхали… А тут — тринадцать!

Я щедрой рукой насыпал мяса — прямо с поддона, добавил полный комплект всех овощей: огурчики, помидорчики, пряная морковка, капуста, репчатый лук, зелень. Сдобрил всё это соусом, завернул в свежий, тонкий лаваш и принялся совать в большой контактный гриль — фабричного производства, не кустарный.

Хуеморген, Шерочка с Машерочкой, Витенька, Кузя ждали, пока еда приготовится для всех, никто не наглел, не лез лапами к подносу. Наконец всё было готово.

— Эй, товарищи алкоголики-хулиганы-тунеядцы! Марш сюда из подсобки. Пробовать будем вместе. Шаурма — она для всех шаурма, что для люмпенов, что для аристократов. Шаурма — она объединяет! Берите, берите все по одной!

Народ тут же разобрал себе по порции, все замерли, глядя на меня.

— Чего ждем? Давайте уже жрать! — заявил Хуеморген и сунул шаурму себе внутрь бороды.

И все принялись жрать. Ну да, в этом не было ничего эстетического или там утонченного. Расскажите работягам после трудового дня, что они должны жрать утонченно, а потом скажите им еще о том, что они будут работать еще и всю ночь — и получите то, что получите.

Первым дожевал Единичка.

— О-о-о-о, пища-врот богов-нах! — сказал он. — Я не смогу-врот без нее-нах больше жить-ять! О-о-о, Бабай, где расписаться-ять кровью-нах? Оставь-нах меня в Орде-ять, Бабай!

— И нас-врот! Оставь-нах! — завопили снага, проглотив последние куски, и кинулись на колени. — Мы пойдем-нах и всем-врот расскаждем-нах про трискель-нах и шаурму-врот! Бабай! Мы расскажем-нах про истинную-здец веру-нах! Хорошо работать-врот, не борзеть-нах и жрать-врот пищу богов!

Трискель нах и пищу богов в рот? Гыыы! Не, ну такого признания моих кулинарных талантов я еще не видал. Остальные тоже очевидно были под впечатлением, по крайней мере, в их глазах явно читалось желание перехватить еще по одной шаурме. Ну, и на снага они смотрели уже с некоторым благодушием. Именно благодушие после употребления пищи и позволяет делать выводы о ее качестве, поскольку, если вы нажретесь некачественной еды, никакого благодушия и в помине не будет.

— Чтож, снага… Вы сами попросили об этом, — я принял величавую позу. — Честно говоря, к моему глубокому удивлению, воспитательный процесс пошел вам на пользу. Вы славно поработали, вот что я вам скажу! Но быть хорошим работником — этого мало для того, чтобы стать настоящим ордынцем. Вам нужно проявить себя как храбрые воины…

— Дай нам оружие, Бабай! Веди нас в бой! — они повскакивали со своих мест.

Именно в таком порядке. Именно эти фразы. Не «мы смело в бой пойдем» — а «веди нас». Снага есть снага. Если поведу — пойдут. Что ж, и они будут полезны.

— Завтра и проверим, какие вы храбрецы, — прищурился я. — Мы пойдем в Хтонь! И когда вернемся — по делам вашим воздастся вам. А пока — готовность номер раз! За работу, все за работу!

Стрелки новых больших настенных часов приближались к девятке, на улице уже собралась небольшая толпа. Никакого ажиотажа, я на него не рассчитывал: откуда на Маяке в преддверии хтонического Инцидента взяться ажиотажу? Но тридцать или сорок клиентов там собралось и, черт меня дери, включение иллюминации и табличку, которая была повернута стороной «OTKRYTO» они встретили аплодисментами.

Я даже прослезился, хорошо — вовремя сообразил, что это нихрена не от трогательного момента, а от целого центнера нарезанного лука! А то что-то прям поплохело от мысли о том, что уруки тоже плачут. Не-е-е, не плачут, хренушки!

Конечно, первыми клиентами были Густав и Щербатый, они со своими боевиками заняли все столики внутри, остальным пришлось выставлять дополнительные, пластиковые — прямо на тротуаре.

— Мы решили воспользоваться договором о нейтралитете, — начал было самый главный снага, подходя к стойке и протягивая мне лапищу для рукопожатия, но вдруг замер, прищурился, а потом принюхался: — Ну-ка, ну-ка, сделайте-ка мне вон того, что так пахнет…

— Пища богов! — подал голос Единица.

— Шаурма! — поддакнул Двоечка.

Они тут были в качестве принеси-подай и спорадических уборщиков: мало ли что! Официантов не заводил принципиально: у нас тут равенство и самообслуживание!

— Шаурма-нах? Давай-ка мне… Раз-два-три-четыре… Пятнадцать шаурмы-нах! — щелкнул когтистыми пальцами Щербатый.

— Э! — возмутился Игельшнойцхен и встопорщил бороду. — Донерветтер, они выкупят всю классную жрачку! И мне — пятнадцать! Слышишь, Бабай? Мне тоже — пятнадцать!

— Витенька! Тридцать шаурмы! — я мысленно выдохнул: у меня полсотни штук лежало в термических боксах, только в контактном гриле довести до ума — и ура! Но виду не подал, нужно же было держать фасон — принялся лихо нарезать мясо с вертела тесаком, пока Шерочка с Машерочкой тоже для создания цирка крошили овощи.

— Вы садитесь, мы вас позовем, когда будет готово! — предложил Витенька. — Можете пока заказать напитки!

— ПИВА!!! — заорал зал.

Пошла движуха!

* * *

Густав Игельшнойцхен подобрался ко мне уже после полуночи.

— Ну, я смотрю, у тебя тут процесс налажен, — сказал он. — Пошли, обсудим кое-что.

Я подцепил кусочек мяса с поддона — который за ночь? — сунул его в рот и принялся жевать, вытирая заляпанные жиром

руки полотенцем. В принципе, основной накал страстей у стойки прошел, теперь чем ближе к утру, тем меньше будет клиентов и заказов… Шерочка с Машерочкой и Витенька без меня справятся, а за порядком присмотрит Хуеморген — он мужик авторитетный. Всё-таки прошли времена, когда я тут корячился в одиночку… Растет «Орда», растет!

— Ну, пойдем, — проходя сквозь толпу в зале, я пожал пару десятков рук, похлопал по дюжине плечей и выпил две нольпятки пшеничного — за обновление заведения.

Однако, приятно было осознавать, что всё большему количеству местных становилось насрать на то, что я — урук и полукровка, и это было хорошо! Мы с Густавом перебрались под тот самый тент с купальщицей в сексуальном бикини, гном открыл еще по одной припасенной бутылке на сей раз темного пива, а я снова вспомнил Кристинку и ее жалобы на Игельшнойцхена. Нет, определенно, мне нужна постоянная подруга! Так жить нельзя, это как-то неправильно! Но вслух, конечно, проговорил совсем другое:

— Ты ведь про бой говорить пришел? Смотри: в целом я не против. Надрать жопу Стредлейтеру — идея хорошая. Но как ты понимаешь, я — из мяса и костей, а в нем железячек понатыкано как в большом адронном коллайдере. Надо как-то уравнять шансы, ага? Смерть в бою — дело хорошее, но вот смерть на потеху толпы — это никогда не входило в мои планы.

— Бабай… — он почесал бороду. — Ты ведь Резчик. Точно так же. как он будет пользоваться своими имплантами и аугметацией, так и ты можешь подготовиться по-своему. Плюс, стандартные правила такого рода индивидуальных поединков предполагают ближний бой. То есть — стрелять из пистолетов или швыряться молниями — запрещается априори. Это моментальная дисквалификация. А вот если он долбанет тебя током или обожжет, когда ты ухватишь его за какую-нибудь не такую железячку — это будет вполне допустимо…

— Хм! — задумался я. Выглядело это как минимум приемлемо.

— Перед боем накануне будет демонстрация. Что-то вроде взвешивания в классических спортивных турнирах. Ты сможешь, по крайней мере визуально, познакомиться с тем, что из себя будет представлять твой соперник. За один день киборг вряд ли радикально изменится, да? — вот этот его заход был очень интересным, но звучал разумно. — А вот у тебя будут кое-какие шансы удивить его, если то, что я слышал о Резчиках — правда.

О да… Понять бы еще, когда моим этим татау угодно сработать, а когда они — просто рисуночки на руке! Но Густаву о

моей такой странной неосведомленности знать точно не следовало… Тем более, рука вдруг дико зачесалась, и на ней один за другим стали появляться новые значки: серп и молот, всевидящее око и сраный трискель, нахрен он мне не сдался! Золотое сияние, окружившее мое предплечье, увидел и Густав. Почесав затылок, он пробормотал:

— Вот об этом я и говорю… Об этом и говорю. Бумаги сейчас подпишешь?

— Завтра. У меня есть одно важное дело, вот закончу с ним — и сразу зайду к тебе. На обратном пути, — я почесал новые татау и закатил глаза от удовольствия.

— На обратном пути откуда? — заинтересовался гном.

— Хо-хо, — сказал я. — От верблюда.

Дурак я, что ли, рыбные места выдавать?

Глава 24
Охота на слонопотама

— ДАЦ! — огромный игольчатый шар ударился о сомкнутые орчанками щиты. Девчата устояли, напружинив крепкие ноги, синхронно толкнули — и чудище раскрылось, обнажив свое мягкое и беззащитное нутро.

Теперь был мой выход: я подкатом проскользнул по жиже под щитами у Шерочки с Машерочкой и рубанул наотмашь, высекая кровавые брызги из хтонической твари. Йожин — так называлась эта адская колючка — загудел подобно охотничьему рогу, закружился на месте и издох, несколько раз дернувшись.

— Мозг и иглы, — сказал Кузя, подбираясь поближе. — Иглы ваще-то можно вязать пучками по пятьдесят штук и продавать по двести за пучок. Мозг — в герметичный контейнер, мозг йожина и на кусок потянет. Редкая тварь! Такого только в Паннонской Хтони недалеко от Праги видали… Точно — ваще жесткий будет Инстудент… Инцесдень…Инвици…

Я только вздохнул — сил ругаться на гоблиненка не было, найму ему логопеда при случае, пусть страдает. Вопрос только кто — Кузя или логопед? Вот начнет он жопу при специалисте чесать изо всех сил — то-то беда будет!

— Единица! — рявкнул я. — Слышали? Свежевание на вас, пакуйте всё в контейнеры и оставляйте тут, на обратном пути заберем.

Снага начали пригождаться сразу. Например, еще до выхода в рейд Пятерка рассказал, что если запаковать части тел монстров в герметичные пластиковые контейнеры — обычные, из промтоварного магазина — то другие твари их почему-то не жрут. Может, у них на пластик аллергия? Такая полезная информация послужила основой для нашей стратегии: наубивать как можно больше тварей и оставить контейнеры в ключевых точках по пути. И тележки, самые обычные, бабусячьи, двухколесные — рядом. Взрослый мужик может запросто катить две такие тележки, даже и по Большой Клоаке, а на каждую тележку можно примотать синей изолентой и прилепить суперклеем черт знает, сколько контейнеров!

Наставили мы таких контейнеров уже штук пятнадцать, на каждой развилке: в спайке с орчанками у меня получалось изображать хорошую такую промышленную мясорубку о трёх клинках и двух щитах. Человекопауков, например, забодали аж целый выводок: Тоби Магуайра, Эндрю Гарфилда и Тома

Холланда… Нет, конечно, нет, ничего такого — просто их было три штуки, и я не удержался — комментировал по ходу боя, заставляя соратников переглядываться и сомневаться в моих умственных способностях. Пытался перед собой за «Караваджо» оправдаться.

А снага тоже неплохо показали себя: вооруженные смародеренными пожарными топорами — красными, на длинных ручках — они живо отмахались от скорпионовых крыс и коллективно зарубали четвертого человекопаука, получив при этом, правда, несколько крепких зуботычин… Говорят, Леонардо ди Каприо на роль Спайдермена пробовался, может, это он был? Тьфу, какая хтонь в голову лезет в Хтони!

Почему мы снова шли по Клоаке? Да потому, что большая часть тварей тоже не очень-то любила солнце и предпочитала прятаться в подвалах и подземельях, которые гоблинам были хорошо известны. Слонопотам, например, по слухам, обитал в бассейне, на цокольном этаже одного из отелей, а стоки из него уходили прямо сюда, в коллектор…

— Бабай! Тут вот чё, — почесал задницу Кузя и шмыгнул носом. — Тут ваще-то придется подняться наверх и метров пятьсот пробежать до паркинга. Пацаны сказали — там че-то промыло, размыло… Короче, можно далеко обойти, а можно быстро перебежать. А от паркинга до того бассейна по техническому туннелю всего ничего идти…

— Давай, веди, — я сунул кард за спину. — Если сбежишь — так и знай, Хуеморген про всё знает и насадит тебя на вертел. Он обещал!

— Да я… Да ваще! Да как ты мог! — он снова почесал жопу. Может — глисты? Или ранний геморрой? Сколько вообще ему лет-то?

— Вперед, вперед, Кузенька. Я твою натуру уже изучил… Шевели поршнями!

* * *

По закону западла эти сраные пятьсот метров по поверхности оказались сложнее всей проходки по Большой Клоаке. Мы выбрались под некогда элитным четырехэтажным домом, в залитом дождевой водой подвале и полезли через узкое окно наружу. Я лез первым и вылез с оконной рамой на плечах — это меня и спасло!

Удар веткой был хлестким и быстрым и разломал раму в крошево, а мог разломать меня! Тут же уйдя в перекат, я

поднялся с кардом в руках и чертыхнулся:

— Молодые дендроиды, ять! — точно как в одном из игровых замков из «Героев меча и магии». Ходячие деревья с горящими тьмой глазами!

Эти были еще мелкие — метра полтора ростом, такие сравнительно крохотные энтятки или, если говорить языком молодежи — «я есть Грут», чтоб его! И их было больше десятка, и они тянули ко мне свои руки-крюки! Кард вполне мог послужить в роли мачете и, отмахиваясь от деревянных конечностей, я заорал:

— Кто с топорами? Быстро, быстро сюда, дровосеки, тут ваша работа! — снага полезли наружу, матерясь и помогая один другому.

— Мы не гомосеки! — вот каков был их боевой клич.

Я рубился с деревяшками. Судя по листве на бошках, это были самые настоящие сахарные клены, какого-то хрена обзаведшиеся страшненькими глазами и зубастыми пастями, которые они так и тянули к нашей живой, теплой плоти. Щепки летели во все стороны, древесный сок (красный!) плескал по сторонам. Но их было слишком много, да и к боли дендроиды оказались не особенно восприимчивы… Мне приходилось худо: деревяшкой по кумполу — удовольствие так себе! Впрочем, как и по любым другим частям тела. Хорошо хоть, вопреки моему страху, отрастали отрубленные части я-есть-грутов не так, чтобы очень быстро.

Получив несколько ощутимых ударов по голове и ребрам и нарубив целую кучу сучьих сучьев, я, наконец, получил короткую передышку: налетели наши, ордынские снага с топорами, матерясь и надсадно ухая всякий раз, когда вонзали свое орудие в бегающую древесину.

Потом появились и Шерочка с Машерочкой, намаявшись проталкивать массивнные щиты через окошечко, пока не сообразили сунуть их по диагонали. Конечно, их короткие карды не были таким уж эффективным оружием против ожившей чащобы, но всё-таки с их помощью мы очистили бывшую платную стоянку от обезумевших саженцев минуты за три.

— Смотрите, — сказала Шерочка. — Они, похоже, из-под земли проросли!

В некоторых местах асфальт был проломлен, и там из почвы торчали мелкие корешки и паростки. По всему выходило, что орчанка была права.

— Двигаем дальше? — я огляделся в поисках Кузи.

Кузя торчал в окне и жмурил глаза.

— Ваще-то не. Ваще-то лучше назад, — пролепетал он.

— Ась? — не понял я.

— В жопе карась! — откликнулся Кузя, оборзев явно с испугу. — Бабай, сваливать надо, говорю! Земля дрожит ваще-то!

И вправду — откуда-то из-под слоя асфальта в самую душу начали проникать странные вибрации, дрожь, треск и грохот!

— Поздно, я-а-а-ать!!! — гоблиненок таки слился, исчезнув в окошке.

А мы — три урука и шесть снага — так и замерли, глядя на гребаного Древобородa, который высунулся из-под земли уже по самые плечи. Он напоминал добродушного и медлительного дедушку-энта из трилогии Питера Джексона только весьма приблизительно. Ни разу он не был ни добрым, ни медленным, да и кряжистости в нем не наблюдалось: хлесткий, худой, похоже — высокий. По крайней мере, размах рук у него был не меньше пяти метров! Да и сам он росточком был не обижен — выкопавшись окончательно, монстр воздел ветви к небу и оказался выше меня раза в три!

— Ы-ы-ы-ать! — одного из снага он подхватил тут же, крепко, до хруста вцепившись в его тело корневищами ладоней и потянув в пасть.

— Руби его, руби! Своих не бросаем! Спасать Четверку, немедленно!!! — я кинулся вперед и принялся кромсать деревянное туловище и ноги, девчонки — за мной.

На снага, похоже, все еще действовал трискель, они не могли напрямую ослушаться моего приказа, и потому, очевидно дрожа от страха, тоже принялись кружить вокруг сбрендившего кудрявого клена, пытаясь достать топорами руки чудища и освободить товарища, который орал и извивался.

И вдруг, среди всей это какофонии мой урукский слух различил два очень характерных сухих щелчка. Не таких тихих, как в фильмах. Погромче. Металлических, злых, несущих смерть на расстоянии. Кто-то стрелял из винтовки с глушителем! Щелчки повторились — грут-переросток в нескольких местах начал стремительно обугливаться, взревел, выпустил изломанного снагу… Огонь велся с крыши той самой элитной четырехэтажки, из подвала которой появились мы.

Сука, что за скотские законы! Какие-то парни с мощным огнестрелом в два счета уделывают тварь, которая едва не унесла жизнь моего соратника!

— Двойка, Тройка — хватайте Четверку и бегом на базу! Пусть Хуеморген вызывает частного доктора, мне плевать на цену — просто Четверка должен дожить до моего возвращения, — да, это был мой снага, но прерывать из-за него всю миссию я был не готов.

Потом сделаю ему лечебные татау — опыт-то уже есть!

Однако и такого моего поведения хватило, чтобы поймать от остальных зеленокожих орков что-то вроде религиозного восторга. Они буквально пожирали меня глазами пару секунд, а потом два снаги подхватили орущего товарища и побежали к окну в подвал.

Остальные следом за мной кинулись добивать древолюда. Получив обжигающие попадания неизвестными боеприпасами, этот папаша всех местных зеленых насаждений растерял былую прыть и едва шевелился, вяло отмахиваясь руками-ветвями, которые мы ему тут же капитально укоротили.

— Взгляните! — крикнула глазастая Машерочка. — На крыше!

Я отпрыгнул назад, давая возможность завершить начатое снагами во главе с Единицей, и обернулся. Черт бы меня побрал! А вот и спецназ! Хотя… Первое сходство с опричниками оказалось обманчивым. Две фигуры, которые скользили на тросах, отталкиваясь от стены, были слишком легкими, изящными, а их защитные костюмы в отличие от боевых доспехов Петеньки Розена и его товарищей напоминали не латы, а, скорее, чешую. Да и шлемы ни разу не походили на те сферические громадины, что таскали на своих плечах государевы люди. Так — аккуратненькие такие, но функциональные, с анималистичными хищными масками вместо забрал.

А вместо тросов у них имелся плющ. Гребаный зеленый плющ с листиками. Охренеть. Не, этот мир не перестает меня удивлять, мне определенно здесь нравится. Снайперы мягко опустились на грешную землю и, легко ступая, приблизились к нам.

— Айе! — произнес явно искаженный шлемом голос того, что был повыше и покрупнее. — Вы претендуете на сердце хуорна?

— Доброго денечка, — я сплюнул под ноги кровь, песок, и древесные щепки. — Во-первых, искренне благодарю за помощь, победа далась бы нам дорогой ценой, если бы не огневая поддержка. Во-вторых — да, мы претендуем на львиную долю в добыче, поскольку сделали львиную долю работы. Кажется, это будет справедливо, господа.

— Слышишь, Брегалад? Этот урук не только безумно храбрый, он еще и учтивый, — проговорил тот, что был пониже. — А еще — позаботился об эвакуации раненого снага в тыл. Ты говорил, на свете не осталось чудес, способных тебя удивить?

— Сердце хуорна. Мы здесь за ним, — сделал нетерпеливый жест рукой Брегалад.

Я рассмотрел приклады винтовок у них за плечами: они

выглядели круто, эргономично, как лучшие образцы начала 21 века на Земле. Нет, я не был специалистом по снайперским винтовкам, но верхами нахватался и навидался. Может, отдать им это сраное сердце, а всё остальное оставить себе? Вообще-то это до усрачки несправедливо: все-таки зверошлемные товарищи красиво и непринужденно уложили ужасную тварь с крыши, а я и Шерочка с Машерочкой должны были использовать архаичные железяки! Мне бы РГ-6 с полным барабаном ВОГов, я б этому хуорну накидал… Однако справедливости нет и не предвидится ни в этом мире, ни в каком другом, так чего зря разоряться-то?

— Не вижу проблем… — начал я, но был нагло прерван появившимся из ниоткуда Кузенькой.

— Ваще-то да. Никаких проблем, — он протиснулся между мной и этим Брегаладом и принялся втюхивать свою обычную херню: — У хуорна два сердца, одно вам, другое нам, и разошлись ка-а-а-к в море корабли. И мы дадим вам пластиковый контейнер. А то у вас его нет. Ваще-то нормальная идея, не?

— Гляди, Брегалад, у урука еще и гоблин за коммерции советника работает! Оригинально, — снова подал голос невысокий стрелок. — Но идея неплохая. Они ведь и вправду сделали всю работу. Мы могли бы прождать хуорна еще сутки или двое…

Это совершенно точно был либо очень молодой парень, почти мальчик, или… Девушка? Я по новому оглядел фигуру стрелка, скрытую за чешуйчатой броней, позу, пропорции плеч и бедер, длину ног… Однако!

— Мы забираем одно сердце, глаза и язык, — сказал Брегалад. — Вы оставляете себе второе сердце и всё остальное.

— Вы не охерели? — подкинулась Шерочка. — Сидели там на крыше, как куры на насесте, пальнули пару раз, и теперь спустились на всё готовенькое? Мы шкурами рисковали! Халявщики, ять!

Кард в ее руке и винтовка в руках Брегалада появились одновременно. И так же одновременно я перехватил ее руку за запястье, а второй снайпер… снайперша?.. взялась за ствол винтовки старшего товарища.

— Это нормальное предложение, — сказал я. — Четверка бы погиб, если бы не эти двое. Хтонические потроха против жизни боевого товарища? Я выбираю второе. Все слышали? Мы отдадим им то, что они просят. У нас еще много работы!

На том и порешили. Стрелки отошли в сторону и принялись перезаряжать оружие, поглядывая на то, как снага под руководством Кузьмы потрошат убитое страшилище. Мы сдевчатами извлекали трофеи из мелких деревяшек — там тоже

было чем поживиться. После того, как туша хуорна была освежевана и ингредиенты для таинственных стрелков отгружены в пластиковый контейнер, девушка (я почти уверился в своих подозрениях) в чешуйчатой броне проговорила, принимая из моих рук их долю:

— Ты очень необычный урук, верно? Интересно было бы посмотреть на тебя в других обстоятельствах… — верхняя, темная часть забрала на секунду стала прозрачной, и я увидел прехорошенькие блестящие карие глазки в обрамлении пушистых ресниц.

Та-тах! Сердце пропустило удар. Вот те здрасте! Это еще что такое?

— Двери «Орды» открыты для всех, — сказал я, чувствуя, как пересыхает во рту. — Заходите, будем рады. Лучшая еда и лучшие напитки на Проспекте. Открываемся как только стемнеет, закрываемся как только рассветет.

— Урук-ресторатор? — девушка рассмеялась. — Фантастика!

— Эсси! Заканчивай! Отец не будет ждать, — оборвал ее Брегалад. — За нами уже выслали крыло. Вот-вот будет выброс из эпицентра, пора убираться отсюда.

— Пока! — сказала загадочная Эсси, как-то жизнерадостно помахала рукой, и забрало шлема снова потемнело.

Побег плюща вопреки всем законам природы обвил ее запястье и — вж-ж-жух! — втянул снайпершу на высоту четвертого этажа и выше — на крышу. Брегалад вознесся следом.

— Тили-тили тесто, жених и невеста! — сказали Шерочка с Машерочкой, как только снайперы скрылись из виду. — Бе-бе-бе, Бабай, какой ты противный! Пялился на эльфийку, фу! Как это пошло и тупо!

— Эльфийку? — я хлопал глазами и не мог понять, о чем они говорят.

— А-а-а-а-а, наш мальчик-бабайчик впервые увидел лаэгрим и поплыл? Уй-юй-юй, бедненький! — продолжали сюсюкать и издеваться девахи. — Ты еще больше про свои обеты тренди, тогда вообще на каждый столб кидаться будешь! Эльфийка, фу-у-у! А что бы с тобой было, если бы ты авалонскую эльдарку узрел? Замяукал бы, как мартовский кот? Ой-ой, бедненький-несчастненький!

— Так! — сказал я и нахмурился. — Мы зачем сюда пришли? Мы пришли охотиться на слонопотама! Вот и вперед! На охоту!

— Ваще-то сначала нужно складировать ящики в подвальчик. А потом уже идите самоубиваться, если вам так хочется. Я ваще-то против. Мы и так затарились невхерственно! — заявил гоблин.

Вот почему «невхерственно» Кузя выговаривает без запинки,

а «инцидент» коверкает до неимоверной пошлятины и кровосмешения? Что за тайна мадридского двора, кто мне объяснит?

— Ладно, — вздохнул я. — Лучше мы действительно подстрахуемся и позаботимся о добыче. Мало ли! А потом уже двинем на слонопотама.

* * *

Слонопотам отвесил нам феерических звездюлей своим хоботом, вот что я вам скажу. И это была нихрена не хтоническая тварь!

В бассейне с водой на цокольном этаже отеля прохлаждался самый настоящий мамонт, огромный и мохнатый. Пускал пузыри своим хоботом, болтал ногами, шевелил ушами и всё такое. Вообще — вел себя очень несерьезно для многотонного ископаемого животного. Какого хера мамонт делал в Сан-Себастьяне, что он жрал в Хтони и почему сидел в бассейне — я понятия не имею. Но дрался он пипец как больно. Я и оглянуться не успел, как большущий шерстяной засранец ухватил меня хоботом за шкирку, выставил обратно за дверь и еще хорошенько наподдал под зад — так, что я кубарем перелетел через весь коридорчик, сшибая на своем пути соратников.

Девчата не поверили, сунулись внурь и тоже отхватили звездюлей.

— Кузя, — проговорил я, держась за расшибленную до крови о стену башку. — Не думал, что когда-нибудь скажу это, но, похоже, ты был прав. Наверное, мы обойдемся без слонопотама. Нормальный такой зверь, чего нам его обижать, верно?

— Э-ы-ы-ы!.. — через коридор пролетела Шерочка вместе с Машерочкой.

Девахи ляпнулись на пол, и кто-то из них сдавленно произнес:

— И вообще, у него глаза не горят. Он не хтонический, он нормальный… Этот, как его… Вымирающий вид!

— Они уже сто тысяч лет вымирают, никак не вымрут… — простонала вторая. — Не, ну, у нас на Васюганских болотах я их видала, но не думала, что…

Снага, раздухаренные своими дровосячьими подвигами на парковке, тоже не поверили и двинули к бассейну, и, подбадривая друг друга индейскими воплями, забежали в дверь.

Судя по звукам — слонопотам просто надавал им по щам, так что они с очень обиженными и распухшими рожами вернулись

обратно.

— Позорище какое-то, — сказал Единица жалобно, без единого мата.

— А ЕСЛИ ВЫ ЕЩЕ РАЗ ПРИДЕТЕ БЕЗ МЁДА, ТО Я НА ВАС СЯДУ! — раздался трубный голос из бассейна.

Мы ошеломленно переглянулись, я с кряхтеньем поднялся и сказал:

— Некоторым тайнам, похоже, лучше оставаться нераскрытыми, а некоторым трофеям — недобытыми… Пойдемте обратно, а? И, Кузя, если я увижу в сети какой-нибудь видос про то, как кровожадному уруку надавали хоботом по заднице… Так и знай, я всё-таки запихаю тебя в чью-нибудь жопу.

И мы пошли обратно.

Глава 25
На бой кровавый

Витенька залпом выпил полбутылки пива и заговорил — быстро, нервно, размахивая щупальцами и проглатывая окончания слов:

— Бабай, ты ведь не в курсе, как это устроено, да? Я жил в Зоотерике, кажется, всю жизнь, и скажу тебе сразу: они ТОЧНО тебя кинут и подставят. Формация отличается от Зоотерики формой, но не содержанием. Это такие же упоротые сектанты-радикалы, просто клин у них в сторону кибернетики и аугметации, а не генетики и мутации. Стредлейтера уже списали со счетов, его задача — убить тебя даже ценой своей жизни, ради блага группировки. Да, да, ты могучий воин и эти твои татау… Они — великая сила, но ты ведь сам признавался: срабатывают не всегда! Я не стесняясь скажу — мне страшно, что тебя тупо прикончат на арене. Да они могут ему в жопу вставить реактор холодного синтеза, чтобы он там по потолку бегал! Под кожу вошьют титановые пластины — и скажут, что он так и родился! Это Хтонь, кто проверит «правило 20 %»? Перепелке насрать, он будет кофе в офисе пить, пока Стредлейтер станет наматывать твои кишки на кулаки! Зачем ты дерешься, Бабай? — он присосался к бутылке и допил.

— Я дерусь, потому что дерусь! — откликнулся я. — Понимаешь, Витенька, у меня нет другого выхода. Если говорить на чистоту — я ничего из себя не представляю. Пока что. Сейчас я пустое место и ничтожество. Никому нет до меня никакого дела. А как можно вести дела с тем, до кого тебе нет никакого дела?

— Но…

— Лучшая шаурма на Проспекте? Хо-хо! Закусочная на задворках жопы мира? Не-е-ет, это не тот уровень, который мне нужен. Я решил строить Орду, и поверь мне — для этого одной шаурмы недостаточно. Первое и самое важное, что нужно при начале нового громадного дела — это репутация. Все тлен, кроме репутации. Я хочу, чтобы Формация и Зоотерика, эльфы и гоблины, аристократы и дегенераты — чтобы все они вздрагивали, когда им будут называть мое имя. Для этого мне нужна демонстрация. К сожалению, я не могу собрать армию, прорваться через ограждение и разрушить базу Формации до основания, сжечь ее, распахать плугом пепелище и посыпать его ванилином… Или чем там обычно посыпают пепелище? Солью? Не, солью скучно. Паприкой тогда… Короче — я не могу этого

сделать. Пока не могу. Будем откровенны — главная боевая сила Орды сейчас — это я и есть. Девочки у нас на птичьих правах, твоих боевых возможностей я не знаю, но предполагаю, что ты скорее тихушник и диверсант, чем боевой мастодонт. Хуеморген хорош, но он очень взрослый, нет в нем драйва… Снага… Да! У нас будет много снага, после того, что я провернул с первой нашей рабочей бригадой. Но снага — ведомые. И потому опять мы возвращаемся к нашим баранам, то есть — к репутации. Я надрал им задницу в Пампасах со страшной силой, и они меня боятся. Я исцелил Четверку, когда нанес ему татау — они почти полюбили меня. Да, я сделал их быстрее, выше, сильнее — хотя мне это дорогого стоило, и теперь наша великолепная шестерка молится на меня. Но мне нужно стать среди местных орков легендой, а легенды рождаются только после пафосных и идиотских поступков. Думаю, бой на кулачках с киборгом на глазах у огромной толпы зрителей вполне подходит для такого случая, а?

— Но это же…

— Слабоумие и отвага, точно, — это я еще мягко сказал.

Я понял, что меня попробуют порешить на арене грязно и подло еще тогда, когда узнал, что Кристина съехала в Академгородок. Кузя — чертов маньяк — подслушал скандал в квартирке у ветреной рыжухи, когда она мешала с дерьмом Густава. Конечно, со всей своей бабской прямотой она обвинила Игельшнойцхена во всех смертных грехах, и самое страшное — в мужской несостоятельности. И сравнила его со мной. И обвинила Густава в том, что она ему изменила. Ну, вы понимаете. Ума палата.

А потом, то есть — сейчас, полчаса назад, во время демонстрации и съемки, когда Стредлейтер тряс своими пласталевыми блестящими телесами в свете софитов и корчил рожи под маской японского демона, я увидел глаза Густава. Он смотрел на меня из толпы — как на мертвеца. Для него вопрос был закрытым. Но для меня-то нет! Я — Бабай Сархан, черный урук! Я буду драться, даже если на меня выйдет сам Государь Всея России! Да, скорее всего, завтра придется сдохнуть, но… Я ведь сдыхал уже один раз?

Как говорил Рене Декарт — «Я мыслю, следовательно, я существую», а закон сохранения энергии в его вольной трактовке гласит, что что-то из ниоткуда взяться не может и в никуда тоже не денется. Стало быть, я был, я есть, я — буду! Почти как Ленин! Только не так и по-другому. Короче — сознание есть, а если оно есть, то пропасть не может. Это Декарт и Ньютон сообразили, а не я придумал. Подохнув тут, есть вариант попасть в другие миры и

другие истории, кому как не мне об этом рассуждать?

Но и в этой истории я сказал еще не всё. У меня были некислые шансы на победу, даже если придется пройтись по самой кромке. В конце концов, не зря же я бил своим ручным снага олимпийские кольца? И ломаную линию сердечного пульса? Беда была в том, что эти татау у меня еще не проявились, но в момент стресса и смертной опасности могут и зачесаться на запястье, и помочь мне… Да и без них набор у меня был капитальный: весь медицинский комплект плюс клеверочек на удачу, которые я делал Николаю Воронцову — это раз. Защита от сглаза, негатор магии и красная цыганская ниточка хрен знает зачем — Лавриковы, это два. Потом весь БДСМ набор для снага: трискель, око, серп с молотом — это хрен знает, как могло мне пригодиться, но это три. И два последних, тоже для снага — олимпийские колечки и пульс — это четыре.

Если с последними двумя проканает, сделаю их всем ордынским. Реанимация и усиление физических параметров тела никому не вредили. Ну, и крестик красный тоже не повредит…

— То есть у тебя есть план? — посмотрел на меня Витенька, и цвет его кожи сменился с естественного на противоестественный — перламутровый, потом красный, потом — неоново-зеленый.

— Ну как — план? — пожал плечами я. — Наитие. Пойду посплю, ладно? Постоите тут смену сами?

Витенька только вздохнул:

— И как ты спать будешь-то? Нервишки не шалят?

— Спать буду сладко, похрапывая, обнимая подушку и пуская слюни. Какие нервишки, Витенька? Я — черный урук!

Псевдо-интерлюдия

Эссириэ Ронья, лаэгрим из клана Росомахи.

«Надым» внутри поражал. Конечно, не в сравнении со столичными или даже Сан-Себастьянскими клубами, а в сравнении с тем, что посетители заведения сидели снаружи. Главное злачное место Проспекта размещалось в четырехэтажном, полуразрушенном на вид кирпичном здании, пошарпанном и потрепанном, с кучами мусора, обрывками проводов, обломками и огрызками вокруг. Но это впечатление было насквозь обманчивым.

Гномы Игельшнойцхена возвели внутри старых стен совершенно новую каркасную конструкцию из металла — что-то вроде ангара, в каких размещают современные гипермаркеты и торговые центры. И вот там уже всё было пусть и брутально, но на очень достойном уровне. Много блестящего металла, огней,

дорогой драпировки, черепов местных хтонических тварей, муляжей (или действующих образцов?) холодного и огнестрельного оружия на стенах. Обширный танцпол, сейчас превращенный в арену, балкон по периметру, полный заряженной, хмельной от предстоящего зрелища, алкоголя и наркотиков публики, ложа — еще чуть выше, с удобными креслами и столиками, и винтовой лестницей, по которой сновали юные девушки-официантки в кожаных жилетках, обозначавших принадлежность к бандитскому клану Густава Игельшнойцхена.

— Брегалад, — сказала Эсси, усаживаясь в кресло рядом с самым бортиком и грационзным движением закидывая ногу на ногу. — Знаешь, что значит «Игельшнойцхен»?

— Какое-нибудь очередное гномское вундерваффе? Название противотанкового орудия?

Эльфийка тихо и мелодично рассмеялась, поправила выбившуюся из прически прядку за ухо и проговорила:

— Ежиная мордочка. Забавно, правда? У гномов вообще забавные фамилии.

— Эта мордочка сегодня похожа на волчий оскал. Наш радушный хозяин, кажется, ненавидит этого второго бойца, полукровку… Ну, мы видели его в Хтони, помнишь? Как его… — эльф пощелкал длинными интеллигентными пальцами, пытаясь припомнить: — Сардукар? Шерхан? Сардар?

— Бабай Сархан, — проговорила Эсси, четко артикулируя каждый звук. — Страшилка-Ублюдок.

— Мудрый Имбецил? — усмехнулся Брегалад. — Кажется, это даже забавнее, чем Ежиная Мордочка. Но в целом, сестрица, это не важно. Глупый орк предназначен на заклание во славу великой группировки Формация. Наши железноголовые друзья сегодня собираются продемонстрировать превосходство технического прогресса над первобытной яростью. Знающие игроки делают ставки не на победу, а на время — когда киборг уделает орка.

— Вот как? — левая бровь Эсси изогнулась. — Мы ведь видели, как он сражался против хуорнов.

— Да, да, рубился как берсерк и не забывал о тактике. Его эта находка с двумя щитоносцами… Интересный элемент. Знаешь, будь он шаманом или настоящим берсерком, а не полукровкой — я бы еще порассуждал с тобой на эту тему. Но… Пожалуй, я поставлю на то, что он ляжет в первые пять минут.

— А где здесь делают ставки? — Эсси поискала взглядом букмекера и подозвала его к столику.

Высокий лысый мужчина в красном костюме в полосочку жестом фокусника извлек планшет и спросил:

— Желаете сделать ставку?

— Пять тысяч на то, что орк проиграет за пять… Нет! За три минуты, — Брегалад коснулся планшета браслетом, который носил на запястье.

— Ставка принята, высокородный господин Брегалад Ронья, — угодливо полконился лысый букмекер.

— Тысячу на победу Бабая Сархана, — Эсси улыбнулась, продемонстрировав свои белоснежные зубы с чуть более выраженными, чем у людей, клыками.

— Спешу заметить, высокородная госпожа Эссириэ Ронья, что коэффицент на данный момент составляет один к десяти в пользу бойца группировки «Формация», и разрыв продолжает расти… — лысый облизал губы.

— Тем больше будет выигрыш, верно? — Эсси прищурилась.

— Я бы не рекомендовал вам…

— Возьми мои деньги, — в ее голосе послышалась сталь.

— Это ее выбор, — сделал вальяжный жест рукой Брегалад.

Букмекер протянул планшет, и эльфийка, мельком бросив взгляд на экран гаджета, улыбнулась одними уголками губ и приложила свой браслет. Лысый поклонился и испарился в мгновение ока.

— Сумма ставок впечатляет. И денег больше поставили на киборга, это верно, — промолвила девушка. — Но знаешь, что интересно? Количество ставок на этого урука-ресторатора зашкаливает.

— Количество? — заинтересованно склонил голову на бок эльф.

— Денежные мешки ставят на Формацию, местные — на Бабая Сархана. По три, пять, двадцать, сто денег. Интересная математика, братец, ты не находишь?

В этот момент загремела музыка, вспыхнули софиты, на круглую арену посреди танцпола выскочил холеный седой человек: рефери, в идеальном костюме и красной бабочке.

— … дамы и господа, главное событие вечера и, как уже пишут нам в Сети — главный бой этого сезона-а-а-а! Такого вы еще не видели! Кибернетический боевик «Формации» против свирепого урук-хая — убийцы чудовищ! Наша трансляция уже сейчас, к этому моменту, набрала сто тысяч просмотров, и количество зрителей постоянно растет, но мы-то знаем, кому повезло больше всего! Нам с вами, верно?

Публика взорвалась приветственными криками.

— Мы с вами находимся здесь, сейчас в этом зале! О да-а-а, эта овация нам — победителям и храбрецам просто потому, что мы сейчас собираемся повеселиться и оторваться, и имели мы Хтонь за окном! Нахер Хтонь! — он воздел руки к потолку. —

Вы сломили ей хребет вчера, Инцидент кончился, так и не начавшись. Вы герой, а Хтонь… Нахер её!

— Нахер Хтонь! — толпа неистовствовала.

— Ита-а-а-к настало время приветствовать наших бойцов! В правом углу ринга у нас А-а-а-а-алекс Стре-е-е-едле-е-е-е-йте-е-е-е-р!.. — дальше рефери зачастил перечисление мастерских, компаний, фирм и фамилий, которые приняли участие в апгрейде киборга.

Маркетинг, такой маркетинг… Эсси вздохнула, откинулась в кресле, взяла со столика хайболл с коктейлем, пригубила напиток и прикрыла глаза. Смотреть на роботизированные стати Стредлейтера ей не хотелось. Киборг устроил себе пышный выход с бьющими вверх фейрверками, девушками в бикини и мощными гитарными рифами, на экранах у потолка в этот момент демонстрировали самые эффектные моменты из уличных боев и поединков на арене с участием бойца Формации в маске демона Они. Зал аплодировал, пока Стредлейтер принимал горделивые позы и вовсе не боялся демонстрировать, что аугметация и протезы заменяют у него куда как больше заявленных в правилах двадцати процентов тела…

— …ходят слухи, что последний Резчик черных уруков Кавказа лично передавал ему тайные знания и обучал секретным техникам боя! — надрывался рефери. — Надписи на его футболках разлетаются на цитаты быстрее, чем слова авалонской королевы, а рецепт новых блюд диктует сам дьявол! Единственный и неповторимый, великий и ужасный, Баба-а-а-ай Са-а-а-архан!

Вдруг стало как-то неожиданно тихо, особенно остро эта тишина воспринималась после пафосного выхода Стредлейтера, так что Эсси открыла глаза и распрямилась в кресле, глядя в темный зев прохода, откуда должен был появиться урук.

— А где музыка? — разнесся по всему «Надыму» чей-то шепот из динамиков. — Куда вы дели музыку для выхода?

— А нужна была музыка? — этот низкий рык она уже слышала там, в Хтони, на парковке, во время сражения с хуорном. — Да? Вот же ж ять… Неловко вышло. Ладно, хер с ней, я пошел, короче…

Народ примолк, послышались тяжкие шаги орка и его горловой рык, который сначала вроде как мычал что-то себе под нос, но потом запел уже в полный голос, страшно и завораживающе одновременно:

— …Znamya velikoj bor'by vsekh narodov
Za luchshij mir, za svyatuyu svobodu.

На орке были надеты одни только рваные джинсы и тяжелые

строительные ботинки. Мощный торс и громадные руки бугрились мышцами, две косы у висков оказались связаны концами на затылке, удерживая гриву черных волос, на лице хорошо виднелся странный и непривычный символ: как будто кто-то макнул ладонь в известку и приложил ее ко лбу, носу и щекам. Кулаки и предплечья черного урука были туго перемотанны бойцовским бинтом. Как это могло помочь против титановой брони киборга?

С силой оттолкнувшись ногами, полукровка прыгнул, преодолевая ограждение, крутанул сальто в воздухе, с грохотом приземлился на пол арены и прошелся по рингу.

— Na boj krovavyj,
Svyatoj i pravyj
Marsh, marsh vperyod,
Rabochij narod!

Она точно никогда до этого не слышала такой песни — наполненной какой-то стихийной, злой, страшной энергией! Да и то, что произошло дальше…

— Есть тут кто из наших? — орк оглядел столпившуюся на балконах публику и, взмахнув длинной шевелюрой, поднял вверх пудовые кулаки. — Лок-тар огар, соратники!

Вдруг какое-то совершенно невероятное количество снага и гоблинов, да и часть людей и гномов — тоже заорали так, будто ждали шанса выкричаться:

— Лок-та-а-а-р!!!

— Мелькор меня забери, — поморщился Брегалад. — Какой мощный эгрегор у этого парня. Нам только нового Азога не хватало… Может, и погорячился я со ставкой? Эсси? Айе, Эсси, что с тобой?

Эсси смотрела на этого дикаря во все глаза, не мигая.

Ударил гонг. Бой начался

* * *

Первыми же ударами Стредлейтер превратил мое лицо в кровавое месиво, сломал три или четыре ребра и отбил печень. Всё было именно так, как и говорил Витенька. Похоже, Густав предоставил Формации место под походную лабораторию, и они нашпиговали киборга дополнительными апгрейдами прямо тут, на месте. У него даже шрамы не зажили, на хромированный металл кулаков сочилась кровь из стыков живой плоти с кибернетическими имплантами.

Кровь, кровь, кровь… Она заливала арену, я едва держался на ногах, каждый удар киборга был подобен удару молотка, забивающему гвозди в крышку гроба. Все мои попытки блокировать или атаковать навстречу наталкивались на холодный металл под кожей, и я просто получал новые травмы… Толпа неистовствовала, выла, свистела.

— Эй, педик! — прохрипел я, отскакивая и разрывая дистанцию. — Вместо яиц у тебя теперь что? Подшипники? А вместо члена — патрубок?

Стредлейтер под маской демона Они улыбался. Вообще-то даже маска была нарушением правил, но тут, похоже, всем было наплевать на правила. Нужно было зрелище, и избиваемый смертным боем урук — восходящая звезда местного сегмента Сети — вполне подходил для этой цели.

Киборг прорычал:

— Я нассу на тебя, и тогда ты поймешь, какой там патрубок!

Значит — не патрубок?.. Не успеваю додумать мысль, киборг ускоряется, проходит в клинч, и его мощный апперкот вышибает из меня дух, кажется — в буквальном смысле этого слова.

… На какое-то мгновение я увидел свое тело, как будто бы со стороны, зависшее в воздухе метрах в трех над ареной — большое, изломанное, с окровавленными волосами. Софиты полыхали, орки, гномы и люди замерли с воздетыми вверх руками, раззявленными в немом крике ртами, Стредлейтер застыл — его кулак еще был в верхней точке удара, а глаза под маской выражали злую радость.

Наверху, на стеклянном балконе, у самого бортика замерла девушка в простом зеленом платье — невысокая, очень стройная, грациозная, с коротким каре темных волос и карими, блестящими глазами. С каким-то детским удивлением я отметил остренькие кончики ушей — эльфийка? Откуда тут, в этом месте — эльфийка? Но еще большее удивление у меня вызвало явно выраженное *сопереживания и сострадания,* которые явно читались в выражении ее красивого, живого лица. Черт бы меня побрал, у нее слезинка была в уголке глаза!

Эльфийка пожалела орка? Ни-хе-ра себе?!

С таким же чувством охренительного удивления я, как куль с дерьмом, шмякнулся на пол арены и, ощущая дикое жжение под бинтами на предплечье, мгновенно вскочил на ноги, и понял, что окутываюсь золотым свечением. Вовремя, ять! Нет, решительно пора разобраться со всей этой Резчиковой хренью! Он же едва не убил меня, этот Стредлейтер!

С ужасным хрустом и дикой болью вправлялись кости, даже нос хряснул так, что у меня по спине побежали мерзкие мурашки.

Киборг отступил на шаг назад:

— Колдовство! — заорал он. — Орочье колдовство! Нарушение правил!

— У-у-у-у!!! — завопил зал, в киборга полетели объедки и стеклянные стаканы. — Зассал? У-у-у-у!

— Апелляция отклоняется, — сказал в микрофон рефери. — Орки не обладают способностью к плетению заклинаний. Встроенные в тело амулеты, импланты и их аналоги по правилам разрешены в пропорции не более двадцати процентов. Вы можете сдаться, господин Стредлейтер!

Киборг глянул куда-то мне за спину: там стояла команда Формации, и Сандер — в том числе. И что-то такое они ему там просигнализировали, что он сорвал с лица маску демона и, грязно ругаясь, набросился на меня, нанося удары с жуткой скоростью, его глаза горели безумием, а по кулакам проскакивали электрические искорки.

А я чувствовал необыкновенный прилив сил. Даже круче, чем тогда, в первый раз, когда сработали медицинские татау. Что это, если не второе дыхание, о котором с таким восторгом говорили спортсмены на старушке-Земле?

Нырок, уклон, блок, снова уклон — он просто не мог попасть по мне. Быстрее, выше, сильнее — вот что это такое было! Рука дающего не оскудеет! Наградив снага реанимацией и усилением, я получил их сам — очено удачно, в самый нужный момент! Эффект от татау явно наложился друг на друга, и черт его знает как, но оно — работало, и я дрался с ним на равных, отводя удары и контратакуя! Да, да, он все еще был металлическим засранцем, и мне было чертовски больно, но исцеление работало перманентно, залечивая травмы в режиме нон-стоп, и, рыча сквозь зубы, я блокировал и лупил его со страшной силой!

А потом — улучил момент и…

— Н-н-на! — подъемом стопы врезал ему по патрубку и подшипникам, которые совершенно точно не были железными.

Он сам так сказал.

— И-и-и-и-и! — заверещал Стредлейтер. — И-и-и-и!

Он согнулся — и тут же получил сначала открытыми ладонями — по ушам, а потом коленом — в рожу. Раз, два! Я ухватил его за волосы и снова ткнул мордой в свое колено — три, четыре! Стредлейтер рухнул на пол, но гонг все не звучал, и я прыгнул ему на спину обеими ногами, а потом — еще и еще… Когда запахло машинным маслом и горелой проводкой, и под его тушкой расплылась зловонная жижа, я наклонился и произнес киборгу в самое ухо:

— Турочку-то мне починили, а осадочек-то остался…

* * *

Ни черта я не помнил ни финальный гонг, ни объявление победителя, ни поздравления, ни вопросы журналистов, сующих мне в лицо микрофоны… Я искал глазами ту эльфийку на балконе, но ее кресло было пустым, и кресло второго эльфа — тоже. Это могла быть та девушка из Хтони? Или — нет? Бывают такие совпадения?

— Ты как вообще? Бабай? Ау? — Шерочка с Машерочкой трясли меня и тормошили в раздевалке. — Ну, ты дебил вообще, как мог музыку забыть? Мы б станцевали! Бабай, ты слышишь? Татау набьешь нам? Бабай, возьми нас в Орду насовсем, а? А как у тебя нос вправился, а? Это резчикова тема, да? А классно ты его уделал, мы и рассмотреть почти ничего не успели, махали вы руками, как два пропеллера! А…

— Цыц! — сказал я. — Дайте футболку, мне пройтись надо. В «Орде» встретимся, через полчаса.

— Но… — девчата переглянулись. — Ну, ладно.

Я натянул на себя свежую черную футболку, пощупал зачем-то лицо руками, ощущая липкую кровь вперемешку с меловой побелкой, провел языком по удивительно целым зубам и деснам — после такой мясорубки-то… А потом встал и пошел на улицу.

Проспект, освещенный неровным светом электрических фонарей и месивом голограмм, уходил в ночную тьму. Где-то выли собаки, пахло табаком, мокрым асфальтом, отбросами и жареным мясом. Я шагал по тротуару, сунув руки в карманы джинсов. Ни одной мысли в голове не было — бой и всё, что произошло вокруг него, вымотали меня полностью. Я остановился у мутного окна в цокольный этаж одного из полуразрушенных зданий и прислушался: кто-то пел! Какая-то мамаша пела колыбельную своему ребенку… Детям?

Зачем-то заглянул в окошко. Там, в небольшой обдрипанной комнатушке, страшная, как смертный грех, женщина-снага качала подвешенную к потолку колыбельку, в которой ворочались сразу трое зеленокожих клыкастых малышей грудничкового возраста. Полусонная орчанка клевала носом и пела:

— Баю-баюшки-баю
Не ложился на краю!
Злой Бабай к тебе придет
Тебе жопу надерет…

Я хрюкнул, давясь смехом, и побежал прочь, быстро-быстро,

но стараясь сильно не топать, чтобы не разбудить маленьких будущих ордынцев. Спустя шагов сто я остановился, прислонился к стене и заржал в голос, выпуская напряжение на свободу. Хотел войти в легенды? Сбылись мечты народные!

— Чего ржешь? — раздался над головой грубый мужской голос, смутно знакомый. — Ночь на дворе. Люди спят!

— А?

— Говна! Это что, опять ты, образина? Опять полуношничаешь? Щас пальну дуплетом, будешь знать!

— Да не надо — дуплетом! Иду я, иду, на работу тороплюсь. Доброй ночи, сладких снов. Прощения прошу.

— В «Орде», что ли, работаешь? Одни беды от вашей «Орды», шум и великий понос! У-у-у, натравлю я на вас муниципалитет… — похоже, по привычке начал ворчать знакомый голос.

— Окно закрой, дует! — послышалось откуда-то изнутри квартиры.

— Марта, ну какое дует, жара страшная!

Я только усмехнулся и широкими шагами двинул вперед, к такому знакомому и родному крыльцу из дикого камня, над которым теплым желтым светом горела вывеска, состоящая из одного емкого и громкого слова— «ORDA».

КОНЕЦ первого тома.

* * *

Спасибо всем кто читал сразу, с колес, кто помогал искать опечатки, поддерживал наградами и вообще — посчитал сей странный литературный эксперимент достойным своего времени и своих денег. безумно вам благодарен за ржачные комменты и общий позитивный настрой. без всего этого хрена с два у меня бы получилось выдавать по целой главе в день.

Но вообще — это рекорд, книга написана за 25 дней с начала и до конца. Гы-ы-ы.

Отдохну несколько дней и сяду за второй том, надеюсь публикацию начну в начале сентября. Это ведь не так-то и долго, а? ну и эту надо перечитать и слегка поправить. в целом сюжет и события останутся те же, править буду только грамматику, пунктуацию и прочие мелочи.